

ISSN 1817-9568

DISCOURSE - P
Дискурс *Ди-Ни*
Научно-практический альманах

PHILOSOPHY - ФИЛОСОФИЯ
POLITICS - ПОЛИТИКА
POWER - ВЛАСТЬ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Ди-Ни

Выпуск 6

**Дискурс
современных
мифологий**

**Институт
философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

Екатеринбург
2006

DISCOURSE - P
Дискурс *Ди-Ни*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ДОМ УЧЕНЫХ»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ДИСКУРС-ПИ»

Адрес редакции:

620144 г. Екатеринбург
ул. 8 Марта, 68, комн.3.

Телефоны:

(343) 251-70-58
(343) 251-77-85

E-mail: dipi@nm.ru
www.discourse-pm.ur.ru

При перепечатке
ссылки на альманах
«Дискурс-Пи»
обязательны.
Редакция
не несет ответственности
за особенности
дискурса авторов

Тема следующего выпуска:
«Новый левый дискурс»

ISSN 1817-9568

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. Александров
Л.М. Андрияшина
О.Г. Дука
Е.Г. Дьякова
Ю.Г. Ершов
К.В. Киселев
Ю.В. Конецкий
О.В. Коркунова
В.О. Лобовиков
И.П. Малинова
Б.С. Модель
И.М. Модель
С.В. Мошкин
Д.В. Нежданов
Л.И. Рыженко
Д.Л. Стровский
Е.М. Сурина
И.Б. Фан
Л.Г. Фишман
А.Э. Якубовский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.В. Алексеев
Б.Б. Багиров
С.Е. Вершинин
А.В. Гайда
М.Е. Главацкий
Б.В. Емельянов
А.Д. Кириллов
В.Б. Куликов
К.Н. Любутин
М.А. Малышев (Мексика)
Д.А. Миронов
В.Ф. Олешко
А.В. Перцев
В.И. Разумов
В.Н. Руденко
В.М. Русаков
А.Е. Спасский
Е.А. Степанова
Е.С. Тулисов
М.А. Фадеичева

Ответственный секретарь

Е.Г. Грибовод

В оформлении обложки использована

картина Доменикино (1581-1641) «Взятие

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова

Дискурс мифотворящий 7

Дискурс современных мифологий

В.С. Мартыанов

Мифологии народных вопросов 8

М.А. Фадеичева

Образы врага в российской политической мифологии
XXI века 11

О.Ф. Русакова

Про Моду, Деда Мороза и Супермена: дискурс-анализ
мифологий массовой культуры в работах Р.Барта,
Ж.Бодрийяра и У.Эко 14

М.С. Ильченко

«Противоядие от мифа»: пространство текста
Ролана Барта 20

Д.В. Субботин (г.Бишкек, Кыргызстан)

Рациональные мифы: парадоксальный синтез
современности 22

Мариано Родригес Гонсалес (г.Толука, Мексика)

Что такое миф? 26

В.М. Русаков

Мифотворческая составляющая теоретического
познания 30

Б.В. Емельянов

Диалектика мифа А.Ф.Лосева: судьба идей и
работ 32

Е.В. Власова

Старые и новые мифы о теле 34

А.Г. Шабуров

Справедливость как миф и идеологема 36

В.Н. Руденко

Институт тулку в политической мифологии
Китая 38

В.П. Гриценко

Дискурсы мифа и дискурсы Логоса 41

О.В. Коркунова

Размышления о специфике современного
религиозного мифа 43

А.Д. Трахтенберг

Миф о Величии электричества в рамках советской
технократической утопии: «ОГАС» академика
Глушкова 45

В.В. Уфимцев

«Демократия» в России сквозь призму политических
мифов 48

Галерея

К 150-летию Г.В. Плеханова

Б.В. Емельянов

Г.В. Плеханов – историк русской философии 49

К.Н. Любунин, В.М. Русаков

Актуальность Плеханова: философские и социально-
политические воззрения Г.В. Плеханова 51

Антропология

К.С. Романова

Антропология мифа 56

А.В. Саламатова

Дискурс-анализ мифов, как инструмент манипуляции
сознанием человека современной России 58

Е.Н. Коваленко

Повсеместность мифического 59

С.И. Емельянова

Вопрос и время: возвращение мифа 61

А.С. Гагарин

«Homo interior» Августина Аврелия
(Блаженного) 64

Персона

«Я был романтическим коммунистом и остался
им...». Интервью с А.А. Зиновьевым (И.Б.Фан) 67

Тропы метода

А.Е. Спасский

Дискурсивное управление 70

В.А. Медведев

Эпистемологический дискурс современной науки:
миф или методологическая структура 72

Е.В. Ишменев

Три способа интерпретации сексуальной
идентичности 75

А.С. Кузнецов

Парадипломатия: трактовки и теоретические
модели 76

Д.А. Максимов

Дискурс компромисса vs. дискурса оппозиции 78

Геополитика

Комлева Н.А.

Имперская политика в эпоху Постмодерна 80

Знатный гость

Иов и Левиафан: спор ради согласия. Интервью с
М.В. Ильиным (И.Б.Фан) 84

Конференц-зал

О.Ф.Русакова, А.Е.Спаский

Первая международная конференция
«Дискурсология: методология, теория,
практика» 91

Доклады

М.В.Ильин (г. Москва)

Перспективы политического дискурс-анализа в
России 93

А.Г. Пастухов (г.Орёл)

Теория Н. Фэрклоу и проблема реализации речевого
жанра в триаде «текст – дискурсив-ная практика
– социальная практика» 96

В.Г.Богомяков (г.Тюмень)

«Земля Тюменская»: особенности дискурса
региональной идентичности 98

Б.В.Емельянов

Русская культура: что произошло, когда не стало
дискурса «Мы» и «Они»? 100

Т.В.Белых (г. Ставрополь)

Исследование феномена осознания экзистенциальных
границ «Я-образа» 102

Д.Е. Москвин

Молодёжь в политике – ДА! Молодёжь во власти
– НЕТ! 103

Л.М.Андрюхина, Н.Ю.Фадеева

Дискурс межкультурной коммуникации: проекты
Свердловской региональной Ассоциации «Друзья
Франции» 106

Игра в бисер

В.О. Лобовиков

Эвтания: популярные мифы и реальные ценности с
точки зрения алгебры естественного права (Алгебра
естественного права как математическая модель
формальной аксиологии бытия и небытия, жизни и
смерти) 109

Четвертая власть

Ю.В.Чемякин

Мифы корпоративной прессы и дореволюционный
опыт изданий подобного типа в России 112

Политические технологии

К.В.Киселев

Символический смысл преемственности власти в
современной России 114

Е.Г.Дьякова

Гражданское общество в условиях информационной
революции: задачи и возможности 118

Афоризмы

М.А.Малышев (г. Мехико, Мексика)

Судьба, надежда, вера и любовь. Парадоксы и
ироничные высказывания 121

Эссе

М.Ф.Казанцев

Сделка с дьяволом: миф или реальность 123

С.Н. Некрасов

Моя новая сказка о социализме: послание детям эры
разобренных миров и забывшим детство
взрослым 128

Трибуна

С.В.Мошкин

Торжество «вертикали», или рассказ о том, как власть
секвестрирует конституционные права граждан ... 133

Мастер-класс

О.Ф.Русакова

Современная политическая философия (программа
учебного курса) 135

Клуб дядюшки Лю

Гимн лаборантов (Из архива д. Лю) 139

В.М.Русаков

Ох, уж эта история! (Из серии « Идиотские
философские сказки») 139

Л.Г. Фишман

Человек по имени Балда (Подражание Проппу,
Носовскому и Фоменко) 141

А.Ф. Фаденчев

Разговор в трамвае 143

Вехи

Пятилетие альманаха «Дискурс-Пи» 145

Поэтик

Б.В. Емельянов. В.А. Апрелева и ее стихи 146

В. Апрелева 146

Л.Татьяничева 148

Л.Ладейщикова 149

Ю.Конецкий 150

М. Модель, Б. Модель (г. Беэр-Шева, Израиль) ... 152

Е. Ананина 153

Памяти друга

В. Д. Жукоцкий (1954-2006) 153

Новые книги по философии, политологии, социологии и праву

..... 155

Editor's preface

Rusakova O. F.

Discourse of mythmakers 7

Discourse of modern myths

Martianov V. S.

Mythologies of people's questions..... 8

Fadeicheva M. A.

Images of the enemy in Russian political mythology
of the XXI century 11

Rusakova O. F.

About Fashion, Santa Claus and Superman: discourse-
analysis of mass culture in the works of R. Barth, J.
Baudrillard and U.Eco 14

Ilchenko M. S.

"Myth antidote": Rolan Barts texts space 20

Subbotin D. V. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Rational myths :paradox synthesis of modernity 22

Gonsales M. R. (Toluka, Mexico)

What is myth? 26

Rusakov V. M.

Mythocreative part of theoretical cognition..... 30

Emelianov B. V.

Dialectics of Losev's myths: fortune of ideas
and works 32

Vlasova E. V.

Old and new myths on body 34

Shaburov A. G.

Justice as myth and idelogem 36

Rudenko V. N.

Institute of tulko in political mythology of China 38

Gritsenko V. P.

Discourse of myth and discourse of logos 41

Korkunova O. V.

Thoughts on specific of modern religious myth 43

Trakhtenberg A. D.

Myth on greatness of electricity within soviet
technocratic utopia: "OGAS" of academic
Glushkov 45

Ufimtsev V. V.

«Democracy» in Russian within the political myth
dimension 48

Gallery

On 150th Plehanov's anniversary

Emelianov B.V.

Plehanov – historian of Russian
philosophy 49

Lubutin K. N. Rusakov V. M.

Actuality of Plekhanov 51

Anthropology

Romanova K. S.

Anthropology of myth..... 56

Salamatova A. V.

Discourse-analysis of myths as the tool for manipulation
of people's mind in modern Russia..... 58

Kovalenko E. N.

Universality of mythical 59

Emelianova S. I.

Question and time: back of myth 61

Gagarin A. S.

«Homo interior» of Augustin Aurelius (the Blessed). 64

Person

"I was the romantic communist I m still stay the same..."

Interview with Zinoviev A. A. (Fan I. B.)..... 67

Tropes of method

Spasskiy A. E.

Discursive management 70

Medvedev V. A.

Epistemological discourse of modern science: myth or
methodological strcture..... 72

Ishmenev E. V.

Three ways of interpretation of sexual identity 75

Kuznetsov A. S.

Paradiplomacy: treatments and theoretical models... 76

Maksimov D. A.

Discourse of compromise vs. discourse of
opposition..... 78

Geopolitics

Komleva N. A.

Empire policy in the Postmodern Era 80

Noble guest

Job and Leviathan: discussion for agreement. Interview
with M.V. Ilyin (Fan I. B.) 84

Conference chamber

Rusakova O. F., Spaskiy A. E.

The first international conference “Discourseology: methodology, theory and practice” 91

Papers

Ilyin M. V. (Moscow)

Perspectives of discourse-analysis in Russia 93

Pastukhov A.G. (Orel)

A Theory of N.Fairclough and the problem of speech genres realization in the triad “text-discursive practice-social practice” 96

Bogomiakov V. G. (Tumen)

“Tumen Land”: peculiarities of discourse of regional identity 98

Emelianov B. V.

Russian culture: what happened when the discourse “we” and “they” vanished? 100

Belikh T. V. (Stavropol)

The research of phenomenon of recognition existence borderers of “I — i mage” 102

Moskvin D. E.

Youth in politics — Yes! Youth in authorities — No! 103

Andruhina L. M. Fadeeva N. U.

Discourse of crosscultural communications: projects of Sverdlovsk regional association “Friends of France” ... 106

Beads game

Lobovikov O. V.

Ethtanasia: popular myths and real values from the point of algebra of natural right (Algebra of natural right as math model of formal axiology being and non-being, life and death) 109

The fourth power

Chemiakin Y. V.

Myths of corporative press and pre-revolutionary experience of such issues in Russia 112

Political technologies

Kiselev K. V.

The symbolic sense of power succession in modern Russia 114

Diakova E. G.

The civil society in conditions of information revolution: goals and opportunities 118

Aphorisms

Malishev M.A.

Fate, Hope, Faith & Love. Paradoxes & Ironic utterances 121

Essay

Kazantsev M. F.

Deal with devel: myth or reality 123

Nekrasov S. N.

My new tale about socialism: message to the children of the Era of Disconnected Worlds and to those who forgot childhood 128

Tribune

Moshkin S. V.

Triumph of “vertical” or story about how the authorities seizes constitutional rights of people 133

Master-class

Rusakova O.F.

Contemporary political philosophy (Curriculum of course) 135

Uncle Lu’s club

Hymn of laboratory assistants

(from Uncle Lu’s archive) 139

Rusakov V. M.

Oh, those stories! (From the series «Idiotic philosophic stories») 139

Fishman L. G.

Man by name Balda (Imitation on Propp, Nosovski and Fomenko) 141

Fadeichev A.E.

The talk in a tram 143

Landmarks

5 years of Discourse- Palmanac 145

Poetic

Emelianov B. V. Apreleva and her poems 146

Apreleva V. 146

Tatianicheva L. 148

Ladeischikova L. 149

Konetskiy Y. 150

Model I., Model B. (Beer-Sheva, Israel) 152

Ananina E. 153

For memory of friend

Zhukotskiy V. D. (1954—2006) 153

New books on philosophy, political science, sociology and law 155

ДИСКУРС МИФОТВОРЯЩИЙ

Русакова Ольга Фредовна
доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института
философии и права УрО РАН

Дорогие читатели!

Обращение к дискурсу современных мифологий для нашего альманаха совершенно логично и закономерно. Конструирование мифов – функциональное свойство дискурсов, вращающихся в сферах культуры и политики. Причем, мифотворящая сила дискурсов при переходе от одной эпохи к другой, отнюдь, не ослабевает, а, наоборот, все более усиливается.

Логоцентрический, рационалистический дискурс, начавший свое триумфальное шествие в эпоху Просвещения, в XIX-ом столетии начинает испытывать серьезную конкуренцию со стороны дискурсов, формирующих мифологии индустриальной эпохи.

XX-й век продемонстрировал широкие медийные и политические возможности для развития и функционирования новых мифотворящих дискурсов. Век толп, сформировав массового человека, ставшего главным заказчиком и потребителем современных мифологий, породил особый тип индустрии по производству и распространению мифотворящих дискурсов.

В эпоху массовой культуры и массовых коммуникаций дискурсное мифопроизводство становится весьма престижным и прибыльным делом. Им занимаются армады кинематографистов,

тележурналистов, деятелей шоу-бизнеса, модельного и галерейного бизнеса, специалисты в сфере рекламы, PR, брендинга, политконсалтинга и шоу-политики.

Главным результатом массовой деятельности фабрик грез и звезд, производящих мифотворящие дискурсы, является формирование мифозависимого сознания, для которого миф становится ментальным наркотиком, психологической потребностью и опорой. Без постоянных инъекций мифосодержащих дискурсов массовый человек рискует утратить значимые ценностные ориентиры в мире, где реклама, шоу-кумиры и медиа-идолы диктуют нормы и правила жизни. Вот почему в эпоху победившего масскульта и гламура мифотворящий дискурс востребован как никогда.

Конечно, производство мифотворящих дискурсов полностью не монополизировано институтами массовой культуры. Современные интеллектуальные искусства, философские, религиозные и научные практики также активно участвуют в продуцировании мифосозидающих дискурсов. Успешно занимаются мифотворческой деятельностью государственные, партийные и общественные институты. Ко всем этим и иным источникам формирования мифотворящих дискурсов и обращено исследовательское внимание авторов настоящего выпуска альманаха.

Дискурсы современных мифологий рассматриваются в альманахе с различных теоретических позиций и методологических приемов дискурс-анализа. Определенное внимание уделяется персоналиям, внесших весомый вклад в изучение и анализ классических и современных мифологий. Среди них – А. Лосев, Р. Барт, Ж.Бодрийяр, У.Эко.

На страницах альманаха представлен ряд авторских концепций структуры мифа. В этом плане обращаем внимание читателей на статьи коллег из Мексики (Мариано Родригес Гонсалес), Кыргызстана (Д.В.Субботин) и г. Краснодара (В. П. Гриценко).

Следуя традиции, в рубрике «Галерея» мы говорим о мыслителях, оказавших значительное влияние на развитие отечественной философии и науки. В этом номере основное внимание уделяется фигуре Георгия Валентиновича Плеханова, чей 150-летний юбилей российская общественность отмечала в 2006 году.

В рубрике «Персона» представлено одно из последних интервью с человеком-легендой, выдающимся философом и публицистом А. А. Зиновьевым. Его мы получили по почте буквально за несколько дней до кончины Александра Александровича. Он был тяжело болен, но тем

не менее очень внимательно отнесся к нашим вопросам.

Вовлеченные в живую политику читатели, наверняка заинтересуются сюжетом рубрики «Трибуна», которую, как всегда, в острополюмическом стиле ведет известный уральских политолог С. В. Мошкин.

Снова в нашем альманахе присутствует рубрика «Знатный гость». В первый раз мы ее ввели, когда с коллективом нашего института и членами редколлегии альманаха встречался директор Института философии РАН, академик А. А. Гусейнов («Дискурс-Пи», 2004). В этот раз читатели могут узнать много интересного о жизни и творчестве другого нашего знаменитого гостя – М. В. Ильине, известного российского специалиста в области политического дискурс-анализа, докторе политических наук, профессоре, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО. Михаил Васильевич приехал к нам в Екатеринбург в декабре 2006 г., чтобы принять участие в работе Первой международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика». Кстати, в рубрике «Конференц-зал» читатели могут познакомиться с полным текстом его доклада, прочитанном 15 декабря 2006 г. на одной из сессий конференции. Там же мы поместили тексты докладов других участников конференции, которые по тем или иным причинам не вошли в опубликованный ранее сборник материалов.

Как всегда, мы предоставляем возможность

апробировать свои идеи на страницах альманаха молодым исследователям – аспирантам, магистрантам, студентам. В их работах дискурс-анализ современных мифов приобретает новые исследовательские ракурсы, выявляется мифологическое содержание ряда понятий, концептов и теорий, к примеру таких, как концепт справедливости (статья А. Г. Шабурова), теория парадипломатии (статья А. С. Кузнецова), эпистемологические теории (статья В. А. Медведева).

В настоящем номере альманаха мы продолжаем публиковать афоризмы известного российского и мексиканского философа М. А. Малышева, посвященные вечным экзистенциальным понятиям и переживаниям. Ну а «Клуб дядюшки ЛЮ», надеемся, развлечет наших читателей иронически-интеллектуальной прозой из серии «Идиотские философские сказки» и псевдонаучным анализом известного персонажа по имени Балда. Хотим также предупредить, что дискурс материалов, помещенных в рубрике «Эссе» может ненароком оказать инфернальное воздействие на особо впечатлительные натуры. Поэтому, будьте бдительны и по мере сил оставайтесь настроенными на иронично-критический лад.

В целом, сюжетная пестрота номера есть еще одно свидетельство тому, что дискурсное разнообразие современных мифологий поистине неисчерпаемо, как неисчерпаема их феноменологическая номенклатура.

В.С.Мартьянов

МИФОЛОГИКИ НАРОДНЫХ ВОПРОСОВ

**Мартьянов
Виктор Сергеевич**
кандидат политических наук, ученый секретарь
Института философии и права УрО РАН

E-mail:
martianovy@rambler.ru

В статье на примере ежегодного летнего Интернет общения Президента РФ В.Путина «с народом» рассматривается статистически значимая картина повседневной проблемной повестки широких слоев российского населения. Эта повестка, содержащая явные элементы социальной мифологии, оказалась значительно отлична от повестки, формируемой

российскими политическими элитами в системе вертикально интегрированных российских СМИ.

В 2006 году вместо срежиссированных умелой рукой «прямых телеобращений из российских городов и весей» во второй раз (после 2001 г.) вопросы главе государства мог задать каждый желающий, воспользовавшись Интернет сайтами Яндекс и Би-би-си. Представляется, что дискурс-анализ более 170 тысяч вопросов российского населения, преодолевших фильтры цензуры, способен дать не менее интересную и глубокую картину общественного сознания, чем привычные социологические опросы. Статья посвящена именно анализу вопросов и мифологических ожиданий населения, оставляя за кадром стереотипно политкорректные, выверенные ответы главы государства. Поскольку именно вопросы позволяют прочувствовать настроения, преобладающие в массовом сознании. Итак, на послание-2006 Президента РФ народ, по сути, ответил собственным посланием к власти с иным видением общественных проблем.

«Дай мне...»

За неделю до конференции сайт с вопросами Президенту РФ посетили более 1 миллиона человек. Это на порядок больше, чем в 2001 году, когда В.Путин дал свою первую Интернет-конференцию. По числу вопросов внутренняя российская повестка дня полностью затмила международную. Российскую часть аудитории, которая послала более 96 процентов от общего числа вопросов, интересовали внутренние проблемы, реально влияющие на их жизнь. Обращения народа к Президенту РФ рисуют статистически значимую картину действительно важных проблем волнующих большинство населения. Это доступность жилья и образования, повышение уровня доходов, качества жизни и достойное будущее. Общая картина проблем, как оказалось, серьезно не совпадает с такими ключевыми приоритетами президентского послания-2006 как демография, развитие энергетики и укрепление армии.

Не надо быть аналитиком, чтобы предсказать, что наиболее популярные вопросы будут связаны с материальными требованиями и ожиданиями граждан от власти. Несмотря на риторику власти о необходимости изменений якобы иждивенческой психологии советского периода на инициативно-рыночную, психологические мотивы людей, их взгляды на общество и повседневность практически не изменились. Люди требуют от власти уже не свободы, а справедливости. Да и как может быть иначе, если 90 процентов работающих в России являются наемными работниками, а лишь 10 процентов – работодателями, коими и движет предпринимательская инициатива и жажда прибыли. Кстати, эта психологическая картина не сильно отличается от российской и на часто идеализируемом Западе. Тем не менее, трудное осознание населением факта, что постсоветское государство, как правило, никому ничего не должно, за исключением тех, кто олицетворяет это государство, все же постепенно происходит.

Среди актуальных тем лидером оказалось «Жилье», получившее 18450 вопросов. Квартирный вопрос в России все больше портит жизнь не только москвичам, но и всем остальным жителям страны. Тем парадоксальней, что ни один из 47 ответов Президента РФ прозвучавших в ходе конференции не был связан с жилищной политикой. На втором месте оказались вопросы, связанные с качеством жизни в России (12723). Их суть проста: «Почему мы (большинство населения) живем так плохо, в столь богатой стране, несмотря на постоянную риторику властных элит об улучшении жизни, росте экономики, пенсий и зарплат, увеличении профицита федерального и региональных бюджетов, Стабфонда РФ, золотовалютных запасов и т.п.». На фоне российской бедности естественное возмущение вызывает «помощь странам Африки и Азии» (69 вопросов), а также слишком легкое списание советских долгов современной российской элитой,

стремящейся таким образом улучшить свой имидж в глазах ведущих держав. Которые, кстати, отнюдь не собираются списывать самой России бремя советских долгов.

«Власть – поделись народными деньгами» – таков наиболее популярный лейтмотив тематически сгруппированных вопросов, следующих далее по популярности. Будь то «Образование» (9247), «Пенсии, пособия, льготы» (7690), «Армия, флот, спецслужбы» (7641). Везде речь идет о требованиях роста зарплат, пособий, компенсационных выплат, стипендий, пайков и, соответственно снижении тарифов естественных монополий в сфере ЖКХ, электроэнергетики, связи и т.п. В негативе этот же вопрос представлен в разделе «Коррупция и бюрократия» (8070) – «власть не отнимай наши деньги в виде взяток и иных видов «административной ренты». Хотя с другой стороны, коррупция процесс обоюдный, без дающего нет и берущего.

Итак, наиболее популярны оказались категории вопросов, связанных с социальными функциями государства, обеспечением гражданских и военных бюджетников, льготами, субсидиями и перераспределением «природной ренты». Доходило и до наивного давления на власть, вопросов в логике – «дайте нам жилье, льготы и средние московские зарплаты, и мы, возможно, подумаем «рожать или не рожать»? Как будто это нужно абстрактному государству или лично Президенту Путину, а не конкретной семье. Таким образом, требования социальной справедливости часто превращаются в откровенно иждивенческие и мифологические настроения в логике «государство мне должно». Но не все россияне иждивенцы. Многие, например, пытались шантажировать и «стыдить» Президента РФ отъездом за рубеж, потрясая красными дипломами и золотыми медалями в разделе «Утечка мозгов» (775). Но Президент на шантаж не поддавался. Видимо кто хотел, давно уехали.

Конечно, можно ждать облегчающих повседневную жизнь решений сверху. Но действительно изменить жизнь можно лишь активно вмешиваясь в свою судьбу. Отстаивая свои личные и групповые интересы (бюджетники, мигранты, пенсионеры, военные) в рамках общегосударственной политики. Что требует временных и психических затрат на которые многие не готовы. Дело в том, что большая часть реальных проблем населения действительно разрешима не на уровне высокой политики, но на уровне тех структур повседневности, в которые мы все включены. Иными словами, кто позаботится о нашем здоровье как не местный участковый врач, от кого зависит качественное образование как не от местной школы и ВУЗа, кто обеспечит правопорядок как не участковый. Странно было бы полагать, что лично Президент РФ вместе с Правительством РФ и Госдумой РФ смогут улучшить наше здоровье, образование, безопасность и т.п. Все, что касается нас лично – на 90 процентов в наших руках.

Подобная прямая связь Президента РФ с народом полезна для выпуска протестного пара. Психологически эта исповедь многих людей о личном и наболевшем только фактом своего выражения имеет выраженный терапевтический эффект. Это подтвердят и священники, и психологи. Кроме того, тональность интернетовских вопросов совсем иная, нежели в официальных СМИ и на официальных пресс-конференциях, где вопросы задают профессиональные журналисты. Во-первых, люди спрашивают о том, что их действительно волнует больше всего. Эти вопросы гораздо аргументированней, исповедальнее - люди не стесняются в вопросе выразить и собственное отношение к проблеме. И эти вопросы далеки от официальной новостной картинки главных телеканалов. Во-вторых, в вопросах к Президенту РФ отсутствовал привычный в официальных СМИ пиетет. Глава государства не является для широких масс населения носителем абсолютных идеологических истин. Его мнение для большинства респондентов лишь информация к размышлению, с которой можно спорить. Показателен тот факт, что многие заданные вопросы, например, «когда перестанут притеснять русских» или «когда США постигнет участь СССР» относятся к разряду риторических. Иными словами, люди не собираются менять свои оценки, заложенные в вопрос в зависимости от ответа.

«Неправильно делаете...»

После достаточно категоричных материальных требований к власти второй по количеству группой вопросов является общая критика официального курса российской политики во всех областях и направлениях, начиная вопросами борьбы с инфляцией и распоряжения Стабфондом РФ, и заканчивая советами Президенту РФ в области внешней политики.

Как показывает количественная статистика вопросов, россиян почти не интересует ни Чечня, ни терроризм, ни отношения России с Украиной и Грузией, ни «горячие точки» на карте мира, которым неоправданно много внимания уделяется в информационной повестке российских СМИ. Среди тем-аутсайдеров оказался и саммит «большой восьмерки» (220 вопросов), ради которого во многом и была затеяна пресс-конференция в Интернете. Этот раздел, например, значительно проиграл по популярности интересу россиян к судьбе заключенного Михаила Ходорковского (386). В разделе «Наркотики» (1738 вопросов) легализация легких наркотиков типа марихуаны вызвала гораздо больший интерес публики, чем борьба с ними.

Особого внимания достойно отсутствие на сайте пресс-конференции раздела вопросов, связанных с будущим России, мира, человечества. В российском обществе и элите витает явное чувство неопределенности и нестабильности настоящего. Горизонт будущего страны очерчен в

представленных вопросах и ответах максимум на 5-7 лет. Например, такой псевдофутуристический раздел вопросов как «Тенденции мировой экономики» (315 вопросов), вместо попыток осознать эти тенденции и перспективы посвящен, во-первых, сетованиям на истощение отечественных ресурсов и несправедливое положение России в глобальной миросистеме, во-вторых, объяснению этого положения путем разоблачения «врагов» в лице ВТО и ведущих мировых держав, ставящих России «подножки» и использующих двойные стандарты.

Фундаментальность отсутствия внятных образов будущего, гиперконсерватизм актуального массового сознания граждан России фиксируют и социологи. В частности Ю. Левада, интерпретируя проведенные летом 2006 года соцопросы, пишет: «Характерная черта сегодняшней российской общественно-политической жизни – гнетущее ощущение отсутствия иных вариантов существования, кроме тех, которые получили социальное признание в различных слоях населения страны... Как в своих лоялистских («верноподданных») ожиданиях, так и в протестном возбуждении массовое сознание преимущественно консервативно, т.е. ориентировано на привычные образцы, взятые, как правило, из идеализированного прошлого».¹ Но консерватизм, растворенный в повседневности, вовсе не подразумевает должного поворота истории вспять или выхода российского общества на некий магистральный путь развития, с которого оно в некий исторический момент сошло. Речь идет лишь о предпочтении статус кво, как бы негативно оно не оценивалось, всем иным возможным альтернативам.

Магия слов или шаманы «верхнего мира»

В целом не может не удивлять устойчивая и непреходящая вера граждан России в слова власти. В то, что реальные проблемы их жизни сможет решить кто-то другой, кроме них самих. В то, что высшая элита чего-то может не знать, но стоит ее проинформировать и не порядок будет устранен, а истина и справедливость восторжествуют.

Мотивы элиты также понятны. В условиях свертывания публичной политики Президенту РФ необходимо хотя бы симулировать механизмы обратной связи органов власти с народом. Хотя бы дать знать, что он «знает, чем живет народ». Показать заботу о населении, одним из видов которой является прямой разговор Президента РФ с «простыми людьми», считающими, что такие акции могут иметь реальные последствия для их жизни. А впрочем, чем черт не шутит. Владимир Путин в ходе подобных разговоров с народом ранее уже осчастливил нескольких собеседников: кто-то телефон получил, кому-то крышу починили и т.п. А желающих поиграть в лотерею с Президентом РФ всегда много.

К сожалению, в отсутствие официальной идеологии (будь то ценности социализма или

капитализма) отношения власти и общества все чаще принимают приземленный денежный характер. Население отвыкло спрашивать власть об идеях и ценностях, выходящих за пределы привычной повседневности. Кстати автор этого текста был в США во время последнего ежегодного обращения Джорджа Буша к американской нации. И был отчасти удивлен весьма сдержанными и скептическими комментариями граждан, у которых телевизионщики брали интервью на улицах. В США граждане ничего не ждут от заявлений публичных политиков, оценивая власть лишь по делам. В России как идеократической стране остается популярна вера в магию слов, намерений и деклараций власти, которая магическим образом «вдруг» способна менять жизнь всего народа к лучшему.

Рунет как зеркало новых поколений

Конечно, Рунет с формально социологической точки зрения нерепрезентативен. Он не отражает полный срез проблем и чаяний российского общества. Но эта часть общества, безусловно, более активна, критична и независима во всех сферах общественной жизни, имея доступ к источникам информации альтернативным официальным, каким остается российский сегмент Интернета. Согласно приведенной на сайте Яндекса статистике около половины людей, задавших вопросы Президенту РФ в Интернете, относится к возрасту 21-35 лет. Это люди, которым определять будущее страны через 20 лет. То, каким оно будет и будет ли оно у России вообще.

Благодаря формату Интернета особого внимания

удостоилась частная жизнь Владимира Путина (11865 вопросов). Особо интересовавшая молодежь, которая воспринимает Путина скорее как популярную личность, нежели как политика, чьи решения отражаются на жизни всех российских граждан. Этим объясняется и популярность шуточных вопросов.

Нация бедных вопрошает...

В 19 веке известный английский политик-консерватор Б.Дизраэли в одном из своих романов (по совместительству он был писателем) устами героя подчеркнул, что королева Великобритании на самом деле стоит во главе двух наций: нации богатых и нации бедных.

Естественно, что подавляющая часть «серьезных» вопросов конференции – это вопросы российской «нации бедных» к президенту страны, где эти две нации часто живут в параллельных реалиях. И если бедные все еще задают наивные вопросы, о том, почему несправедливо устроен мир, то богатые давно знают все вопросы и ответы, а также правила, позволяющие этому миру существовать. Они не спрашивают, а действуют от имени народа. Правда, преимущественно в собственных интересах.

И вопрос «Когда российские «нация богатых» и «нация бедных» будут жить в одной стране?» - тоже из области риторических.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 05-03-83300a/У

1. Левада Ю. Альтернативы: обретенные и утраченные // Вестник общественного мнения. 2006, №3

М.А. Фадеечева

ОБРАЗЫ ВРАГА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

**Фадеечева
Марианна
Альфредовна**
доктор политических
наук, главный научный
сотрудник Института
философии и права УрО
РАН

E-mail: fm366@mail.ur.ru

Одним из проявлений постмодерна в современной политической науке стало «употребление слов без понятий»: отсутствие категориальной ясности, точности, однозначности и проникновение в

науку профанных идей и смыслов. Эта ситуация относится и к феномену мифа, к расширительному и крайне нестрогому его пониманию. Миф имеет целый ряд специфических особенностей, относящихся к политическому мифу и политическим мифологиям. Несмотря на то, что мифология как «форма общественного сознания» традиционно связывается с ранними этапами развития общества, многие особенности мифологического мышления воспроизводятся в массовом сознании постмодерных обществ, что является условием широкого распространения политических мифов и причиной их востребованности.

Общепризнанно, что мифология представляет собой способ понимания человеком окружающей действительности, при чем такой способ, который позволят не столько объяснить, сколько иллюзорно разрешить фундаментальные противоречия,

гармонизировать сложные отношения человека и мира. Политическая мифология, выполняя эту «иллюзорно-компенсаторную» функцию, представляет собой понимание политической реальности, способное определить относительно комфортное место человека в мире политики.

В постмодерных обществах при наличии огромного количества всевозможных, в том числе существенно различающихся политических субкультур, СМИ или других структур, каждый отдельный человек может стать если не политическим мифотворцем, то интерпретатором политического мифа, создавая и гармонизируя мир политики по своему образу и подобию. Мифология дает выход политическим чувствам и эмоциям: политический миф позволяет выразить, например, любовь к родине и ненависть к врагу, симпатию к власти и отвращение к политической оппозиции, чувство безопасности и страх угрозы национальной безопасности, классовую солидарность и т.д. Мир политики во многом – мир «задевающий за живое», не оставляющий равнодушным, вызывающий эмоциональный отклик, затрагивающий жизненные интересы.

Одним из родовых признаков мифа является обязательное присутствие бинарных оппозиций (на универсальность бинарных оппозиций указывал К.Леви-Стросс): мы – они, свои – чужие, друзья – враги. Другим родовым признаком мифа, в том числе и политического, можно назвать содержащиеся в нем фантастические, не соответствующие действительности представления о мире, а в случае политического мифа – фантастические представления о центре политического мира: о силах, управляющих людьми – власти и ее природе, о силах, препятствующих достижению поставленных властью политических целей – врагах народа. Исследователи архаичных мифов обнаружили в них повторяющийся сюжет: культурный герой, который добывает для людей нечто полезное, ценное. Можно также заметить, что это всегда происходит через преодоление трудностей, борьбу с силами зла. Таким образом, в мифе важнейшее место занимает не всегда персонифицированный, но обязательно присутствующий образ культурного антигероя.

Рационально обоснованный образ врага или политического противника имеет место в политических доктринах. Так, например, в Конституции Российской Федерации можно обнаружить прямое указание на то, с какими «злыми силами» следует бороться. В статье 29 п.2 говорится: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального или языкового превосходства». Сергей Иванов, вице-премьер – министр обороны России в своей статье «Триада национальных ценностей», опубликованной 14 июля 2006 г. в газете «Известия» накануне саммита большой

«восьмерки», много внимания уделил тем, «кто нас критикует или является нашими открытыми противниками». «Всех их условно можно разделить как бы на два лагеря. Первый «лагерь» – это мягкие оппоненты, то есть наши партнеры в сообществе демократических государств, кого не устраивает самостоятельная, сильная, уверенная в себе Россия, имеющая развитую экономику и ясную политическую позицию, способная выстоять и защитить свой суверенный путь развития... Второй «лагерь» – это те, кто не просто не разделяет наших ценностей демократии и свободы, но и исповедует абсолютно другие, человеконенавистнические идеи, объявив террористическую войну на уничтожение всему цивилизованному миру...».

Бинарная оппозиция «свои – чужие», «наши – не наши» позволяет конструировать в политическом мифе образ культурного антигероя в зависимости от того, каков критерий определения «чужого» и «нашего». Если критерием выделения «наших» является гражданский статус, тогда возникает сонм врагов в виде государств-наций, имеющих и защищающих свои национальные интересы. Если критерием отнесения к «нашим» выбирается этническая принадлежность, тогда возникают многообразные мифологемы о враждебных этносах. Распознавание «наших» по признакам «физической антропологии», несомненно, ведет к возникновению расистских мифов. Конкретные образы основных враждебных мифических сил определенно обнаруживают национально-государственные особенности. Небезразличным для политического философа являются особенности отечественных политических мифов и мифологических образов.

Гражданская нация, складывающаяся в условиях российского постмодерна, «озабочена» позиционированием отечества на международной арене. Миф о великой России (здесь, не вдаваясь в дискуссии о реальном статусе Российской Федерации, мы рассматриваем именно миф о величии, который не требует объективной оценки, относительно истинного соответствия образа объекта самому объекту) совмещает в себе два аспекта. Первый – диахронический – рассказ о великом прошлом (в зависимости от политических предпочтений либо имперском, либо советском). Второй – синхронический – объяснение настоящего как утраченного былого величия и предсказание великого будущего. Здесь явно просматривается признак эсхатологического мифа, который объясняет причины уже произошедшей гибели политического космоса, за которым следует, или не следует при определенных условиях, его возрождение. Время в мифе довольно четко разделено: время сакральное относится к прошлому, время человеческое – к настоящему. В любом древнем мифе все, что происходило в сакральном времени, в прошлом, является образцом для воспроизведения в настоящем, человеческом времени. Отсюда происходят

всевозможные идеи возрождения. Однако, если для традиционных обществ такой порядок мыслей представляется оправданным и целесообразным, то для постмодерных обществ возврат к старому под видом возрождения утраченного означает демодернизацию. Мифологическое мышление и мифологизированное сознание противоположно всякому обновлению, так как катастрофично по своей природе: оно любое изменение рассматривает как гибель, экстраполирует субъективное катастрофическое мироощущение на объективную реальность. В современной политической мифологии Россия в ее «державном», государственном понимании, противопоставляется другим государствам, особенно США, а также государствам Западной Европы. Такой выбор государств-врагов, кроме разного рода исторических и иных причин, объясняется тем, что США, а также западноевропейские государства представляют собой для России модернизационный вызов. При догоняющем типе развития, в условиях очередного этапа неорганической модернизации для достойного ответа на модернизационный вызов требуются экстраординарные усилия, превосходящие реальные возможности современной России. Однако враждебный образ другого государства, присутствующий в политических мифологемах, постоянно меняется, возникает ситуативно, в контексте конкретных политических событий. Он может сложиться также в отношении государств на постсоветском пространстве. Это – не «сосед», с которым «вышло недоразумение». Это обязательно – враг, «волк в овечьей шкуре», который наконец-то эту шкуру сбросил, показав свою истинную сущность. Таково проявление особенностей мифологического понимания межгосударственных отношений. Образ государства-врага связан не только с правительством и государством, но также и с его гражданами. Так, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в октябре 2005 г. представил результаты социологического опроса, участникам которого было предложено оценить свойства характера русского народа и жителей западных стран. Как обычно в исследованиях ВЦИОМ выборка составила 1600 человек в 46 регионах Российской Федерации. Россияне крайне негативно оценивают европейцев. По мнению 42% опрошенных, жители стран Запада вообще не обладают положительными чертами. 15% респондентов самой отрицательной чертой западноевропейцев считают любовь к деньгам, от 5 до 10% не любят иностранцев за высокомерие, расчетливость, эгоизм, бездуховность, бессердечие и распущенность. Отрицательное отношение к американцам и европейцам подтверждается другого рода социологическим исследованием, проведенным весной 2005 г. социологическим центром Pew Research (США), в результате которого обнаружилось, что 57% опрошенных россиян уверены, что за границей их не любят. Не вдаваясь в психологические

тонкости, невозможно не заметить имеющую здесь место проекцию: приписывание другому субъекту – «чужому» – своих собственных качеств и намерений.

Лозунг «Россия – для русских», произносимый с дискуссионных ТВ-трибун политических ток-шоу, вместе с лозунгом «России – русский порядок», начертанном на заборах мегаполисов вместе с предвыборным слоганом В.В.Жириновского «Мы – за бедных, мы – за русских» представляются повседневным проявлением соответствующей этнической мифологемы. Именно поэтому на мифологическое сознание этнонационалистов не производят впечатления романтические объяснения историков, что Россия исторически складывалась как полиэтническое государство, или прагматические доказательства экономистов и демографов о необходимости привлечения иностранной рабочей силы.

Главной особенностью мифологизации этничности может быть названо все более полное и жесткое разделение на «наших», принадлежащих этнонации, и «чужих», исключаемых из этой общности. Этнонация имеет сакральный, культовый характер и возвышается над всеми прочими социальными связями и отношениями. В мифологизированной этнонации существенным оказывается эмоциональный элемент, что закономерно вытекает из ее сакрального, культового характера: она является предметом веры и почитания. В силу этого этнонационалистические представления слабо поддаются рациональной критике и переосмыслению.

Утрированное обращение к этничности, «национальному возрождению», поиски этнокультурной самобытности усиливаются при отсутствии иных интегрирующих оснований, что приводит к абсолютизации этнических различий, усилению этнополитической напряженности.

Этнонационалистические и расистские мифы имеют место и распространяются там, где происходит и становится все более интенсивной кроссэтническая коммуникация. «Взрывчатая смесь» возникает там, где этничность связывается с расизмом, абсолютизируются этно-расовые различия. В настоящее время в России невозможно обнаружить расовую теорию или идеологию, официально находящуюся на вооружении какой-либо политической партии или общественно-политической организации. Согласно п. 5 Статьи 13 Конституции Российской Федерации, «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на... разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Однако можно обнаружить расистские мифологемы, связанные с «цветными» угрозами: «цветные» отнимают рабочие места, претендуют на получение других благ, которое возможно только в результате их перераспределения в пользу «цветных» в ущерб «белым». Широко

распространена мифологема о желтой угрозе в отношении «желтых» – мигрантов из Китая и Вьетнама. Причем доказательством истинности или ложности данных суждений мифологическое сознание не интересуется.

Следует заметить, что российский мифологический расизм отличается, например, от колониального расизма. Представления о расе является смутным и неопределенным. Миф и не может содержать в себе научные представления о расе, о биологической реальности фенотипического разнообразия людей, об отсутствии «чистых» человеческих рас, о шкале цветов кожи человека, насчитывающей 36

оттенков, о том, что человеческие расы все еще по-разному классифицируются антропологами разных направлений. В расовых мифологемах «черными» называют «кавказцев», живущих в Центральной России и других областях, (выходцев с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии). К российским «черным» относятся так называемые «визуальные меньшинства», которые вовсе не обладают параметрами, определяющими принадлежность к негроидам (африканской расе). Мифологизация «расового вопроса» приводит к дискриминации и насилию по отношению к «визуальным меньшинствам».

ПРО МОДУ, ДЕДА МОРОЗА И СУПЕРМЕНА: ДИСКУРС-АНАЛИЗ МИФОЛОГИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ Р. БАРТА, Ж. БОДРИЙЯРА И У. ЭКО

О.Ф. Русакова

Русакова Ольга Фредовна
доктор политических наук, профессор, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН

Для исследователей мифологической составляющей дискурсов массовой культуры в роли философско-культурологической классики давно уже выступают работы Р.Барта, Ж.Бодрийяра и У.Эко. Эти авторы препарируют дискурсы современных мифологий с позиций семиотического подхода: под дискурсами подразумеваются знаковые системы, формирующие «империю знаков» (термин Р.Барта), которая представляет собою конгломерат многообразных вербальных знаковых образований (речь, текст) и невербальных знаковых форм (музыка, архитектура, дорожные знаки, товарные знаки и др.). В качестве знаковой системы дискурс рассматривается, как правило, в двух основных планах: 1) видимый план - план репрезентантов или внешних представлений смыслов и значений; 2) ментальный план - план интерпретантов или способов расшифровки смыслов и значений.

Ролан Барт трактует дискурсы как социокультурные знаки,

ментальный план которых наполнен общественно значимыми смыслами и мифическим содержанием. Социокультурными знаками, начиненными мифологемами, являются не только слова, но также и образы, и вещи, и виды деятельности, которые сообщают нам нечто коллективно значимое и архетипическое, что неизменно вызывает стереотипный эмоциональный отклик в массовом сознании. Таковыми, к примеру, могут быть праздничные и бытовые церемонии, ритуалы приготовления блюд и принятия пищи, устройства жилища, организация городской среды и даже способы упаковки вещей и продуктов.

С появление массовой культуры и массмедиа, считает Барт, возникают мифы нового типа, дискурсное бытие которых представляет собой многоярусную семиотическую формацию, гораздо более сложную, чем структура нарративного дискурса традиционных мифов.

Благодаря современным средствам массовой коммуникации мифы массовой культуры тиражируются в огромных масштабах, а с развитием глобальных рынков и распространением мифов консьюмеризма, рекламы и шоу-бизнеса вся культура массового потребления, считает Барт, приобретает характер глобального мифического дискурса.¹

Центральными объектами семиологических исследований современных мифологий в работах Барта выступают дискурсы Моды и Рекламы.

В дискурсе Моды, распространяемом через журналы мод, Барт выделяет множество структурных компонентов, объединяя их в две основные группы – 1) языковые коды и 2) риторика Моды или риторическая

система Моды.

В кодовой группе он выделяет три структурных компонента – вербальную структуру (словесные описания модной одежды), иконическую структуру (изображения модной одежды в рисунках, на фотографиях и т.п.) и технологическую структуру (реальная материальная одежда как технологический продукт кройки и шитья). «У этих структур, - отмечает Барт, - неодинаковый режим распространения. Технологическая структура выступает как исходный язык-код, по отношению к которому основанные на ней реальные вещи представляют собой лишь элементы «речи». Две другие структуры (иконическая и вербальная) тоже представляют собой языковые коды, но... эти коды суть производные языки, они занимают промежуточное, посредующее место в процессе распространения, который происходит между этим исходным языком и элементами его «речи» (реальными вещами)».²

Распространение дискурса Моды в обществе осуществляется посредством преобразования его технологической структуры в вербальную и иконическую.

Данное преобразование осуществляется с помощью шифтеров (переключателей из одного кода в другой или операторов перевода).

Барт называет три вида шифтеров: 1) переключатели от технологической структуры (выкройка) к иконическому образу (рисунки, фотографии, изображающие одежду и моделей; 2) переключатели от вещной реальности (одежда) к вербальному коду (инструкции, указания для пошива одежды); 3) переключатели от образа к языку и обратно, от изображения одежды к ее описанию. Здесь в качестве шифтеров выступают анафорические элементы языка («этот» костюм, «это» платье), соединяющие, к примеру, изображение и текст в журнале мод.³

В дискурсе Моды, по Барту, присутствует еще один компонент - риторическая система или система сообщений. В риторической системе, в свою очередь, выделяется два компонента: 1) письмо Моды и 2) идеология Моды.

Письмо Моды - это риторическое означающее, под которым понимаются приемы описания одежды, метафоры (к примеру, «романтический балет аксессуаров»), паратаксисты, создающие определенное настроение, стереотипные высказывания, типы сюжетостроения. Другое название – «поэтика одежды».

Идеология Моды трактуется как риторическое

означающее, т.е. как система социокультурных установок, функций, идей, мотивов, мифов, ценностей и др. ментальных образований, включенных в дискурс Моды.

Риторическое означающее в дискурсе Моды состоит из пяти элементов:

1) система когнитивных моделей культуры (стиль, аура, преображение), которые репрезентирует Мода,

2) психосоциологические роли и социальные-статусы, транслируемые модной одеждой,

3) нормативные модели, предписывающие ношение той или иной одежды в соответствии с социокультурным образом и ситуацией;

4) модели индивидуальности и личностно-психологической идентичности, включая гендерную идентичность;

5) знаковое отношение тела и одежды.

Барт выделяет следующие когнитивные модели культуры в дискурсе Моды: а) модели культурного стиля, под знаком которой демонстрируется модная одежда («платье, которое охотно написал бы Мане»; «калифорнийская

рубашка», «силуэт в стиле ампир» и т.п.); б) модели аффективности или чувств, которые часто бывают родом из детства («платье принцессы», «чудо-платье», «Король Пальто»); в) модель адресата - модной женщины, которая «воспроизводит в сфере одежды мифическую ситуацию Женщины в западном обществе – существа одновременно возвышенного и инфантильного»; г) виталистская модель или значимая деталь, «находка», «пустячок», который может означать все, и который выступает технологией превращения старомодного в модное; «с помощью такой семантической техники Мода из сферы роскоши как бы переходит в практику одежды, доступной небогатым людям».⁴

Социально-ролевые и статусные измерения моды определяются социологическими и профессиональными сегментами адресной аудитории. В то же время, риторика модного дискурса ориентируется не только на реальные статусно-ролевые срезы, но и на утопические, т.е. удовлетворяет потребность необеспеченной аудитории в грезах: «о платье, которое охотно написал бы Мане, легче грезить, чем реально его шить».⁵

Нормативные модели в дискурсе Моды в значительной степени привязаны к ситуациям времени и места. Ситуация времени, которую репрезентирует Мода – это по преимуществу

ситуация праздника. «В Моде, - отмечает Барт, - праздник обладает тиранической властью, подчиня себе время».⁶ Привилегированное положение в масштабе года у нее занимают весна и время отпусков, а в масштабе недели – уик-энд.

Времена Моды имеют мифическую нагрузку. Так, например, Мода приписывает себе мифический смысл Весны – оживление природы, «предоставляя своим читательницам (если не покупательницам) возможность ежегодно соучаствовать в реализации векового мифа: для современной женщины весенняя мода – это отчасти то же самое, чем были для древних греков великие дионисийские празднества или антистерии».⁷

Одним из нормативно-мифических компонентов дискурса Моды выступает соединение тяжелого труда с вечным праздником. Данный миф транслируется риторикой, которая служит для описания эталонной жизни «звезд»: «звезда – это образец (это не может быть ролью), поэтому она занимает место в мире Моды лишь в рамках целого пантеона..., каждое божество которого предстает одновременно и вполне праздным и сугубо занятым».⁸

Социо профессиональные нормативные модели транслируются Модой через мифологию корпоративной культуры, стереотипные представления о женском и мужском труде. Например, в предлагаемой одежде для секретарши Мода транслирует образ женщины как существа приближенного к директору и соответствующего нравственно-эстетическому кодексу корпорации («я секретарша, я люблю быть безупречной»). В образе секретарши присутствует миф о Женщине как слуге Мужчины (хозяина). Ее главное достоинство – преданность. Эта мифологема сублимируется в других профессиональных образах Женщины, которая находится на службе у искусства, науки и т.д.

Модели индивидуализации в дискурсе Моды представлены богатой коллекцией психологических сущностей, выполняющих одновременно две взаимосвязанные функции - функцию идентификации и функцию демонстрации инаковости, реализуемых через игровые моменты.

Модная женщина, пишет Барт, «это целое собрание отдельных мелких сущностей, весьма сходных с «амплуа» в классическом театре; собственно, сходство это и не случайно, поскольку в Моде женщина демонстрируется словно в сценическом представлении».⁹

Современная Мода как продукт массовой культуры предлагает женщине модель идентичности посредством следующих риторических формул: «будь собой», «будь как мы», где «мы» - собирательный образ носительниц модной одежды, символами которых выступают имена знаменитых манекенщиц, фотомоделей, киноактрис, ставшие брендами.

Мотив идентичности в дискурсе Моды разворачивается через миф о возможности

множественного личностного преобразования с помощью изменения внешнего облика («строгая – это вы; мягкая – это тоже вы; благодаря мастерам моды вы обнаружите, что можете быть и той и другой, вести двойную жизнь»). В предложении Моды «стань иной» присутствует игровой момент – «древний мотив переоблачения, атрибут богов, полицейских и бандитов».¹⁰

Наконец, в качестве особого объекта дискурс-анализа Моды Барт рассматривает тело как озаглаваемое.

Образцы тела культивируются всеми видами массовой культуры, в том числе и Модой, где эталоном для адресной аудитории выступают параметры тела фотомоделей. Помимо этого собирательного абстрактного образа тела дискурс Моды транслирует ситуативные образцы телесной риторики (фотомодель на прогулке, модель у камина и т.п.).

Отношение Моды к телу проявляется не только в плане продуцирования эталонов, но и в плане телесной сигнификации – приписывания тому или иному положению тела, жесту, мимическому выражению определенного смысла. В этом свойстве и способности означивания проявляется дискурсное могущество Моды. «Мода, - отмечает Барт, - способна превратить какую угодно чувственную данность в избранный ею знак, ее способность сигнификации безгранична».¹¹ Отсюда – способность Моды к формированию и трансляции великого множества мифологем.

При исследовании дискурса Моды Барт фокусирует свое внимание преимущественно на вербальных его структурах, часто оставляя за скобками иконические коды.

К анализу иконических структур дискурса или кодов-образов Барт обращается в отдельных небольших статьях, посвященных мифологии рекламы, фотографии и кино. Особенно большой интерес в плане изучения бартовской методологии дискурс-анализа рекламы представляют такие работы, как «Рекламное сообщение», «Семантика вещи», «Общество, воображение, реклама».

Особый методологический интерес представляет произведенный Бартом анализ рекламного послания как трехслойной мифологемы.

Барт различает три вида сообщений в рекламном послании: 1) первичное или денотативное сообщение; 2) вторичное или коннотативное (ассоциативное) сообщение; 3) декларируемое (референциальное) сообщение.

Первичное сообщение образует рекламную фразу, содержанием которой выступает ее буквальный смысл. Например, в рекламном слогане «Съешь мороженое «Жерве» - и растаешь от удовольствия» буквальный смысл заключается в том, что определенный продукт, если его съесть, станет источником чувства удовольствия.

Буквальное сообщение можно также представить

в качестве описания картинку, которую видишь на рекламном плакате, при этом, не принимая во внимание то, что тебе хочет внушить данная реклама. К примеру, глядя на картинку, представляющую рекламу детских матрасов марки «Данлопилло», первичное сообщение выступает в виде следующего описания: я вижу «обитую синим бархатом колыбель, к которой привязаны лентами две охотничьих собаки из белого фаянса и т.д.».¹²

Вторичное сообщение состоит из ассоциативных смыслов, содержание которых зависит от общекультурных контекстов, а также от личного опыта и знаний потребителя. В случае с рекламой детских матрасов коннотативным сообщением будут идеи сна, грезы, элегантности, детства и т.д.

Третье сообщение – это рекламная декларация, содержащая призыв типа: «покупайте матрасы марки «Данлопилло»!, «покупайте «Жерве»!».

Эти три сообщения являются одновременными и эквивалентными: мы прочитываем их в одно и то же время, и каждое из них равнозначно. К примеру, считываемое изображение колыбели в нашем сознании «равно» грезе, эйфории детского сна, а этот крепкий детский сон «равен» матрасу марки «Данлопилло».

Все три сообщения в структуре рекламы выполняют мифотворящие взаимосвязанные функции. Например, первичное и вторичное сообщения хитроумно служат для натурализации декларативного сообщения, отнимая у него корыстную целенаправленность, произвольность утверждения, жесткость требования. Вместо банального призыва «покупайте»! они создают «зрелище такого мира, где покупать «Жерве» естественно; коммерческая мотивировка здесь не маскируется, а дублируется гораздо более широким образным представлением – оно позволяет читателю соприкоснуться с общечеловеческой тематикой, которая во все времена уподобляла удовольствие растворению всего существа. В итоге своим тройным сообщением дискурс рекламы имплантирует в сознание покупателей мифопоэтическую грезу.¹³

Как и в случае с анализом дискурса Моды, Барт в ходе препарирования дискурса рекламы обращает особое внимание на риторический момент. Хорошее рекламное сообщение – это такое, где сгущена наиболее богатая риторика, соединяющая грезу и некую общечеловеческую идею с мотивом покупки товара. Риторические фигуры, метафоры, игра слов – это древние знаки умножения значения. И чем больше смысловых ассоциаций вызывает рекламная фраза, чем более она многозначна, тем лучше она выполняет свою функцию коннотативного сообщения; если мороженое заставляет «растать от удовольствия», то в этом высказывании экономно объединяются буквальное представление о тающем

веществе (чье высшее качество обусловлено ритмом его таяния) и общеантропологический мотив изнеможения от удовольствия. Таким образом рекламный дискурс способен «связывать своего читателя с максимально широким «миром»; под «миром» понимается переживание древнейших образов, глубокие и смутные телесные ощущения, получавшие у многих поколений поэтические имена, вековая мудрость, объясняющая отношения человека с природой, терпеливое восхождение человечества к постижению сути вещей благодаря своей единственной бесспорно человеческой способности – языку».¹⁴

Дискурс-анализ мифологии вещного мира массовой культуры находится в центре внимания другого известного французского мыслителя – **Жана Бодрийяра**, который назвал одну из своих первых книг «Система вещей» по аналогии с названием книги Барта «Система Моды».

Бодрийяр различает дискурсы о вещах, к каковым он относит дискурс рекламы, и собственный дискурс вещей, обозначаемый понятием «дискурс-вещь».¹⁵

Дискурс рекламы – это рекламные послания в речевой и образной форме. Реклама есть мир чистой коннотации. В то же время, реклама входит в мир вещей, поскольку потребляется как вещь, как предмет культуры. Поэтому у рекламы двойной статус: «она является и дискурсом о вещи, и собственно вещью».¹⁶

Дискурс-вещь, по Бодрийяру, – это знаки социальной стратификации, знаки культурных веяний, моды, технических достижений эпохи. Они информативно насыщены, являются ретрансляторами множества социокультурных смыслов.

Смысловые единицы дискурса-вещей в обществе массового потребления формируются и усиливаются рекламой. Реклама не только информирует о ценностно-смысловом содержании дискурса-вещей, но и управляет процессом дискурсного смыслотребления вещного мира.

Рекламный дискурс представляет собой особый язык, ключевым понятием которого является «марка». В данном языке, отмечает Бодрийяр, осуществляется «чудо психологического ярлыка», которое пробуждает желания потребления вещи-дискурса.¹⁷

С позиций концепции существования в обществе массового потребления особого языка рекламы, выступающего властным мифопорождающим дискурсом, управляющим психологией статусного и имиджевого потребления, Бодрийяр производит смысловую ревизию понятия «потребление», акцентируя внимание на его причастность к знаковым системам, а, следовательно, – к миру дискурсов: «Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни

пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс. Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками».¹⁸

Дискурс потребления, по Бодрийяру, насквозь мифологичен. Он выступает мирским эквивалентом религиозного ожидания чуда и спасения, обещания счастья. Более того, Бодрийяр отмечает, что реклама в обществе потребления выступают не только ретранслятором мифологии потребительского рая, но и сама становится культовым объектом верования наподобие веры детей в Деда Мороза. Люди хотят, чтобы реклама, как и Дед Мороз, оживляла в их сознании чувство волшебного праздника, детских грез о подарках, заботе. Обещание заботы, защищенности и волшебства исполнения желаний – вот то, что придает рекламному сообщению мифологический статус. «Решающее воздействие на покупателей, – пишет Бодрийяр, – оказывает не риторический дискурс и даже не информационный дискурс о достоинствах товара. Зато индивид чувствителен к скрытым мотивам защищенности и дара, к той заботе, с которой «другие» его убеждают и уговаривают, к неуловимому сознанием знаку того, что где-то есть некая инстанция..., которая берется информировать его о его собственных желаниях, предвосхищая и рационально оправдывая их в его собственных глазах... отсюда проистекает вполне реальная действенность рекламы: ее логика – не логика внушения или рефлекса, а не менее строгая логика верования и регрессии».¹⁹ Иначе говоря, логика рекламы – это логика мифа о Деде Морозе, что иногда открыто выражается в рекламном дискурсе (вспомним, хотя бы, неоднократно комично обыгранную рекламу сковородки фирмы «Тефаль»).

Дискурсные структуры мифологий общества массового потребления в последние годы активно исследуются и применяются на практике с глубоким знанием предмета **Умберто Эко**, известным итальянским семиотиком и писателем, автором научных трактатов и популярных детективных романов.

В своей книге «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (работа впервые опубликована в 1979 г., русский перевод осуществлен в

2005 г.) Эко посвящает целую главу дискурс-анализу мифа о Супермене – культовом герое комиксов, фильмов, ролевых игр.

Главное внимание автора сосредоточено на исследовании такой дискурсной функции мифа о Супермене, как функция идентификации с читателем, ибо, согласно Эко, именно возможность читателя идентифицировать себя с героем произведений массовой культуры составляет одну из важнейших особенностей дискурса современного мифа.

Дискурс о Супермене как мифическом персонаже, с одной стороны, вполне традиционен, поскольку представляемый герой обладает сверхчеловеческой силой, сродни Гераклу. С другой стороны, за маской Супермена скрывается обычный скромный журналист Кларк Кент, не слишком умный, пугливый, робкий и неуклюжий. Такое волшебное

двойничество служит почвой не только для реализации возможности идентификации читателя с героем, но и для надежды рядового обывателя на чудесное преобразование, на новую жизнь, полную приключений и подвигов: «Идентифицируя себя с таким персонажем, любой бухгалтер в любом американском городке может тайно питать надежду, что в один прекрасный день из кокона его обыденной личности может вылупиться сверхчеловек, способный искупить годы прозябания в посредственности».²⁰

Эко обращает внимание на такую особенность дискурсного строения мифа о Супермене как соединение традиционного для мифа нарративной структуры с особенностями детективного сюжетостроения. Будучи мифическим персонажем, Супермен обязан все время воспроизводить один и тот же архитипический сюжет о своей супер-силе, т.е. в дискурсе, описывающем его подвиги, не должно быть ничего неожиданного, непредсказуемого. Однако, как продукт массовой культуры, подчиняющейся логике маркетинга, миф о Супермене должен продаваться, т.е. быть объектом продвижения или раскручивания по аналогии с раскручиванием детективных романов. Для детективного дискурса характерным являются не циклические повторения архитипической схемы сюжетопостроения, а неожиданные драматические повороты, перепетии, держащие читателя в напряжении, вызывающие состояние саспенса. В то же время, жанр комиксов диктует клиповую краткость и сюжетную завершенность дискурса о Супермене, «ибо читатели не могут долго держать в памяти все перепетии его приключений». Поэтому

каждая история о Супермене должна завершаться на протяжении нескольких страниц. В итоге дискурс о Супермене, вобрав в себя черты детективного повествования, оказывается лишенным такой черты детективного дискурса как линейно-поступательное развитие героя и сюжета во времени, от прошлого к будущему. Остается одно – движение дискурса в обратном времени и виртуальном пространстве. Это придает дискурсу о Супермене дополнительное мифологическое наполнение, и одновременно обеспечивает его должительство на потребительском рынке.

Для того, чтобы миф о Супермене был рыночно бессмертен, авторы комиксов, отмечает Эко, своеобразно решают проблему времени. Один из приемов таков: последующие рассказы сюжетно выстраиваются «задом-наперед» – от настоящего к прошлому, от Супермена в расцвете сил – к Супермену в ранней юности, детстве и даже младенчестве (истории о Супербое и его подруге Супергерле, истории о Супербеби). Другой метод – перемещение перепетий сюжета в мир сновидений, о чем читателю сообщается только в самом конце. В результате у читателя создается иллюзия непрерывающегося настоящего, и он утрачивает интерес к контролированию временного ряда. Здесь миф о Супермене сближается со струкурой традиционного мифа с его синкретизмом прошлого и настоящего.

Согласно Эко, разрушение у читателя чувства времени – это дискурсная стратегия не только мифологии комиксов, но и современной рекламы, направляющей человека в русло удовлетворения потребительских желаний. По его мнению, посредством такого рода дискурса человеку внушаются установки некой «патерналистской педагогики, основанной на тайном убеждении, что человек не отвечает за собственное прошлое, не хозяин своего будущего и даже не может строить планы в координатах трех «экстазисов» времени. Ведь это предполагает труд и страдание, в то время, как общество может предоставить «извне-направляемому» человеку готовые плоды уже осуществленных замыслов – плоды, удовлетворяющие его желания. Желания же загодя внушаются человеку таким образом, чтобы он думал, что полученное им есть именно то, что он и сам бы для себя замыслил».

У патерналистской стратегий мифа о Супермене, считает Эко, есть еще одна любопытная сторона, а именно, несоразмерность энергетического потенциала героя и масштаба его добрых дел. Согласно мифу, Супермен практически всесилен в физическом, интеллектуальном и даже в техническом отношениях. По идее, он способен осуществлять

добро не только в земных, но даже в галактических масштабах. Однако этого не происходит. Единственное зло, с которым он борется, воплощено в деятельности подпольного мира организованной преступности. «При этом его противники – не дельцы

наркобизнеса и уж, конечно, не коррумпированные управленцы и политики, а в основном грабители банков и почт. Иными словами, единственная форма, в которой являет себя зло, – это покушения на частную собственность».

Таким образом в интерпретации Эко, дискурс о Супермене выступает не только транслятором мифологем общества массовой культуры, но и определенных идеологических установок, транслирующих культурный образец гражданского сознания,

полностью отделяющего человека от большой политики, образец, содержащий предложение применять свою гражданскую позицию лишь в масштабах небольшой социальной группы.

В заключении отметим, что семиотический дискурс-анализ современного мифа для всех трех авторов представляет собой, по большому счету, исходную теоретико-методологическую базу, своего рода полигон, который стратегически призван обеспечить перенос исследовательского внимания на новые системные объекты, подлежащие дискурс-анализу. Таковыми для Бодрийяра и Эко сегодня являются идеологические и психологические подсистемы дискурсов, интегрированных массовых коммуникаций.

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 474, 476–477.

2. Там же. С. 39.

3. Там же. С. 39–40.

4. Там же. С. 273–278.

5. Там же. С. 279.

6. Там же. С. 284.

7. Там же. С. 285.

8. Там же. С. 288.

9. Там же.

10. Там же. С. 291.

11. Там же. С. 294.

12. Там же. С. 446.

13. Там же. С. 413.

14. Там же. С. 414.

15. См.: Бодрийяр Жан. Система вещей /пер. с фр. С.Н.Зенкина. М., 2001. С. 177.

16. Там же.

17. Там же. С. 207–208.

18. Там же. С. 213.

19. Там же. С. 180–181.

20. Эко. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. Санкт-Петербург, Москва, 2005. С. 178–179.

«ПРОТИВОЯДИЕ ОТ МИФА»: ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА РОЛАНА БАРТА

М.С. Ильченко

Ильченко Михаил
магистрант факультета
политологии и
социологии УрГУ

E-mail:
msilchenko@mail.ru

Нередко приходится слышать о том, что в семидесятые годы Ролан Барт стал «другим». Другим, нежели в шестидесятые. А в шестидесятые, в свою очередь, отошёл от принципов, им же утверждённых десятилетием раньше. Критики уверенно выделяют «структуралистский» этап его творчества и аналогичные периоды с приставками «до» и «пост». Аккуратно раскладывают по ним произведения, отмечают границы «переходов» и выстраивают картину последовательного развития идей. Барт предстаёт философом, культурологом, критиком, литературоведом, семиологом...

Условность подобных определений очевидна, как очевидна их неспособность помочь в более глубоком понимании произведений автора, посвятившего свою жизнь борьбе с всевозможными клише и шаблонами. Так ли уж важны эти обозначения в случае с творчеством человека, всегда преследовавшего одну цель и самостоятельно создававшего средства для её достижения? Произведения Барта сложно заключить в какие-либо стилистические рамки. Да и вряд ли стоит. Наверное, это имел в виду и сам автор, когда говорил о том, что им созданы «одни только эссе».¹

При более пристальном и глубоком ознакомлении с работами Барта его творческий путь не покажется содержащим столь разные «участки дороги». И не столь очевидным станет разрыв между «Мифологиями» и деконструктивистскими практиками семидесятых годов.

Между «мифом» и «текстом» нет кардинальной смены научных ориентиров, исследовательских интересов или разочарований в «прошлом». А есть неустанные поиски свободы от «шаблонизированных дискурсов» и всюду навязываемых стереотипов. Поиски, приводящие порой к смене методологических приёмов, выбору новых средств анализа, но не

отступающие от пути достижения основной цели творчества Барта. Автор всегда остро реагирует на любые попытки принуждения к чтению. Увидеть «текучесть», непрерывную «подвижность смысла»² в знаковом пространстве плотных наслоений дискурса – вот его основная задача.

И Барт находит «свободную» от власти языка область, которую ищет на протяжении всего своего творчества. Ей становится «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным»³ – пространство Текста. Правда, более корректно назвать его не свободным пространством, а пространством свободной «игры». Собственно, движение от «мифа» к «тексту» – это, прежде всего, движение от «борьбы» к «игре». Задав «Мифологиями» программу к дешифровке и разоблачению мифологической структуры, Барт сделал задачей семиологии анализ форм мифического. Этот период творчества автора традиционно принято связывать с наиболее острой критикой буржуазного мифологического сознания. Его суть как нельзя лучше отражает описываемое Бартом положение мифолога в современном обществе, обречённого «жить в состоянии чисто теоретической социальности» и «говорить» на метаязыке⁴. Мифологу словно определена отчуждённость. Ведь если миф охватывает всё общество, то мифолог вынужден от этого общества отстраниться. В определённой степени, он находится вне реальности, он сторонний наблюдатель, беспристрастный аналитик. Мифолог обречён находиться в этих рамках постольку, поскольку неизменна структура мифического. Он сам является пленником мифа. Важно подчеркнуть, что суть деятельности мифолога – разрушение означаемого. Это принципиальный момент. Характер произошедших через полтора десятилетия в исследованиях Барта методологических изменений во многом определяется переносом основного акцента с означаемого на знаковую конструкцию в целом. Объяснение такому «перевороту» автор дёт в небольшой статье «Мифология сегодня».

В условиях, когда неизменными остаются как мифы, так и способы их анализа, изменяется другое – «наука о чтении, под взором которой миф, словно животное, долго наблюдаемое в неволе, становится уже иным объектом».⁵ Барт не придаёт прежнего значения дешифровке. Сейчас, по его мнению, это может сделать «любой студент».⁶ Теперь необходимо сосредоточиться не на анализе и разоблачении структуры мифа, а на расшатывании всего знака.

Это становится делом не мифолога-наблюдателя, а скорее мифолога-«игрока». В поле зрения последнего попадает не идеологическое означаемое, а знак целиком во всём своём многообразии. И если речь идёт о «науке чтения», то это чтение означающих, принимающих всё новые и новые формы. Всепроникаемость языка обеспечивает их бесконечное видоизменение. Мир вокруг – это мир многочисленных наслаивающихся друг на друга дискурсов. Именно поэтому Барт смещает акценты. С означаемого на знак и с дешифровки на «оценку». Автор избегает здесь использования понятия «удовольствие». Однако, из существенного изменения роли, которая ранее отводилась мифологу-наблюдателю видно, что теперь изменится и его отношение к окружающему. На смену напряжённости и отчуждению приходят элементы игры – «хитрость», «ловкость», «изворотливость». Мифолог-«игрок» не борется с мифом, он скорее «обманывает» его.

Изменилось положение мифолога, изменился объект его анализа, изменились и границы самого мифического. Некогда всеохватывающий миф оказался помещённым в безгранично широкое пространство языка и переплетающихся дискурсов. В таких условиях миф сохранил свои ключевые характеристики, но несколько изменил свои внешние очертания. Говоря о том, что «сегодня стоит задача различать и описывать не столько мифы, сколько идиолекты»⁷, Барт переводит саму проблему мифического в иную, «языковую», плоскость. И если раньше противоядие от мифа не было, то теперь оно появилось. Этим противоядием стал Текст.

Инстинктивно нащупывая ключевой критерий определения мифического в поле пересечения множества современных дискурсов, Барт затрудняется его чётко сформулировать, говоря о «фразеологическом сгущении», «компактности» и «плотности» языка. Так или иначе, автор обнаруживает самое важное: носителем мифического становятся «фразы». Будучи включённым в «общую теорию языка», миф оказывается в новой системе координат, где наиболее плотному языку, устойчивому диалекту, мифическому дискурсу всегда противопоставлена область «языковой» свободы Текста. Это безбрежное пространство пересечений дискурсов, их сплетения и нескончаемой «игры». И если раньше говорилось о том, что миф поглощает язык, первичный язык-объект, то теперь сам миф поглощается Текстом. В Тексте растворяется метаязык, а значит, растворяется и мифическое. Миф не разрушается, он «обманывается», лишаясь питательной почвы для своего существования. Текст использует все слабые стороны мифа, заполняя вокруг него всё возможное пространство.

Ранее объектом дешифровки выступало означаемое, сейчас с изменением «науки о чтении» в центре внимания оказалось означающее. А потому особое качество приобрёл Текст, постигаемый через «своё отношение к знаку».⁸ «В Тексте... означаемое

бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего»⁹, – пишет Барт. И тем самым даёт понять, что в структурном плане Текст соотносится с мифом так же, как с произведением. Он существует в поле бесконечно переплетающихся и сменяющих друг друга означающих, оставляя миф не у дел. В этом и проявляется «игра» Текста. Он подвижен, изменчив и всегда открыт. Текст всегда «течёт» по смысловой поверхности, миф же оказывается попросту не в состоянии (обо)значить себя и закрепить своё положение.

Миф способен накапливать под внешней оболочкой означаемого целые слои смыслов, нагромождения которых составляют в конечном итоге уровень идеологического. Вбирая их в себя, он претендует на естественность и «природность». Тексту также характерно обладание множеством смыслов. Но это множество совсем другого порядка. Это даже не множество, а множественность смысла в своём исконном проявлении. Текст существует именно в её пространстве. И множественность – условие существования Текста как такового, а не возможность или допущение. Там где миф готов ожидать некой реакции на своё восприятие, Текст нельзя предугадать, он всегда различен. Он погружён в пространство бесконечных цитат, отсылок и интерпретаций.

Миф всегда представляет собой готовый «продукт», продукт потребления. Таким же продуктом в структурном смысле выступает и произведение, оторванное от читателя и потому всегда навязываемое. Подчёркивая сомнительный характер его происхождения, Барт говорит о неизбежном сокращении расстояния между письмом и чтением и постепенном их превращении в некий сплав совершенно нового вида деятельности. Этот новый вид деятельности представляет собой игру, «игру в Текст» и «игру Текстом». Такая игра – гарантия его «свободного плавания». Она же является главным противоядием от мифического, которое, в свою очередь, ничего не в силах противопоставить постоянной смене «правил игры».

Пространство Текста – это в определённом смысле утопия. Но она не требует от человека сверхчеловеческих качеств. Она не требует «мистической единичности», описанной Киркегором в контексте жертвоприношения Авраама, не требует «ликующего ницшевского атеизма», о которых говорит Барт как о единственно возможных средствах освобождения от власти языка¹⁰. Пространство Текста – это пространство удовольствия, пространство «игры» дискурсов, свободное от принуждения культуры. Это даже не утопия, а «у-топический топос», образующий «область воздушной лёгкости, открытого простора, рассредоточенности, благородной вольности»¹¹, которая как нельзя лучше претворяет собой замысел Барта о сфере «очищенного» от «шаблонизированных

дискурсов» языка.

1. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 545.

2. Зенкин С.Н. Ролан Барт и семиологический проект//Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 18.

3. Барт Р. Смерть автора //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 388.

4. Барт Р. Мифологии. М., 2004. С. 284.

5. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 475.

6. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды.

Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 475.

7. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 477.

8. Барт Р. От произведения к тексту//Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 416.

9. Барт Р. От произведения к тексту//Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 416.

10. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 550.

11. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 477.

Д.В. Субботин

РАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Д. В. Субботин
(г. Бишкек, Кыргызстан)

преподаватель кафедры
философии и социально
политических наук
Кыргызско-Российского
Славянского
университета

Одной из отличительных черт новоевропейской ментальности, берущей свое начало с философии Просвещения, выступает негативный способ ее самоидентификации. Самоопределение осуществляется главным образом через выявление отличия собственной сущности от всего того, что было раньше, – путем установления того, «...какое различие вводит сегодня по отношению ко вчера». ¹ Такое движение «от противного» закономерным образом сопровождается открыто провозглашаемой оппозиционностью и даже враждебностью нового стиля мышления к традиционным типам духовности. Так, уже у предшественника просветителей Р. Декарта проводится категорическое размежевание между рациональным знанием, отвечающим требованию непосредственной достоверности, и знанием, основанным на вере. Причем под непосредственной достоверностью знания Декарт понимает не столько его эмпирическую данность, сколько именно отсутствие каких-либо посредующих звеньев (будь

то обычай или иной авторитет) в процессе познания субъектом действительности. Гносеологический индивидуализм таким образом начинает граничить с социальным элитаризмом: на истину, как считает Декарт, «...натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ» ². Сходная идея будет позже выдвинута И. Кантом в качестве своеобразного девиза Просвещения: *aude sapere* – «имей мужество пользоваться собственным умом».

Однако здесь можно отметить определенный парадокс. Начавшись с постановки гносеологических проблем и интерпретации акта познания как деятельности автономного, а значит отвлеченного от общества, субъекта, Просвещение вместе с тем свой главный идейный пафос обрело в утверждении особой социальной миссии разума. Субъектом рационального действия объявляется уже не только личность, но и целый народ, человечество. С Просвещения собственно и берет свое начало понятие народа как основного субъекта истории. Как замечает по поводу данного обстоятельства М. Фуко, «Просвещение есть одновременно и некое поступательное движение, в котором люди участвуют совместно, и отважный поступок, надлежащий совершить лично. Люди выступают здесь и как стихия, и как действующие лица одного и того же процесса» ³.

Но не слишком ли с большой легкостью было допущено объединение в одно целое двух на самом деле разных феноменов, а именно – двух различных по своему происхождению типов познания: стихийного, опосредованного народной традицией, с одной стороны, и индивидуализированного теоретического, с другой? И в этом пункте

обнаруживается еще один парадокс Просвещения. Прежде всего, Просвещение поляризовало духовный мир на два противоположных начала, на «миф и разум», говоря словами Г.-Г. Гадамера. Но в то же время просветительская доктрина была выстроена на глубинной убежденности в собственной безальтернативности, когда противоположный полюс воспринимался лишь как формальная антитеза, которой в реальности можно безболезненно пренебречь. Миф рассматривался как что-то незначительное и случайное, «...обман священников или бабы рассказы». ⁴ Традиционные типы знания были поняты только как ошибочные. По сути, за архаической духовностью не усматривалась какой-либо принципиальной специфики, вся разница между мифом и разумом сводилась к разнице между истиной и ложью, знанием и невежеством. Весьма показательны в данном отношении слова П. Гольбаха: «Если незнание природы породило богов, то познание ее должно уничтожить их». ⁵ В лучшем случае миф расценивался как пережиток старины, как явление, утратившее свою актуальность в новом мире. Странным образом, несмотря на яростную критику традиционной ментальности, последняя так и осталась «неизвестной землей» для деятелей Просвещения.

По убеждению просветителей достаточно было бы активного воспитательного влияния на массы, чтобы господствующие там вульгарные предрассудки развеялись и навсегда уступили место разуму. Весь вопрос состоял в поиске наиболее подходящего метода подобной педагогики. Именно получившая в свое время широкую популярность в просветительских кругах проблема способов правильной организации мышления вызвала к жизни понятие, которое без всякого преувеличения стало доминантой духовной жизни современного общества. Речь идет об идеологии. Данный термин был образован по аналогии с понятием «физиология» и введен в широкий литературный оборот Дестютом де Траси, автором труда «Элементы идеологии» (1801). Исследователям того времени казалось, что объективным закономерностям телесности человека, открытым естествознанием, должны соответствовать некие столь же общеобязательные законы его духовной активности, образующие предмет «науки об идеях», то есть идеологии. Изучение данных законов и использование сделанных открытий на благо общества было объявлено целью Института – специальной организации, учрежденной во Франции в конце XVIII века. Деятельность Института, члены которого именовали

себя «идеологистами», оказывала заметное влияние на общественно-политическую жизнь Франции до тех пор, пока устремления идеологистов не вступили в противоречия с политическими амбициями укрепляющегося у власти Наполеона. Именно благодаря резкой и остроумной критике, которой Наполеон подверг деятельность Института, понятие идеологии приобрело пренебрежительное значение оторванных от действительности, бесплодных спекуляций на политические темы.

В подобном отрицательном смысле понятие идеологии было позже использовано в произведениях

классиков марксизма, которые вместе с тем развили собственную критическую концепцию идеологии. К. Маркс и Ф. Энгельс не видят принципиальной разницы между теоретическим мышлением новоевропейских рационалистов и исторически предшествовавшими ему типами спекулятивного сознания, будь то теология или метафизика. Их общность заключается в том, что во всех случаях это сознание идеологов – «мыслителей

как таковых», ставшее возможным в условиях исторического разделения общественного производства на материальный и духовный труд. Также примечательно, что именно в марксизме было в полной мере развито высказанное еще Р. Декартом (но оставленное без внимания просветителями) понимание природы рационального мышления как элитарной, а потому отнюдь не общедоступной и «демократической»: «...искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным повседневным сознанием». ⁶

Согласно пониманию классиками марксизма начальных исторических стадий развития духовной культуры, «...производство идей, представлений, сознания, первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни». ⁷ Лишь впоследствии в процессе общественного разделения труда становится возможным размежевание умственного и физического труда, когда духовная и материальная деятельность выпадает на долю различных индивидов. И лишь такой ценой становится возможным качественный рывок в развитии общественного сознания, переход «от мифа к логосу». Теоретическое сознание присуще лишь профессиональным теоретикам, при этом сама имеющаяся у них возможность исключительно умственной деятельности предполагает их принадлежность к привилегированным слоям общества. Другим социальным слоям теоретическое мышление не свойственно в силу отсутствия в этой

среде предпосылок, способствующих формированию культуры подобного мышления.

В традиционных классовых обществах, где политическая власть во всей ее полноте осуществлялась элитой, составляющей общественное меньшинство, просто не возникало вопроса о необходимости просвещения масс. Такая потребность возникла вместе с демократическими преобразованиями и вовлечением широких слоев в процесс политического управления. Лежащий в основе современной демократии принцип всеобщего и равного волеизъявления граждан при принятии важнейших государственных решений создает прямую зависимость политической власти от сознания социального большинства. Важно заметить, что при этом в обществе происходит не просто изменение официальных институтов и процедур управления. Принципиальная новизна ситуации заключена в том, что реальным фактором политики становится такой тип сознания, который никогда ранее не имел к ней отношения.

Однако, как уже было замечено, просветительская доктрина отказывалась признавать за сознанием народных масс какую-либо самостоятельную специфику, но видела в нем обыкновенное невежество, которое может быть исправлено путем широкого распространения в обществе прогрессивных знаний. От этого собственно и берет свое начало явление политической пропаганды при буквальном значении латинского слова «propaganda» – «распространение». Причем методика подобного распространения сводилась преимущественно к тому, чтобы просто сделать доступными как можно большему числу людей те знания, которые ранее были доступны лишь немногим.

Согласно просветительскому замыслу массовая пресса должна была преодолеть традиционную закрытость высокой книжной культуры от народа. Но как уже довольно скоро выяснилось, в сфере массовой печати не столько происходит облагораживание величественными идеалами грубых нравов народной массы, сколько последняя сама подчиняет своему вкусу параметры прессы. Распространение грамотности в массах имело своим следствием формирование особого вида литературы, радикально отличного от ее классических образцов. Примечательно, что некоторые исследователи феномена популярной литературы приписывают ей выполнение функций мифа в современном обществе. Среди характерных признаков подобного «литературного мифа» называется все тот же синкретизм мысли и действия, идеального и реального. Здесь отсутствуют рафинированные эстетические формы, но преобладают понятные обывателю образы повседневной жизни. Узнавая в образах бульварной литературы Парижа XIX века «черты мифических представлений», Р. Кайуа пишет: «Очевидно, наступил момент, когда героическое величие, чтобы требовать и получать внимание к

себе, больше не должно было облекаться в костюм греков из трагедий Расина или испанцев из драм Гюго; чтобы обстановка трагедии казалась трагической, от нее больше не требовалась удаленность во времени и пространстве. Перемена была полной: мир высшего величия, мир полный насилия и тайн, мир, где всегда и всюду может произойти все что угодно, ... – такой мир перестал быть удаленным, недоступным и автономным, теперь это тот самый мир, где каждый из нас проводит свою жизнь».⁸ Декорациями повествования становится сам современный город. Более того, литературная история перестает восприниматься читателем как просто занимательная фикция и чистая умозрительность. После выхода в свет «Человеческой комедии» Бальзака в некоторых европейских странах появились общества, участники которых распределяли между собой роли книжных персонажей, стараясь во всем подражать им в своей жизни. И как особо подчеркивает автор, «...такого рода явления имеют место с тех пор как все стали читать. То есть с момента введения обязательного начального образования, реальное распространение которого как раз совпало по времени с возникновением мифа о Париже».⁹ Такой неожиданный эффект от просвещения масс безусловно в немалой степени послужил развенчанию просветительского проекта в его классическом, идеализированном виде. Массы не только остались безразличными к рассудочным истинам новоевропейских доктрин, но в полной мере продемонстрировали самостоятельный статус собственной ментальности, позволяющий оказывать активное воздействие в том числе и на те явления, которые ранее являлись прерогативой элит.

Попытки сделать сознание масс идеологическим, в том значении этого слова, как его понимали французские «идеологи», потерпели провал. Подобное предприятие было заведомо обречено на неудачу уже в силу противоречивости самого понятия «массовая идеология», ведь, как убедительно показали классики марксизма, идеология может существовать только как сознание профессиональных теоретиков, обслуживающих духовные запросы властвующих элит. Между тем, разрыв между кабинетными абстракциями и обыденными представлениями улицы фатально велик.

Однако не подлежит сомнению, что, несмотря на отмечаемый явный неуспех в деле рационалистического просвещения масс, сам термин «идеология» вовсе не канул в забвение, он, бесспорно, по-прежнему является одним из наиболее употребляемых в исследованиях общественного сознания и в политической практике. Однако при этом можно наблюдать парадоксальное перерождение, которому подвергается в современном языке понятие идеологии. Так, К. Леви-Строс заявляет: «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую».¹⁰ Налицо совмещение принципиально

несовместимых категорий. Исходя из всего того, что было сказано выше, идеология и мифология должны представлять собой диаметрально разные типы сознания и, следовательно, заменять друг друга они никоим образом не могут, как не могут быть взаимозаменяемы обыденное сознание и мышление теоретическое. Если современная политическая идеология отождествляется с мифологией, то, значит, под идеологией в данном случае понимается что-то совершенно другое по сравнению с идеологией в ее классическом осмыслении, по сравнению с тем, как понимали данный предмет, скажем, К. Маркс и Ф. Энгельс. Но в таком случае было бы безосновательным обозначать столь различные вещи одним и тем же словом. Или существует все же некая преемственность в эволюции значения этого термина, позволяющая логически связать его разнородные исторические ипостаси? Представляется, что объединяющий их общий признак все-таки может быть найден.

Обнаружившая себя на практике невозможность подлинной рационализации массового сознания, при всей трагичности подобного итога для судеб Просвещения, совсем не означала невозможности оказания на сознание масс определенного формирующего воздействия. Изменения в общественном мнении, производимые прессой, начали отмечаться одновременно с появлением многотиражных изданий. Причем часто внимание обращалось именно на негативность подобного влияния. Парадоксальные последствия просвещения масс, проводником которого должна была выступать общественная печать, вызывали замешательство у многих поборников общественного блага. Показателем подобных настроений может служить выразительное высказывание К. Маркса в одном из своих писем: «До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие».¹¹ И думается, определение подобной «продукции» как мифов вполне уместно, учитывая ее характерные особенности и механизмы функционирования.

Весьма показательна общая тенденция массовой культуры, заключающаяся в возрастании прямого воздействия на органы чувств. Печатные средства массовой информации все больше вытесняются телевидением. Письмо, традиционно составлявшее основу духовной культуры элит, в массовом обществе определенно теряет функцию генерирования сознания. В соответствии с этим изменяются и методы массовой пропаганды. В современном пропагандистском арсенале абсолютно преобладают методы воздействия,

основанные на психологических механизмах внушения, манипуляции и программирования сознания. Как откровенно заявляет об этом немецкий социолог Г. Франке, «...некультурный человек не способен воспринимать рациональные суждения. Единственное, что остается, воздействовать на него так, чтобы изменить его представления, а последнее возможно только на психологической основе».¹²

Более того, пропаганда словно бы вообще утрачивает духовную природу, переходя на невербальные способы передачи своих сообщений. Жак Эллюль в свое время предложил концепцию так называемой «социологической пропаганды», противопоставляемой им традиционной «политической пропаганде». По словам автора, особенность «социологической пропаганды» заключается в том, что она «...по природе своей распылена. Она редко осуществляется с помощью лозунгов или с помощью четко выраженных намерений. Наоборот, она основывается на общем климате, на атмосфере, которая влияет на людей незаметно, не выступая в роли пропаганды; она “добирается” до человека через его привычки, через его самые неосознанные обычаи».¹³

В то же время, несмотря на значительное совпадение параметров современного массового сознания с параметрами обыденного сознания, принципиальное отличие одного от другого заключено в способах их порождения. Обыденное сознание по сути своей производится стихийно, оно, по известному выражению, вплетено в общение людей, в язык реальной жизни. Однако особенность современного массового сознания состоит в том, что хотя его содержание носит общедоступный и общераспространенный характер, производится оно далеко не только спонтанным образом, но в немалой степени путем целенаправленной активности определенных людей. Парадоксальным образом массовое сознание, оставаясь обыденным, производится подобно теоретическому сознанию. Блестяще характеризует данную ситуацию в контексте «нацистской мифологии» Э. Кассирер: «Ранее миф всегда считался продуктом некоей бессознательной социальной деятельности. Но теперь мифы создавались людьми, действовавшими в высшей степени сознательно и “в соответствии с планом”. Они прекрасно знали, что им надо и продумывали каждый свой шаг. С появлением этих людей мифам уже не позволялось развиваться стихийно. Новые политические мифы никоим образом не были дикими плодами богатого воображения. Это были изделия, изготовленные весьма искусными и хитрыми ремесленниками. Можно прямо сказать, что перед нами предстал миф нового типа – миф полностью рационализированный. Двадцатый век породил “технику” мифологического мышления, не имеющую аналогов в истории».¹⁴

И здесь обнаруживает себя поистине парадоксальный фатум Просвещения.

Образованная элита стремилась привить массам навыки рационального мышления, однако в итоге массы не стали мыслить рационально, зато сама интеллектуальная элита начала причудливым образом производить сознание масс. Не элита воспитала массы, но наоборот массы преобразовали по своему подобию мыслящий класс. Духовное производство в эпоху массовизации создает как раз тот феномен, который с полным основанием можно назвать массовой идеологией. Надо заметить, подобное превращение идеологии не повлекло исчезновения идеологов, понимаемых в марксистском смысле как профессиональное сообщество людей, занятых духовным производством. Только последнее приобрело черты откровенного мифотворчества – рационального производства нерационального сознания. Более того, политический характер подобного производства стал совершенно очевиден. Если ранее целью идеологов выступала разработка «иллюзий господствующего класса о самом себе» (К. Маркс), то в наш прагматичный век элиты, находящиеся у власти, в подобном обслуживании вряд ли нуждаются, относясь к массовой идеологии поистине макиавеллически. Как замечает К. Мангейм, «...возглавляющий движение вождь знает, что все политические и исторические идеи – не более чем мифы. Сам он свободен от их воздействия, но он ценит их...», поскольку такое знание «...полезно

вождям как чисто техническая осведомленность: они должны знать, какими средствами можно привести в движение массы». ¹⁵

1. Фуко М. Что такое Просвещение? //Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002. С.337.
2. Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. С.271.
3. Фуко М. Указ. раб. С.338.
4. Гадамер Г.-Г. Миф и разум //Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. С.94.
5. Гольбах П.А. Избранные произведения. В 2т. Т.1. – М., 1963. С.378.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.14.
7. Там же. Т.3. С.24.
8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. С.122.
9. Там же. С.133.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. С.186.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.33. С.215.
12. Цит. по: Бессонов Б. Пропаганда и манипуляция //Реклама: внушение и манипуляция. – Самара, 2001. С.709.
13. Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. – М., 1980. С.214.
14. Кассирер Э. Техника политических мифов //Октябрь. 1993. №7. С.158.
15. Мангейм К. Идеология и утопия //Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. С.118.

ЧТО ТАКОЕ МИФ?

М.А. Гонсалес

Мариано Родригес Гонсалес
профессор-исследователь
Автономного университета штата Мехико (Мексика)

Определение любого явления, а тем более такого феномена как миф, предполагает его перевод в термины дискурса мысли, переложение на язык, чей код существенно отличается от природы и сущности самого этого феномена.

Говорить о мифе – значит двигаться в полумраке теней, ускользающих от аналитических усилий, направленных на постижение их рационального смысла. Но тени, за которыми скрывается миф,

как и всякое таинство, не лишены своеобразной привлекательности, ибо намекают на истины, таящиеся в глубинных пластах самой жизни. Ведь многие сокровенные тайны, обитающие в недрах человеческого бытия, обречены на полумрак.

Сам онтологический статус, побуждающий человека метафизически осознавать себя существом разорванным, обрекает его на восприятия смысла вещей в полусвете. Это восприятие осуществляется через фильтр или сквозь слуховое окно, именуемое мифом. Миф – это то, что одушевляет и движет; это жизненный мотив, направляющий наше существование в мире, раскрывающий драматизм раскола и разрыва, равно как и примирение человека с бытием. Любой миф – это конденсированная человеческая драма именно потому, что его корни уходят в потаенные глубины природы человека и дают о себе знать повсюду, где проявляется человеческая деятельность. Латентное присутствие мифического сознания в основополагающих актах жизни человека, просачивающееся в самую ткань, которая конституирует единство культурной жизни, делает бытие мифа ещё более непостижимым для усилий познающего разума.

И, тем не менее, миф стремится выйти наружу, пытается раскрыть свое содержание, чтобы, превратившись в повествование, выразить отношение человека к предельным основаниям собственного бытия. Но, выражая сущность, выходящую за пределы непосредственного содержания своих манифестаций, стремясь переступить границы языка, смысловое богатство мифа ускользает от нашего контроля, и его потаенная истина противится быть поименованной. Вот почему миф склонен прибегать к намеку, и обходным тропам там, где точность, ясность и определенность терпят фиаско. Пространство мифа – это сфера символа вкуче с его многообразными формами: метафорой, образом, аллюзией, суггестией, припоминанием, ибо миф стремится сказать то, перед чем другие языки смолкают, не будучи в силах выразить непостижимые глубины бытия.

Путь, по которому движется миф, находится по ту сторону ясного и отчетливого языка, ибо миф шагает по извилистым и трудно доступным тропам парадокса и полисемии. Отсюда появляется искушение подвергнуть его остракизму, изгнать из сферы мышления, рефлексии и, вообще, за пределы рационального, поставить под сомнение его способность выражать смысл реального, низвести его к бескрылой фантазии или к бессмысленному абсурду. Разумеется, к мифу неприменимы нормы логического мышления, но ему присуща своеобразная структура и принципы ориентации в мире, ибо миф – это определенная форма упорядочивания, конфигурации и внесения смысла в человеческий опыт. Следовательно, миф – это нарративная структура, лингвистическими формами выражения содержания которого выступают символы.

Стремление определить такой скользкий, полисемантический и подверженный множеству интерпретаций феномен, как миф, приводит нас к констатации невозможности свести плюрализм его проявлений к некоему протофеноменальному единству. Миф сопротивляется попыткам втиснуть его в рамки единой объяснительной теории, но это вовсе не означает, что он недоступен каким бы то ни было интерпретативным усилиям. Сама нередуцируемость его структуры уже говорит о многом: миф присутствует во всех своих измерениях там, где человек сталкивается с внешней реальностью и с реальностью самого себя.

Исчерпав лингвистически-концептуальные возможности объяснить реальность, философия, однако, не может освободиться от магических чар непостижимого полумрака, и у неё не остается другого средства, - несмотря на то, что она изначально

пытается его преодолеть, - как прибегнуть к услугам мифа.

Нельзя забывать, что в своих истоках философия была тесно связана с мифом, служившим ей питательной почвой, куда она пустила свои корни и на фундаменте которого она возвела свою крону. Иными словами, миф изначально питал философские размышления коренными проблемами, излекаемыми им из собственных недр, такими, например, как рациональность, смысл, священное,

бытие, начало, тотальность, основание, космос, и т. д. Миф находится в тесном духовном родстве с философией, в противоборстве с которым последняя открывает смысл и основания собственного бытия; отталкивание от мифа позволяет философии не только ставить традиционные вопросы, но и постоянно их переосмысливать и открывать горизонты новых значений.

На основе данных соображений румынский мыслитель Мирче Элиаде выводит онтологическую проблематику, которую миф задает философскому мышлению. Он полагает, что содержание таких философских понятий как «бытие», «истина», «сущность» не слишком разнится от базовых интуиций мифа: их отличие состоит в том, что они переряжены на язык, вызванный к жизни так называемым греческим чудом. Архаическая онтология включала в себя миф; это можно наблюдать в повествовании об истоках, хотя, разумеется, невозможно вывести все типы и функции мифов, бытующие в традиционных обществах, из одного определения. Сам по себе миф – свидетельство сложной культурной реальности, ибо он не обладает фиксированной структурой или типичной формой своего проявления. Функции и формы выражения мифа настолько же разнообразны, насколько разнообразны и сами формы жизни культуры.

Все вышеизложенное отнюдь не препятствует выяснению общих структур переживания опыта мифическим сознанием, который осуществляет компаративная история религии и феноменологический метод, успешно используемый Мирче Элиаде в процессе анализа феноменов священного. С точки зрения Элиаде, мифы повествуют о священной истории; это драматическая нарратива о том, как выражается священное, каким образом происходит творение, что находится в истоках сущего. Исток – это начало бытия, начало того, что есть; исток показывает как предметы вызываются к бытию и приобретают статус реальности. Будучи первоначалом всякого сущего, Бытие выражает себя как священное, ибо выступает

в качестве самого сокровенного смысла реальности. Священная история - это история, которая повествует об истоках; это показательная история, прототип и образец всего реального. В глубине мифического повествования скрываются вопросы об истоках сущего, об основании его бытия и его существовании. Будучи священной историей, миф рассказывает о событии, произошедшем в незапамятные времена, в чудесную эпоху «начала».

Мифы выражают изначальную творческую деятельность, чей смысл конституирует самое сокровенное бытие, священное - сущность божественного. В них описывается перипетия вторжения священного в мир, который является самым сокровенным пунктом творческих актов, задающим образцы организации мира и деятельности человека. Поэтому миф - это не простая фикция в архаическом смысле, а «подлинная» история в той мере, в какой она является священной историей, которая сообщает смысл всему реальному. Элиаде считает, что для мифа мир - это сущее, все то, что появилось в его истоках, а «человек есть то, кем он является: сексуальное и культурное создание, результат вторжения в мир сверхъестественных существ», а сам миф превращается в «образцовую модель» всякой значимой человеческой деятельности».

Мифы повествуют о возникновении мира, животных, растений и человека; все первоначальные события, осознаются в нем как цепочка тождеств: священная история = правдивая история = образцовая история; и человек есть то, кем он является сегодня: смертное, сексуальное существо, организованное в общество, обязанное жить и работать согласно установленным нормам.

За этими идеями скрывается определенная предпосылка, которая придает мифическому повествованию онтологическое содержание: Бытие = первоначало = священное = реальность = смысл = таинство. Эпифания священного - это творение в подлинном смысле, производство бытия, переход небытия в бытие, что придает данному акту статус модели, сопровождающей всякое творение, всякое действие и наделяющей смыслом всякий конкретный предмет или явление. Глубинный смысл всех вещей коренится в том, что они изначально и по своей сущности причастны священному, на что и указывает отмечанная цепочка тождеств. В этой связи Элиаде замечает: «Сознание реального и значимого мира тесно связано с открытием священного. Посредством опыта дух отличает то, что проявляет себя в качестве реального, мощного и значительного от того, что лишено этих качеств, иными словами, от хаоса, от угрожающего опасностью потока событий, их непредсказуемых бессмысленных появлений и исчезновений. Священность присуща самому способу бытия человека в мире».¹

Онтологизм этих идей выражается в предпосылке: начало всех вещей и событий совпадает с бытием, и проясняет то, чем они являются. Поэтому мифическое

повествование наталкивает нас на серьезные вопросы, которые приводят к философским выводам, хотя и лишенным подлинной абстрактности и надлежащей рефлексивности. Так что миф можно с полным правом охарактеризовать как разновидность нарративной философии о началах всего сущего.

В мифе объяснение мира, обретая свой смысл через отсылку к первоистокам, отнюдь не ограничено от объяснения человека и реалий его жизни, равно как вопрос о бытии не отъединен от вопроса о бытии вопрошающего. Миф сообщает смысл и дает «объяснение» основополагающим измерениям человека, общественным реалиям и личной жизни: каково значение супружеской жизни? Что означает тот или иной праздник или ритуала, отмечаемый в данном обществе? Почему существуют запрещенные формы поведения? Почему данная семья располагает правом на власть или вот эта личность является королем? Почему люди имеют данную, а не иную форму социальной организации, а их взаимоотношения регулируются данным типом правления. Почему мы должны возлагать наши надежды на эти, а не на другие идеалы?

Тем не менее миф не является сам по себе гарантом добра или залогом высокой морали. Функция мифа - в выработке моделей, в установлении значения бытия мира. Отсюда проистекает и значение мифа для становления и развития человека. «Благодаря мифу человек воспринимает космос как нечто артикулированное, имеющее значение и постижимое.

Повествуя об истоках, миф не только выполняет функцию обоснования всего того, что происходит внутри мира, приписывая им тот или иной смысл, но и создает идеальные модели всех наиболее значимых ритуалов и поступков людей: питания, брачных отношений, работы, воспитания детей, искусства и мудрости. Все это формирует определенную сетку культурных значений и задает идеологические рамки обществу. Миф сообщает легитимность общественным институтам, власти и, в конечном итоге, задает структуру организации и функционирования самого общества. Отсюда проистекает его двойная функция - обоснования и легитимации.

Для реализации указанной задачи миф не воспринимает первоначало в аспекте каузальности (aitia) и не рассматривает причину в ее сцепленности с другими причинами, а пытается установить то, что находится в основании всякой причины, то, что ее обосновывает и вызывает к бытию, иначе говоря, то, что является первым истоком и началом всего сущего (arkhé). Это начало не есть причинность, как ее понимает наука, а есть то, что конституирует онтологический и онтогенетический смысл самого бытия. Миф - это восприятие бытия как истока или первоначала.

Миф обосновывает и легитимирует как

космовидение, так и всякую конкретную форму жизни в двойном аспекте: 1) путем отсылки к первоначалу, к абсолюту, 2) и как фундамент или основание, над которым возышаются институты, обычаи и другие исторические конструкции. Миф содействует признанию и приятию того, что существует: он сообщает «истину», стабильность и ориентацию, пытается дать законченное видение реальности и постичь глобальный смысл всего сущего. Он отталкивает от себя и сопротивляется аналитической мысли, ибо его структура является синкретической. Он не делит и не расчленяет проблему с целью ее прояснения, как это свойственно разуму, который занят поиском ясных и отчетливых идей, скорее, он стремится к «объяснениям» путем включения событий и явлений в некую тотальность. Возможно, в этом состоит определенная общность между тотализирующими тенденциями, свойственным теоретическим построениям философии истории, исходящих из синтетических оснований и по своей логике сходных со структурами мифов.

В языке мифа бытие сущего раскрывается в формах божества. И поэтому неслучайно, что для древних греков бытие вещей – это манифестация божества. Миф – это самораскрытие бытия сущего в слове и через слово, которое всегда рассказывает нам о бытии и которое «работает» на бытие. Не всякий язык осуществляет эту манифестацию, а лишь язык, способный улавливать благоприятный момент для откровения. А стало быть, этот язык требует для своего развертывания состояний, сходных с поэзией и музыкой, ибо он умеет настраиваться на волну космических ритмов.

Будучи существом многомерным, человек обладает широкой гаммой средств выражения собственной человечности, которая, переплетаясь между собой, образует единство противоположностей - *complexio oppositorum*. Миф и логос – это противоположные и вместе с тем дополняющие друг друга формы,

раскрывающие то, чем является человек. Если из дискурса, имманентно присущего мифу, изъять критическое сознание, а из логического дискурса изгнать всякий намек на аффективность, сообщаемую ему чувственностью, то это может привести к серьезным искажениям смысла человеческого существования. В этой связи мне кажется уместным подчеркнуть, что миф, развиваемый Платоном, ищет прояснения в логосе, выступающим дополнением мифа. Функция, которую греческий философ наделяет миф, состоит в том, чтобы возвышать через символизм и интуицию человеческий дух до недостижимого для разума уровня. Стало быть, миф – это стимул для логоса, который его оплодотворяет и обогащает.

Взаимодействие мифа и логоса идет вразрез с позитивистскими и эволюционистскими теориями, согласно которым, историческое поступательное движение есть восхождение от мифа (инфантилизм, иррационализм) к логосу (зрелость, рациональность). Но может ли выразить логос то, что ранее выражал собой миф? Ведь миф и логос – это не только два модуса выражения реальности, но также и два измерения (горизонта, направления) того, что может быть сказано посредством соответствующего языка: вряд ли когда-нибудь язык мифа может быть переведен на язык рациональности, как и наоборот. Только концепция человека как полифонического существа делает возможным гармонию между различными формами выражения человечности. Сам миф – это форма логоса: миф убивает не рост рациональности, а появление исторического сознания, как и наоборот: отсутствие исторического познания – это черта, свойственная мифическому универсуму.

(Перевод с испанского М. А. Малышева.)

1. Eliade, Mircea. La prueba del laberinto. Cristianidad, Madrid, 1980, p. 147.

МИФОТВОРЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В.М. Русаков

**Русаков Василий
Матвеевич**

доктор философских
наук, профессор,
зав. кафедрой общих
гуманитарных
дисциплин Института
международных связей

Просветительские плоско-рационалистические представления о мифе и мифологическом сознании потерпели крушение еще во второй половине XIX в.: обширный этнографический материал говорил о всеобщности мифа в истории народов; обращение исследователей к массовому поведению и сознанию обнаружило поразительную живучесть мифа; исследования фетишизма явно выводили представления о мифе за пределы «сказок и легенд». К.Маркс в своих «теориях прибавочной стоимости» далеко продвинул представления о так называемых объективно-мыслительных формах, носящих иррационально-превращенный характер. Прежняя упрощенная картина прямолинейного движения человеческого сознания «от мифа к логосу» обнаруживала свою несостоятельность.

В XX-ом веке ситуация еще более осложнилась, поскольку стало ясно, что миф – не просто сложное синкретическое явление, имеющее социально-исторический характер, но и мощный пласт современной реальности, властно вторгающийся в различные сферы нашей жизни (массовое сознание, реклама, пропаганда, политическая и художественно-практическая деятельность и т.п.). Стало ясно, что научно-теоретическое сознание вовсе не столь диаметрально противоположно и несовместимо с мифологическим, как это казалось недавно. Это открытие на некоторых представителей научного сообщества произвело такое сильное впечатление, что они утвердились в мысли, что между наукой и мифом вообще нет принципиального различия.

Наиболее очевидна связь мифа и научно-теоретического познания при рассмотрении науки как сложного социально-исторического явления или социального института. Институционализация научного познания исторически и логически включает

в себя реликты множества процедур и практических действий, которые давно превратились в схематизмы, ритуалы и обряды (научные авторитеты, ученые степени и звания, защиты диссертаций, научные школы, объединения, организации и т.п.).

В рамках научных сообществ складываются сложные системы действий, совершаемых по строго определенным правилам и схемам, имеющих непререкаемый характер: предписания, запреты, правила, процедуры. Разумеется, в отличие от религиозно-мифологических практик, предполагается, что эти правила и предписания имеют рациональный сознательно-контролируемый характер («объективность», «проверяемость», «логическая правильность», «доказательность»). Однако на деле мы видим выдвижение весьма сильного допущения об их применимости и строгой определенности.

Кроме того, познавательный процесс в себе содержит целый ряд аспектов, имеющих мифопорождающий характер, ибо научное знание неизбежно включает в свой состав не только доказанное и проверенное знание («научные факты»), но и известное количество суждений, истинность которых постулируется без рационально-логических процедур, базируется на интуиции и уверенностях (допущениях). Другими словами, эти положения «авансом» наделяются несвойственными им чертами истинности, адекватного, исчерпывающего объяснения. Понятно, что это подразумевает самую тщательную рефлексию над всякого рода такими «допущениями», их скрупулезную «инвентаризацию» для того, чтобы возможно более отчетливо очертить границы их применимости и действительности. На деле такие схематизмы выступают, скорее, как регулятивные принципы, нежели предметы, имеющие четко определенное содержание и границы.

В свою очередь, осознание этого обстоятельства неизбежно ставит более фундаментальную проблему специального исследования способов задания, порождения предмета (и вообще – предметности, предметных областей) научного исследования. Не случайно, в математике это, например, осознается как конкуренция двух основных способов задания (построения) предмета – интуитивный и конструктивный. Порождение предмета – задание его или конструирование – совершается еще и при помощи фантазии, «продуктивной силы воображения» (источник которой, кстати сказать, И.Канту представлялся необъяснимым).

Итогом подобной активности в теоретическом познании выступают целые «теоретические миры» (предметные области), по меткому замечанию Дж. Холтона населяемые множеством невероятных персонажей (например, «корпускулы», «абсолютно черное тело», «теплород», «кварки», «очарованные» и «странные» частицы), отношения которых описываются при помощи нарративных схем, мало чем отличных от тех, что применяют жители сельской глубинки. И когда подобные «миры» начинают жить своей особенной самостоятельной жизнью в рамках и при посредстве различных институций, тотчас воспроизводится универсальная и древняя схема «саморассказывающего» и «самообъясняющего» все и вся мифа.

Действительно, в мифе нет проблем (изучения чего-либо), в мифе абсолютно все есть и там все изначально объяснено. По этой же схеме складывается современный миф о «всесилии» науки: она все объясняет, она все может.

Процесс последующего «оформления» творческой активности познания неизбежно проходит стадию образа, синкретического целого, в котором слиты существенное и преходящее, абстрактное и конкретное, всеобщее и единичное, чувственное и рациональное. Разумеется, образ в теоретическом познании подвергается целому ряду процедур обработки, пока из него не будут вычленены те или иные компоненты и не определены их функции и статус. Здесь, как известно, особенную роль играет метафора – «образ с двумя смыслами», по выражению О.Фрейденаберг: «то, что находится в действии, уподобляется тому, что заключено в рассказе», процедурам, действиям по правилам ставится в соответствие некая конструкция описания. Сами по себе эти части еще ничего не объясняют, никакого существа дела, но только их соотносительность (в частности это реализуется в процедурах именования). А это и есть схематизм мифа: у древних греков всякий рассказ назывался «миф», т.е. то, чего в действительности нет – «правдивая история», «быль».

Двузначная метафора идет от двух смыслов к единству иносказания. «Одно» рассказывается с помощью «другого» («метр есть длина волны, излучаемой...»). Но когда начинает «работать» схематизм научной метафоры, субъектно-личностное

начало тщательно устраняется из «продукта»: в готовом, ставшем научным знании скрупулезно «вытравлены» всякие следы индивидуальности (науча доказывает, «сила прямо пропорциональна...» и т.д.).

В метафоризации форм научного знания таится мощный ресурс их мифологизации. В совсем недавней истории науки мы можем видеть претензии на всеобъясняющую силу последовательно выдвигавшихся новых категорий: например, категорий «система», «структура», «текст», «грамматика», «дискурс» и т.п.

Марксизм XX-го века весьма глубоко сформулировал проблему соотношения научно-теоретического и мифологического сознания. В.И. Ленин, подчеркивая гносеологическое значение категорий, писал: «Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (Полн. собр. соч., т.29.с.85). Но именно здесь, в процессе образования категорий, т.е. абстракций – происходит «отрыв» от реальности, возникает возможность обеднения и искажения представлений о реальности, поскольку «подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятие) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того, возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию... ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее... есть известный кусочек фантазии» (там же, с.330). Научно-теоретическое познание справляется с негативными последствиями подобного отрыва путем введения рационально-контролируемых процедур рефлексии над способами и приемами абстрагирования.

Позитивным итогом рассмотрения этой сложной связи мифологического и рационально-теоретического является вывод о том, что связь эта носит универсальный и в то же время исторический характер.

ДИАЛЕКТИКА МИФА

А.Ф. ЛОСЕВА: СУДЬБА ИДЕЙ И РАБОТ

Е.Б. Емельянов

Емельянов Борис Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральского государственного университета им. А.М.Горького

E-mail: emeljan@r66.ru

Миф – необходимейшая, прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни...
А.Ф. Лосев

Миф является важнейшей, едва ли не главной составной частью необъятных научных интересов последнего из корифеев серебряного века – Алексея Федоровича Лосева (1893-1988). В одном из лагерных писем своей жене он написал: «Имя, число и миф – стихия нашей с тобой жизни». Что это так, доказывается всем творчеством философа, но только работы, посвященные мифологии, наложили неизгладимый отпечаток на судьбу и творчество Лосева.

Сейчас, когда в научный оборот введены архивы философа, в том числе из фондов ФСБ, можно проследить как развивалась в его творчестве диалектика мифа. Это тема большой монографической работы. Наша задача скромнее – опираясь на известную фактографию воссоздать судьбу его идей и работ, посвященных мифу. В основу нашей своеобразной справки положены публикации А.А. Тахо-Годи и примечания В.П. Троицкого к последнему изданию «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева (М., 2001. – Далее ДМ).

После окончания с золотой медалью гимназии Лосев поступил в Московский университет сразу на два отделения – философии и классической филологии, где его учителями были Л.М. Лопатин и Г.И. Челпанов. В дипломной работе «О мироощущении Эсхила» он уже обратился к

выяснению соотношения бытия и мифа в жизни трагического героя. В работе 1916 г. «О музыкальном ощущении любви и природы» в центре внимания Лосева опять-таки миф, созданный Н.А. Римским-Корсаковым в опере «Снегурочка». А в работе «Философский комментарий к драмам Рихарда Вагнера» философ дает интерпретацию мифа в театрологии «Кольцо Нибелунга».

Обращение к мифологии зафиксировано в нескольких докладах А.Ф. Лосева на заседаниях ГАХН: «Учение Аристотеля о трагическом мифе» (13 ноября 1924). «Античная философия мифологии (Прокл и его диалектика мифа)» (13 октября 1927), «О мифотворчестве» (9 декабря 1927 и 9 марта 1928). Последний доклад излагал общее учение о мифе и критику существующих теорий мифа.

К мифу Лосев обращается и в своих первых работах, изданных в 1927 г.: «Античный космос и современная наука» (в ней он излагает учение Прокла о мифе), «Философия имени» (в ней дается характеристика новоевропейского мифа «материализма»), «Музыка как предмет логики» (она содержит главу «Музыкальный миф»). Вполне естественно у Лосева созрела идея воплотить свое представление о мифе в специальной работе. В его архиве сохранился набросок этого исследования под названием «Философия мифологии», в котором уже присутствуют разделы, ставшие впоследствии в ДМ главами:

1. ритический обзор теорий мифа.
2. Диалектика и феноменология мифа.
3. Структурно-логическое единство и опытное разнообразие.
4. Три мифологии.

А далее последовала уже работа над самой ДМ, которая, как известно, сыграла трагическую роль в судьбе ее автора. Эта книга Лосева создавалась несколько лет и имела несколько этапов

воплощения замысла автора. Первый вариант содержал «феноменально-диалектическое раскрытие понятия мифа» и представлял рукопись на 152 страницах, которая была отправлена им в цензуру. Политредатор Главлита, член ВКП(б) С.А. Басов-Верхоянцев (баснописец!) написал заключения о ней, отметив, что автор – «чуждый марксизму (идеалист)» - предложил «разве только в интересах собирания

и сбережения оттенков философской мысли, может быть и можно было написать эту работу, столь не материалистически и не диалектически построенную». А зам. зав. русского отдела Главлита М. Гришин на этом решении цензора начертал: «Печатать 500 экз. М. Гришин. 7.IX. 29 г.» (Цит. по: Тахо-Годи А.А. «Философ хочет все понимать». Диалектика мифа» и дополнения к ней // Лосев А.Ф. ДМ. С.15). Эти два решения имели для цензоров печальные последствия: Гришина – уволили, а Басова-Верхоянцева на полгода отстранили от работы.

Но этот вариант книги не увидел свет. По мнению В.П. Троицкого, автора «уже не мог удовлетворить чисто теоретический характер прежнего исследования и отсутствия в нем – несмотря на полную формальную завершенность – прямого выхода на рассмотрение конкретных мифологий» (ДМ. С. 507). В течение короткого времени Лосев в специальных «Дополнениях» разделил мифологию на «авторитарную», «либеральную» и «абсолютную», увязав их с рассмотрением социальной природы мифа. Позже в одном из лагерных писем жене Лосев объяснил эту ситуацию: «... будучи поставлен в жесточайшие цензурные условия, я и без того в течение многих лет не выражал на бумаге ничего не только интимного, но и просто жизненного. Для философа, строящего философию не абстрактных форм, а жизненных явлений бытия, это было все более и более нестерпимо. Я задыхался от невозможности выразиться и высказаться. Этим и объясняется контрабандные вставки в мои сочинения после цензуры и в том числе (и в особенности) в «Диалектику мифа». Я знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя превозмогает всякие соображения об опасности. В те же годы я стихийно рос как философ и трудно было (да и нужно ли?) держать себя в железных обручах советской цензуры» (Вопр. философии. 1989. №7. С.157).

Одновременно, чтобы ускорить печатание книги, Лосев объединяет в одну книгу две разрешенные рукописи - ДМ и «Вещь и имя», назвав новую книгу «ДМ и сказки» и присоединив к ней нецензурированные «Дополнения» в несколько сот страниц. Но новую рукопись цензура не разрешила, и тогда Лосев, заново разъединив две названные книги, отдал в печать ДМ с нецензурированными «Дополнениями». Этого цензура не заметила. Однако ночью 18 апреля 1930 г. Лосев был арестован за эти добавления

«контрреволюционного содержания». В справке, составленной начальником IV отдела ИНФО ОГПУ Соловьевым, указывалось, что на с.89, 98-134, 241-263 содержатся криминальные высказывания

о пролетарской идеологии, об отношении социализма к искусству, о материализме, вере и знании и др.

После ареста Лосева на него начались нападки в печати: в статье А. Сараджева «Против поповско-идеалистической реакции» (Правда. 14 мая 1930), М. Григорьева «Реакционная «диалектика». Эстетическая система Лосева» (Налитературном посту. 1930. № 20), в докладе Х. Гербера «Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева в Комакадемии 21 мая 1930» (Вестник Комакадемии. 1930. № 37-38).

Позже все антисоветские места ДМ специально выписал секретарь ИНФО Кучеров, представив их Л.М. Кагановичу, который 28 июня 1930 г. на четвертом утреннем заседании

XVI съезда ВКП(б) сделал «Организационный отчет Центрального Комитета». В нем в специальном разделе «Обострение классовой борьбы и организация политической активности масс» Каганович обрушился на ДМ Лосева. В частности, он сказал, что последняя книга этого «реакционера и черносотенца» под названием «Диалектика мифа», разрешенная к печати Главлитом, является «самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага». И далее, приведя несколько выдержек из ДМ, он назвал ее «контрреволюционным и мракобесным произведением» (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С.75). Эти обвинения поддержали некоторые делегаты, а Киришон добавил к ним еще и ярлык «монархиста». Отмечая, что цензор нашел в ДМ «оттенок философской мысли», он заявил: «А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке (Аплодисменты. Смех)» (Там же. С. 279).

Книга Лосева не увидела свет, ее уничтожили. На сегодня известны всего три сохранившихся экземпляра. Помимо двух вышеуказанных справок в ОГПУ следователем Марианной Герасимовой (кстати, екатеринбурженкой, сестрой будущего известного кинорежиссера Сергея Герасимова) был сделан обширный конспект из «Добавлений» Лосева к ДМ под грифом «Сов. секретно» для члена президиума и секретаря ЦКК ВКП(б) Е. Ярославского. Позже эти выписки, составленные явно тенденциозно, о чем говорят

Обложка первого, конфискованного издания

их рубрики – «Философия истории – поповский контрреволюционизм», «Против социализма и коммунизма», «Обоснование необходимости борьбы с соввластью», как некая «рукописная копия нелегальной брошюры проф. Лосева» попала в руки А.М. Горького, который готовил статью «О борьбе с природой». Статья была опубликована 12 декабря 1931 г. одновременно в «Правде» и «Известиях». В ней пролетарский писатель назвал Лосева «слепым», «малограмотным» профессором, опоздавшим умереть. Эту статью А.Ф. Лосев прочитал уже в лагере, где, отбыв 17 месяцев во внутренней тюрьме на Любянке (из них 4 месяца в одиночке) и получив 10 лет за контрреволюционную деятельность, трудился на лесоповале. Но и в лагере, потерявший здоровье, почти ослепший философ продолжал считать, что именно в ДМ и «Дополнениях» он смог наиболее полно раскрыть свой взгляд на миф, о чем и написал в вышеприведенном письме жене, находящейся в другом лагере.

После возвращения из лагеря мытарства Лосева не прекращались, как не прекращалась и его работа над проблемами мифа. Так был объявлен «вредным» уже сданный в набор огромный в 60 п.л. труд «Античная мифология. Собрание текстов, статьи и комментарии». Напечатан он был лишь в прошлом году. Первой статьей Лосева после долгого молчания была статья

«Олимпийская мифология», в 1957 г. вышла книга «Античная мифология в ее историческом развитии». Последующие исследования мифа велись Лосевым преимущественно в историко-философском аспекте. К примеру, в VI томе «Истории античной эстетики» говорится о совмещении диалектики и мифологии в неоплатонизме, много места теории мифа уделено им в книге «Проблема символа и реалистическое искусство» (1976), о связи символа и мифа он пишет в книге «Знак, символ, миф» (1982). А работы «Миф – развернутое имя», «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология» опубликованы уже после смерти Лосева в книге «Миф – число – сущность» (1994).

Все эти работы в той или иной мере реализуют идеи, заложенные в ДМ, названной одним из ярких «примеров служение долгу настоящего гражданина и настоящего ученого». Пожалуй, по смелости и точности суждений, по масштабности обобщений эту книгу можно поставить в России только рядом с работой В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», а отвага автора «Диалектики мифа» и его верность раз и навсегда принятому для себя идеалу (для А.Ф. Лосева это прежде всего христианский идеал) сближает его с автором «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицыным» (Троицкий В.П. // ДМ. С.510).

СТАРЫЕ И НОВЫЕ МИФЫ О ТЕЛЕ

В.В. Власова

Власова Елена Владимировна
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии
Уральской
государственно
медицинской академии

Существует великое множество мифов о том, как появился человек, что представляет собой человеческое тело и как оно функционирует. Не только в архаических культурах, но и в средневековом обществе люди пытались восполнить недостаток

научных знаний домыслами и мифами.

В современном мире популярны социальные мифы о теле. Так, например, создатели рекламы эксплуатируют сексуальность женского тела, но культивируют интеллектуальность мужского. Имиджмейкеры корректируют внешний облик и телесность своих подопечных, стремясь создать наиболее востребованный «продукт». Расисты и националисты обожают миф о неполноценности «цветных». Богословы и верующие врачи неутомимо доказывают гигиеническую полезность постов и обрезания, ссылаясь при этом на научные исследования. Но никто из них не задается вопросом, почему христиане и буддисты не делают обрезание, если это так полезно? В чем полезность женского обрезания? Почему пищевые ограничения и запреты отличаются у разных народов?

Миф – это не только донаучная и дофилософская форма познания мира. Это еще и специально созданный идеологический продукт, который

в современном обществе вполне может быть подкреплен научными изысканиями.

Что же роднит архаический и современный мифы? - То, что это формы стереотипного мышления. В условиях мультимедийного общества возможности для трансляции и внедрения мифов резко возрастают. Создатели массовой культуры неустанно занимаются созданием и распространением различных вариантов стереотипного сознания, которое и представляют собой новую мифологию, навязываемую через СМИ и Интернет. Потребитель «съедает» эту «пиарпродукцию» и круг замыкается. Все довольны: идеологи и популяризаторы – создатели мифов и потребители («пожиратели») мифов. Об этой манипулятивной форме деятельности уже много написано и сказано.

Поэтому хотелось бы немного подробнее остановиться на другой (по этимологии) форме мифа - базовой иллюзии. Базовые иллюзии не являются созданием идеологов, но и они имеют свои корни. Вы никогда не задумывались, почему в Ватикан нельзя зайти в блузке без рукавов? Для некоторых наших современников оголенный пупок – символ безнравственности. В XVIII веке дамы носили весьма декольтированные платья, но считали неприличным показать щиколотку или голень. Правовверные мусульманки вообще драпируются так, что превращаются в бесполой движущийся «черный ящик»... Все

это – практические выводы из базовой иллюзии многих народов о том, что нагота человеческого тела – это проявление безнравственности. Нетрудно проследить истоки этого мифа: он основан на христианской и мусульманской морали, а понятие «пуританство» стало уже нарицательным. Но если мы попытаемся заглянуть глубже, то увидим, что это заблуждение – лишь производное от еще более распространенной иллюзии о том, что духовное и, в частности, моральное, тождественно физическому. Этот миф, в отличие от предыдущего, разделяет гораздо большее количество людей. У многих народов считалось, что наличие у правителя какого-либо физического недостатка - либо беда для государства, либо знак избранности. Показательно в этом плане отношение к девственности. У разных народов оно очень сильно варьируется, но в сознании европейцев наличие у невесты девственной плевы

традиционно ассоциировалось с чистотой и невинностью. Не надо быть медиком, чтобы понять, что это заблуждение основано на недостаточном знании женской анатомии и разнообразии форм секса.

Миф о тождестве физического и духовного - лишь вариант еще более распространенной базовой иллюзии человечества, о том, что истина, добро и красота – тождественны! Идеал калокагатии, выдвинутый еще древними греками, оказался настолько мил человеческим умам и сердцам, что всякий, кто посягнет на него, вероятно, будет объявлен циником. Но, возможно, нам приятно обманываться и мы выдаем желаемое за действительное?

Давайте задумаемся, всегда ли красивые артисты самые талантливые? Могут ли некрасивые люди быть порядочными и добрыми? Всегда ли мошенники отвратительны на вид? Всегда ли здорово прекрасное тело? Всегда ли самые красивые еще и самые честные? И если часть из этих вопросов носит явно риторический характер и ответы на них очевидны, то на последних двух хотелось бы остановиться.

Каждому, кто знаком с культурной антропологией, ясно, что представления о красоте столь вариabельны у разных народов, что не могут быть сведены к общему знаменателю. Понятие «здоровье» тоже весьма относительно. Обладательницу «лотосовой стопы» - идеала женской красоты

в представлении китайцев – никак здоровой не назовешь.

Американские психологи установили, что в суде наибольшее доверие вызывают показания красивых людей. Но все рекорды доверия побили молодые блондинки с голубыми глазами, которые в сознании среднестатистического американского обывателя ассоциируются с наивностью и простодушием ребенка.

Современные мифы о теле человека могут быть созданы или использованы идеологами – мифотворцами преднамеренно, с целью манипуляции, но могут возникать и стихийно, под влиянием культурной традиции. А живучесть и распространенность мифов доказывают нам, что, несмотря на всю ученость современного человека, он, порой, «обманываться рад».

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК МИФ И ИДЕОЛОГЕМА

А.Г. Шабуров

**Шабуров Алексей
Геннадьевич**
студент факультета
политологии и
социологии УрГУ

Справедливость неразрывно связана с мифологическим сознанием. Человек на протяжении всей жизни сохраняет установку на справедливость и использует эту установку при оценке любых социальных и политических явлений. И эта установка носит по преимуществу мифологический характер. Она не конструируется рационально, а входит в сознание с детства, укореняясь с помощью архетипических представлений о том, какими должны быть отношения между людьми в обществе и политике. Идеал справедливости закладывается в человека социальной и культурной средой и является частью широкого набора установок, мифов и стереотипов, присущих социальному сознанию данного общества.

Не будучи рационально сконструированной, установка на справедливость действует, как правило, нерациональными механизмами. Даже Джон Ролз, создатель, казалось бы, сугубо научной теории справедливости, указывал на необходимость учета наших интуитивных представлений при формулировке концепций справедливости.¹ Действительно, оценивая те или иные отношения либо явления на предмет их соответствия критерию справедливости, мы редко обращаемся к рациональным теоретическим конструкциям. В этом случае начинает действовать мифологическое сознание. Мы опираемся на миф о справедливости, заложенный в нас с детства. Сама по своей сути установка на справедливость, а не только конкретные её выражения, является отображением мифа. Мы убеждены, что общество должно быть справедливым, и стараемся направить свою созидательную деятельность на реализацию данной установки. Однако рациональный анализ может показать, что общество не может быть справедливым никогда, уже, хотя бы, потому, что за всю свою историю человечество так и не выработало единых критериев справедливости. Не

существует ни одной бесспорно принятой теории справедливости, а, тем более, не может быть и речи о каких-либо заведомо успешных практических путях реализации справедливого идеала.

Всё это не означает, что мифологическая установка на справедливость является чем-то ложным и должна быть искоренена. Наоборот, она играет ключевую роль в общественном и политическом развитии, поскольку обеспечивает наше стремление к созидательной социально-политической деятельности. Руководствуясь данной мифологической установкой и трезво оценивая любое существующее общество как не вполне справедливое, человек так или иначе стремится воплотить свой идеал справедливости на практике, и это стремление становится одной из составляющих общественного развития. В данном случае миф выполняет свою позитивную созидательную функцию. Впрочем, деятельность по реализации справедливости может носить и деструктивный характер – в том случае, если сложившиеся в обществе связи и структуры резко противоречат нашей установке на справедливость и их частичное конструктивное изменение не способно преодолеть это противоречие; недаром, справедливость является одним из основных лозунгов и провозглашаемых мотивов почти всех революций.

Миф справедливости, как и многие другие политические мифы, носит разграничивающий характер.² Справедливость дуалистична: она не может существовать без несправедливости. Два этих понятия взаимно определяют друг друга, причем, одно из них носит заведомо позитивный, а другое – заведомо негативный характер. Дихотомия “справедливое – несправедливое” может коррелироваться с другой мифологической дихотомией: “свой – чужой”. Справедливое, как правило, превращается для нас в свое, несправедливое – в чужое. Если политический строй, в котором живет человек, начинает казаться ему несправедливым, этот человек в конечном счете перестанет идентифицировать себя с этим строем, и тот в итоге становится для него чужим и нежелательным. Стоит отметить, что это происходит не всякий раз, когда общество и государство кажутся нам несправедливыми, но когда эта несправедливость начинает носить в нашем представлении абсолютный характер.

Каковы в таком случае задачи государства и политической системы? Будучи ориентированными на сохранение стабильности и на дальнейшее свое воспроизводство, государство и политическая система должны стремиться:

а) соответствовать имеющейся в общественном сознании мифологической установке на справедливость;

б) убедить общество в том, что оно движется в направлении этого соответствия;

в) оказать влияние на формирование установки на справедливость, заложив в неё выгодные для себя параметры (очевидно, что эта задача является наиболее сложной и долговременной).

Первая из этих задач может быть реализована исключительно политическими методами, в то время, как последние две являются по преимуществу идеологическими задачами. Справедливость не только входит в наше сознание через мифологию, она, к тому же, укореняется там с помощью идеологии, которая, с одной стороны, эксплуатирует нашу установку на справедливость, а, с другой стороны, наполняет её конкретными политическими и социальными смыслами. Любое идеологическое течение или направление вращается вокруг понятия справедливости, предлагая обществу свою интерпретацию, провозглашаемую как единственно верную.

Справедливость занимает особое место в идеологическом символическом пространстве. Пользуясь терминологией Славоя Жижека, концепцию справедливости можно назвать важнейшей «узловой точкой» идеологической борьбы.³ Любая идеология должна исходить из того, что справедливость, во-первых, возможна, а во-вторых, достижима с помощью человеческих усилий. В этих двух положениях содержится основной мобилизационный потенциал идеологии. Приступая к конструированию идеологии, идеолог должен встроить в свой идеологический дискурс концепцию справедливости таким образом, чтобы она, с одной стороны, отражала присущий общественному сознанию миф, а, с другой стороны, позиционировалась по отношению к другим идеологиям как наиболее эффективный путь достижения справедливого идеала.

Идеология, таким образом, всегда лишь реинтерпретирует справедливость, и идеологическое сознание в этом случае представляется надстройкой над мифологическим. Справедливость приобретает новые смысловые нагрузки и выходит за границы мифа. Становясь идеологемой, справедливость оказывается привязанной к многочисленным сопутствующим идеям, концепциям и программам, выступая в качестве их обоснования – и чем крепче эта «привязка», тем эффективнее и действеннее будет идеологический дискурс. Однако судьба

справедливости как идеологемы двояка: неизменно присутствуя в любой идеологии, она растворяется в её символическом аппарате, выступая лишь в качестве необходимого обоснования других концепций, выходящих на первый план. Так, в либерализме на первый план выходит свобода, в социализме – равенство, в консерватизме – традиция,

в нацизме – расовое превосходство и т.д. Каждая из этих ключевых идей постулируется с помощью апелляции к справедливости, реинтерпретированной идеологическим образом.

В итоге справедливость становится симуляком, или «эффектом истины, прячущим только то, что никакой скрытой истины не существует».⁴ Значение приобретает уже не сама справедливость, а процесс её реинтерпретации, напрямую зависящий от конкретных условий, целей, а также устоявшейся политической мифологии. Борьба за справедливость, декларируемая политиками и идеологами в качестве своей главной задачи, по сути является борьбой за право монопольного использования симулякра справедливости с целью реализации собственных политических интересов. Впрочем, в этом сложно кого-либо упрекнуть, поскольку речь идет лишь об определенном

использовании политического мифа и выстраивании на его основе дальнейшей мифологии и идеологии.

Идея справедливости будет присутствовать в политике до тех пор, пока в общественном сознании будет сохраняться миф справедливости. Однако нет никаких оснований говорить о том, что этот миф может быть успешно преодолен или опровергнут. Он неизменно присутствует там, где есть совместная деятельность людей, а также распределение результатов этой деятельности, образующие в итоге социальную систему. И если эта система функционирует, то идея справедливости возникает сама собой, отражая нашу исходную потребность в критериях оценки как системы в целом, так и своего места в ней.

1. Ролз Дж. Теория справедливости – Новосибирск, 1995, с. 20

2. Следзевский И.В. Мифологема границы: её происхождение и современные политические проявления // Современная политическая мифология – М., 1996, с. 52

3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии, с. 94.

4. Бодрийяр Ж. Соблазн – М., 2000, с. 80.

ИНСТИТУТ ТУЛКУ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ КИТАЯ

Руденко Виктор Николаевич
доктор юридических наук,
директор Института философии и права
УрОРАН
E-mail:
rudenko@instlaw.uran.ru

Как известно, одним из основных положений буддизма является постулат о реинкарнации (перевоплощении) всех живых существ. В тибетском буддизме данная идея получила свое развитие в понятии тулку (тиб. sprul sku). Тулку признаются намеренные перерождения в людях авторитетных духовных лидеров, достигших просветления. Понятие тулку тесно связано с религиозными представлениями о буддах и бодхисатвах (существах, стремящихся стать буддами), которые, достигнув состояния нирваны, предпочитают оказывать помощь в обретении спасения другим людям. В основе этой связи лежит, с одной стороны, учение о трикае – трех способах бытия будды, и, в частности, одном из них – нирманакае – феноменальном телесном существовании, проявляющемся в обыденном мире. С другой стороны, представление о бодхисатвах, согласно которому они, достигнув просветления, не становятся буддами, а добровольно остаются в сансаре – бесконечном круге перерождений.

Эти положения признаются многими сектами (школами) тибетского буддизма и является его отличительной чертой. Впервые теорию перевоплощения увязали с идеей перерождения в среде сторонников секты кармапа (секты черношапочников). Позже положение о перерождении было воспринято сектой гелугпа (сектой желтошапочников), исповедующей учение Цзонхапы (1357-1419).¹ Начиная с XV столетия, гелугпа завоевывала своих сторонников в Тибете и в Монголии, став доминирующей сектой тибетского буддизма.

С развитием понятия тулку сформировалась совокупность правил, по которым осуществлялось обнаружение тулку и обеспечивалось осуществление их духовной миссии. Эти правила были основаны на «обычае предсказания» и в целом сводились к

следующему.

1. Умиравший оставлял записку или сообщал на смертном одре о предполагаемом месте своего перерождения, а иногда и о своих будущих родителях.

2. По истечении 49 дней после смерти духовного лидера в Тибете начинались поиски его перерождения, которые могли продолжаться от нескольких дней до нескольких лет. Поиски производила поисковая группа в составе лам-перерожденцев из известных монастырей.²

3. В ходе поисков осуществлялся сбор информации о мальчиках, родившихся после смерти духовного лица, производились гадания, произносились молитвы, изучались пророчества и сны авторитетных лам, осмысливалась мистическая символика позы усопшего, проводилось наблюдение за водной гладью священных озер. На основании собранной информации определялось время и место рождения тулку.

4. Поисковая группа выявляла одного или нескольких кандидатов. Обычно это были мальчики с большими мочками ушей и крупной головой. Мальчики подвергались испытанию: считалось, что перерожденцы могут вспомнить эпизоды или некоторые предметы из своей прошлой жизни, поэтому им давали множество предметов, среди которых помещалась невзрачная вещь, некогда принадлежавшая умершему. Выбор вещи ребенком служил весомым аргументом в пользу обнаружения тулку.

5. По обнаружении тулку торжественно производилось его официальное признание вплоть до возведения на трон (если это был высший духовный лидер).

6. В связи с малолетством выявленных перерожденцев до их совершеннолетия практиковалась система регентства. Сам тулку проходил обучение у своих учителей-лам.

К концу XVIII века в систему реинкарнации в Тибете входили: 1) лица высшего ранга, к которым относились только далай-ламы, являвшиеся теократическими правителями и считавшиеся перерождениями бодхисатвы Авалокитешвары, и панчен-ламы, традиционно являвшиеся учителями, наставниками далай-лам и считавшиеся перерождениями будды Амитабхи; 2) настоятели четырех важнейших монастырей в Лхасе, из числа которых назначали регентов при несовершеннолетних далай-ламах; 3) настоятели крупных монастырей, владельцы больших имений в количестве 50-60 человек; 4) один или два

перерожденца низшего ранга от каждого монастыря.³ В Монголии в систему реинкарнации включались так называемые хубилганы (монг. «возрождаться», «превращаться»): 1) высшие хубилганы – хутухты (титул, присваиваемый духовным лидерам) и гегэны (титул, присваиваемый гражданским лидерам), среди которых главными были джебзун-дамба-хутухта (титул, по своему значению сопоставимый с тибетским далай-ламой) и богдо-гегэн (иногда оба этих титула объединялись); 2) низшие хубилганы из числа менее знаменитых лам.⁴

Институт тулку имел большое значение. С его помощью был выработан особый механизм передачи власти буддистских лидеров в противовес выборам, назначениям и всем иным известным способам замещения публичных должностей. Он позволял решать проблемы наследования монастырского имущества и вопросы преемственности в организационном, а также духовным руководством отдельных буддистских монастырях и в государстве в условиях теократии и целебата.⁵

Уже в XV – XVI столетиях становится очевидным, что контроль над этим институтом означает контроль над самим тибетским государством. Эту истину хорошо понимали китайские императоры, стремившиеся к укреплению своего влияния в Тибете. Поэтому институт тулку вводится в систему выработанных к тому времени мифологем, по которым неханьские народы воспринимались как варвары, нуждающиеся в покровительстве Поднебесной. В период династии Мин китайские императоры и находившиеся в вассальной зависимости от них монгольские ханы начинают присваивать видным тибетским перерожденцам титулы далай-лам (от монг. «лама – море») и панчен лам (от тиб. «панчен» – большой ученый). Китайские императоры вручают перерожденцам высочайшие грамоты с золотой печатью. Это фактически означало не только признание, но и утверждение перерожденцев, придание им высокого государственно-правового статуса и расценивалось китайскими правящими кругами как эффективный инструмент политики по установлению своего владычества в Тибете. Аналогичная политика проводилась китайскими властями и по отношению к Монголии. Уже с конца XVII столетия они рассматривают хутухт как представителей местной администрации, которые обязаны быть представлены императорам на утверждение.⁶

Особое значение институту тулку китайские власти придают с конца XVIII столетия, когда Монголия уже

давно входит в состав цинской империи, а Тибет попадает в вассальную зависимость от Китая. В это время вопросы, связанные с обнаружением и официальным признанием тулку, включаются в сферу законодательного регулирования. В системе правовых актов наибольший интерес в данном случае представляет указ цинского императора Цзянлуна (1793 год), известный как «Высочайше утвержденный устав по приведению

в порядок дел в Тибете», а также акты Палаты внешних сношений (Лифаньюань). Согласно данным документам институт тулку в целом стал выглядеть следующим образом.⁷

1. Поиски тулку осуществлялись на основе обычая предсказаний, но центральным звеном поиска являлась жеребьевка кандидатов из золотой урны, которая производилась в заранее выбранный благоприятный день перед статуей Шакья-Муни. Жеребьевка должна была проводиться эрудированным ламой с неперменным участием и под контролем китайского наместника амбаня. Для проведения жеребьевки

императором Цзянлуном в дар Лхасскому монастырю Джоканг была передана золотая урна (сэрбум). Аналогичный механизм отыскания высших хубилганов был предусмотрен и для Монголии. Для избрания высших монгольских хубилганов Пекинскому монастырю Юнхэгун была пожалована вторая золотая урна.

2. Допускалось выявление тулку без жеребьевки, но с разрешения китайских властей под контролем амбаня и с последующим утверждением китайским императором.

3. Вводился запрет на обнаружение тулку в семьях знатных семей и родственников далай-ламы, панчен-эрдэни, в семьях монгольских ханов и др.

4. Запрещалось перерождение незначительных тулку (хубилганов).

5. Разрешалось искать перерожденцев джебзун-дамба-хутухты только в Тибете, других хубилганов – в Монголии.

6. Выявленный тулку подлежал утверждению китайским императором с выдачей высочайшей грамоты и золотой печати.

7. Устанавливался строгий учет перерожденцев. Неучтенные перерожденцы таковыми не считались.

Таким образом, дело выбора тулку и их официального признания возводилось в ранг государственной политики. При этом китайские императоры считали вполне допустимым вмешательство в законы кармы.

Система реинкарнации, предусмотренная актами цинского законодательства конца XVIII века, в неизменном виде просуществовала вплоть до падения цинской династии в 1911 году. К началу XX века по статистическим сведениям Лифаньюань в соответствии с установленными правилами в священные саны тибетского буддизма было возведено около 70 перерожденцев. В порядке жеребьевки из золотой урны были определены 39 важнейших титулов тулку, включая далай-лам X, XI, XII, а также панчен-лам VIII и IX, ряда ургинских хутухт.⁸

С падением цинской империи ее законодательство было отменено. Внешняя Монголия и Тибет провозгласили независимость. Но, китайское руководство сохранило свой контроль над Тибетом. Институт тулку оказался одним из важных рычагов этого контроля. Согласно традиции предсказания с согласия китайских властей в 1937 году было осуществлено обнаружение Далай-ламы XIV.

Коммунистическое руководство Китая также было вынуждено признать институт тулку. Вопрос стал чрезвычайно актуальным после смерти в конце прошлого века высших духовных иерархов тибетского буддизма – Кармапы XVI (глава секты карма-кагью, умер в 1981 году) и Панчена-эрдэни X (умер в 1989 году).

В апреле 1992 года Управление по делам религии Госсовета КНР официально подтвердило факт обнаружения нового «ламы в черной короне» Кармапы XVII. Это было первым в истории признанием тулку со стороны коммунистов, призванное продемонстрировать лояльное их отношение к тибетскому буддизму. После смерти в 1989 году Панчена-эрдэни X китайским руководством были предприняты шаги к возрождению института жеребьевки из золотой урны. Согласно совместному постановлению ЦК КПК и Госсовета КНР от 30 января 1989 года «О проведении похорон и вопросе о перевоплощении Панчена X», была создана поисковая группа с целью отыскания перерожденца. Эта группа в течение нескольких лет обследовала 46 уездов в пяти провинциях Тибета. Были также произведены гадания и ворожба, наблюдение за священными озерами ... и, наконец, отобраны три кандидата. 25 ноября 1995 года в присутствии уполномоченного госсовета КНР в храме Джоканг в Лхасе перед образом Шакья-Муни была произведена жеребьевка. По итогам

жеребьевки высшим руководством страны был признан Панчен-эрдэни XI.

Признание китайскими властями института тулку означает не что иное, как следование устоявшимся мифологическим представлениям о неханьских народах и попытку окончательного решения тибетского вопроса путем установления полного контроля над лидерами тибетского буддизма. Центральной здесь является проблема будущей реинкарнации ныне живущего в изгнании Далай-ламы XIV. Очевидно, что предпринятые китайскими коммунистами шаги – подготовительные мероприятия к великому возвращению далай-ламы в Страну Снегов. Реализация этих замыслов может иметь и другие последствия. При росте экономической мощи Китая прогнозируемо усиление его позиций в сопредельной Монголии. В перспективе нельзя исключить попытку китайских властей установить свой контроль над реинкарнацией высших монгольских хубилганов с помощью того же института жеребьевки из золотой урны. По мере развития плюрализма и возрождения буддийской традиции в Монголии не исключено восстановление института перерожденцев в этой стране⁹, а по «традиции» высших хубилганов должно утверждать руководство Китая. Пока же поддерживаемый Далай-ламой XIV Богдо-гегэн Джебзун-дамба-хутухта IX не признан ни китайским, ни монгольским руководством. О его обнаружении в 1991 году объявил Далай-лама XIV, в настоящее время он проживает в Дхарамсале (Индия).

В политической мифологии древнего и современного Китая институт тулку использовался и используется для обоснования великоханьской национальной политики. Поэтому сегодня он оказался востребованным в совершенно изменившихся исторических условиях. В силу этого обстоятельства институт тулку придает определенную парадоксальность политической идеологии современной КНР: в ней одновременно признаются положения, фундаментированные на рационализме и иррационализме, на атеизме и религиозном мистицизме.

1. Согласно тибетским рукописям первые 37 перерожденцев появились в Индии то царями-покровителями религии, то учеными-просветителями. Впервые в Тибете появился 38 перерожденец – хан Няти-цзаньбо, живший в III веке до н.э. Первым перерожденцем, приверженцем учения Цзонхапы считается Далай-лама I Ген-дунь-дуб (1391-1474).

См.: Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды: В 2-х т. Т. 1. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1981. С. 141.

2. Подробные описания процедуры поиска см. Давид Неэль А. Мистики и маги Тибета. М.: Дягилев центр, 1991.

3. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.: Главн. ред. вост. лит. Изд-ва «Наука», 1975. С. 191.

4. О монгольских хубилганах см.: Поздеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего к народу. Элиста: Калм. Кн. изд-во, 1993. С. 233-275.

5. Торчинов Е. Введение в буддизм. Курс лекций. СПб.: Амфора, ТИД «Амфора», 2005. С. 242.

6. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 66.

7. См.: Свидетельствуют исторические факты и архивы. Архив Тибетского автономного района // <http://www.chinaembassy.ru/rus/ztbd/xzzt/bczs/t69958/htm>; Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. С. 65-70.

8. См.: Религия и свобода совести в Китае // http://www.chinadata.ru/press_religio.htm; Го Синь. Панчен-лама: реинкарнация // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/xzzt/bczs/t69963.htm>

9. О религиозной ситуации в современной Монголии см.: Бабилов Р. Старый и новый буддизм современной Монголии. Древняя страна возвращается к традиционной религии // http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=print_media&id=2912

ДИСКУРСЫ МИФА И ДИСКУРСЫ ЛОГОСА

Г.В. Гриценко

Гриценко Василий Петрович
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Краснодарского государственного университета культуры и искусств
E-mail: grbasile@yandex.ru

Линейная логика является логикой развёрнутого дискурса. В ней доминируют способы и средства выводного знания. А если мы обратимся к логике мифомышления (первобытного, древнего и современного), то в ней вряд ли обнаружим построения по образу и подобию теорем евклидовой геометрии или доказывания в современном судебном заседании. Логика мифомышления базируется на иных способах кодирования опыта.

Как утверждают многие современные исследователи, логика мифомышления является во многом номинационной - логикой именования и переименования объектов. Сам же способ мышления путём именования и переименования объектов работал как часть другого механизма - механизма генеалогической связи, механизма генетического порождения.

Генеалогический принцип имеет космологический характер, так как в мифе признаётся, что мир в целом, Земля рождаются от живого существа, из яйца и пр. Согласно Ведам Вселенная возникла из тела первозданного человека Пуруши, которого Боги в начале Мира принесли в жертву. Строительная

жертва, используемая в славянской традиции, является результатом аналогичного воззрения: если мир возник из священной первожертвы, то дом, как мир семьи, для того, чтобы быть благополучным, тоже должен строиться в соответствии с законами мироздания, на основе жертвы.¹

Генеалогический принцип в архаическом мышлении является основой ориентации в мире и способом сделать неизвестное известным. У Леви-Стросса мы находим показательные в этом отношении примеры. Принцип генетического родства, генеалогическое древо являлись способом упорядочивания материала в памяти и стратегемой мышления. Был ли этот принцип главным, основным, единственным? Наверное, нет! Но он был существенным как мнемотехнический приём, значительно повышающий объём запоминаемого.

Что же представляет собой мифомышление? Мифологическое мышление организовано не по принципу выводного, логико-силлогистического мышления, а по принципу уподобления. Результаты этого до сих пор хранятся в предметах традиционной культуры. Жилище, традиционный женский наряд также формально находятся в отношении подобия со Вселенной. Так скроен традиционный наряд русской девушки: головной убор - кокошник берет свое название от имени кокоша (ко-ко), что значит курица, и как всякая птица символизирует верх (небо). Волнистые узоры, узоры в виде зигзага обозначают небесные воды. Прямоугольники, ромбы символизируют возделанные земли, пашню. Ниспадающие сверху вниз ленты, - рясны, - есть подобие небесных живительных вод, ниспадающих вместе с дождями: небесные хляби, дающие плодородие. В целом, женский костюм представляет не что иное, как предметно-символическое воплощение Мирового дерева и мировоззренческое подражание Вселенной. Такой изоморфизм должен

означать высшую степень благополучия для носителя наряда.

Изоморфизм мог простирается до установления отношений подобия между отдельными планетами, минералами, растениями, социальными функциями и частями человеческого тела. Отождествление изоморфных единиц происходило не на уровне самих объектов, а на уровне имён. Мифологическое отождествление предполагало трансформацию объекта, которая происходит в конкретном пространстве и времени.

В отличие от мифомышления, дискретно-логический дискурс производит сопоставление понятий в некоей идеальной области вне времени и пространства. Он как бы рассматривает предмет «сам по себе», «объективно». Идея изоморфизма является актуальной в обоих случаях, но в случае логического мышления она достигается относительной свободой в манипуляции исходными единицами.

Загадка знакового содержания мифологического кода во многом уходит в систему обозначения, характерную для общества с мифологическим сознанием. Система референции мифа опирается на язык собственных имён и устанавливает отношение между смыслами путём аналогий и эквивалентностей. Связь знака и значения для первобытного сознания иная, нежели для современного человека. Она имеет более непосредственный характер, чем в современном обществе, поэтому основным элементом знаковой реальности в мифе является имя. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский высказали предположение, что тип семиозиса, характерный для мифа - это номинация. Знак в мифе аналогичен собственному имени. Номинационный характер мифологического семиозиса подтверждается мифологическими сюжетами. Они полагают, что мифологическое сознание имеет характер замкнутого на самого себя образования и принципиально непереводамо в план иного описания. Последнее обстоятельство обусловлено фактом непереводамости собственных имён, вследствие чего миф может быть постигнут только изнутри, а не извне. И, в то же время, носители современного сознания способны постигнуть

миф, что достигается благодаря гетерогенности мышления современного человека, «которое сохраняет в себе определённые пласты, изоморфные мифологическому языку».²

Таким образом, в определенной мере можно считать, что культура, основанная на мифологическом социокоде, в семиотическом плане ориентирована на собственные имена. Поскольку знаковое сознание аккумулирует в себе социальные отношения, борьба с теми или иными формами социального зла в истории культуры часто выливается в отрицание отдельных знаковых систем.³ В естественном языке изменения идут путём постепенных семантических сдвигов, а в «языке собственных имён» - путём переименования.⁴

Логично предполагать, что мифологические имена, как первоимена, имели иной характер, чем современные имена. Некоторые исследователи даже утверждают, что первые имена были в то же время метафорами. Категорическую формулировку этого положения мы можем встретить у А.И.Пигалева.⁵

Метафора по своей внутренней природе двупланова. Это, в частности, означает, что метафора позволяет переносить признаки социума на природу и обратно. Она выполняет функцию аналогии в процессе познания, являясь сравнением.

Существует величайшее постромантическое и постпросвещенческое заблуждение воспринимать имена первобытных и древних мифологических божеств и героев как красивую выдумку. Однако можно предполагать, что это совсем не так. Мифологические первоимена могли играть сугубо практическую роль и выполняли функцию технокода.

1. Почему сейчас форму такой жертвы приняла Бутылка (водки, шампанского) – этот вопрос требует отдельного диссертационного исследования.

2. Там же. - С. 293.

3. Там же. - С. 295 - 296.

4. Многие наши отцы и деды верили, что если они переименуют Петроград в Ленинград, Екатеринбург в Свердловск, а Екатеринодар – в Краснодар и т.д.

5. Пигалев А.И. Культурология. - Волгоград, 1998. - С.52.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННОГО МИФА

Коркунова Ольга Владимировна
доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Уральского государственного университета путей сообщения

Первая реакция на современный миф возникает с позиций традиционализма: миф возвращает к архаике, примитивизму, тормозит прогресс человечества. Но, если выйти за внешнее описание и углубиться в социокультурный контекст существования современного мифа, то мы увидим, что все гораздо сложнее и многозначнее.

Миф давно стал притягательным объектом исследования для специалистов разных наук. Он исследуется и как тип мировоззрения, и как памятник культуры, и как феномен становления психики человека, его мышления. Если мы проведем параллель между сущностными чертами древнего мифа и реалиями существования современного мифа, то выявим моменты, помогающие понять глубинные основы бытия современного мифа.

Древние мифы содержат первоначальные представления о бытии человека в мире. Они рассказывают о происхождении мира и человека. В этом описании доминирует одна идея – идея перехода от хаоса, беспорядка к порядку. Все космогонические мифы содержат одну и ту же модель происхождения мира. В начале был хаос, беспорядок. Распространенными и типичными образами первоначального хаоса являются тьма, ночь, бесформенность, беспредельность, бездна.

На смену ему приходит порядок, символом которого является Космос. Свет, день, форма, придающая вещам конечность и определенность существования, – это наиболее распространенные образы космического порядка. Адаптируясь к порядку Космоса, человек формировал порядок социальной жизни и упорядочивал, структурировал хаотичный поток своего чувственного опыта. Общество и культура стали новой формой выражения действующих природных сил.

Характерной чертой древних мифов все исследователи считают их антропоморфный характер. Многие ученые (Г. и Г. А. Франкфорты, Э. Нойман) видят его в том, что создание мира описывается по аналогии с рождением человека. «Мы продвигаемся на шаг вперед, если создание мира мыслится уже не чисто фантастически, а по аналогии с условиями человеческой жизни. Тогда создание мира предстает как рождение; простейшей формой его является постулирование первобытной пары в качестве родителей всего сущего. ... Следующий шаг, на этот раз, ведущий нас в сторону спекулятивной мысли, – представление о сотворении мира как о действии одного из родителей».¹

Современный миф есть дитя массовой культурой и массмедиа. От массовой культуры он унаследовал ориентацию на удовлетворение элементарных интересов «массового» человека. В этом смысле ему вполне можно приписать примитивизм. Но, нам представляется, что в современной массовой культуре миф приобрел несколько иную форму – натурализм. Это ярко выражено в реалити-шоу, в пропаганде сексуальности, в особенностях молодежной моды и т. д. Натурализм всегда утверждает культ природы. В современных вариантах – это культ природы человека, его повседневной, обыденной жизни. Если

взглянуть на данный феномен не только с точки зрения падения нравов и кризиса духовности, а с позиций динамики жизни, то можно увидеть его сущность, и попытаться ответить на вопрос, почему так происходит.

Социокультурная динамика в рамках одной эпохи всегда обеспечивает преемственность поколений. Идеалы, образцы, ценности отцов наследуются их детьми. В русской культуре это очень точно выразил А. С. Пушкин, написав об О. Лариной: «Она повторит свою мать с небольшими изменениями, которых требует время». В советской культуре то же самое выразил М. Хуциев в знаковом для 60-х годов фильме «Застава Ильича». Но, когда на смену одной эпохе идет другая, связь времен и преемственность поколений распадается. Новая эпоха с новой цивилизацией, с новыми технологиями, новым образом жизни делает неустойчивыми идеалы и систему ценностей родителей.

Так произошло и у нас в стране: 1985 г. (начало перестройки) и 1991 г. (старт экономических реформ) - стали пропастью, разделившей молодежь и старшее поколение. Суть этого феномена в следующем. Все, кто родились и росли после 1985 г., имеют жизненный опыт, совершенно несоотносимый с жизненным опытом старших поколений. Раньше молодежь вступала в жизнь, проходила социализацию, опираясь на опыт предыдущих поколений. Теперь она начинает процесс социализации с «чистого листа». Мир изменился настолько, что к нему надо адаптироваться заново. В такие исторические моменты человек обращается к своим истокам, первоначалам. А они зафиксированы и сохраняются в мифах.

Современный миф через натурализм возвращает человека к его первоначалам. Но он не просто предлагает человеку опираться на свою природу. Миф всегда создает образ героя – того, кто утвердил себя в мире вопреки всем обстоятельствам и препятствиям. Современный миф создает образ современного героя для молодежи, весь героизм которого состоит в том, что он не побоялся выставить на всеобщее обозрение свою натуру или натурализм своей жизни. Информационные технологии в лице массмедиа делают доступным путь к этой цели. Караоке, фабрика звезд, реклама, различные конкурсы, игры и т. п. вооружают человека готовой технологией, остается только отважиться попробовать. И проходя через это сито, молодой человек получает опыт социализации.

Теперь зададим вопросом: Благо или зло творит современный миф?

Ответ можно получить, исследуя жизнь звезд «за кадром». Анализ показывает, что звезды, как правило, реализуют три основных жизненных сценария. Первый, когда звезда, загоровшись, быстро сходит с небосклона. Забвение становится тяжелым испытанием, в ходе которого человек часто оказывается «потерянным», сломленным. Те же, кому удастся справиться с этим испытанием, долго не сходят с небосклона, светя ярко. Но, как правило,

в своем процессе самоутверждения они выходят за рамки современного мифа и реализуют второй сценарий, проходя путь от звезды до героя. Этот жизненный сценарий показывает нам, что в процессе самореализации человек преодолевает пространство современного мифа, который оказывается лишь внешним, феноменальным срезом жизни, тогда как глубинную сущностную основу жизни выражает традиционный миф.

Многие звезды выбирают третий сценарий, прилагая большие усилия, чтобы сохранить статус звезды. Соответственно линия жизни выстраивается так, чтобы были в наличии все атрибуты звездного существования.² Особую роль в этом процессе играют символы, обеспечивающие запоминание и узнаваемость звезды. Одновременно символы выполняют функцию самоидентификации публики со звездой и объединения поклонников звезды в особую социальную группу.

Символ характерен и для древних мифов. В них он выполнял функцию выражения знания как результата процесса осмысления и познания мира. Важно и то, что мысль в мифе лишена анализа. Она строится на ассоциациях. Вследствие этого она не схватывает различий. Вот почему в мифологическом мышлении не осознается различие субъекта и объекта, реального и видимого. Вместе с тем, символы позволяли соблюдать ритуалы как образцовую модель действий. Благодаря этому человек получал образец для подражания, который становился его способом существования в мире. Посредством него он утверждал себя в мире, чувствуя себя соучастником творческого процесса мира, и придавал своим действиям социальный (в то время – вселенский) масштаб.

Современный миф, конструируемый средствами массмедиа, берет на вооружение все эти черты традиционного мифа, но придает им другое значение. В символе им используется прежде всего его знаковая сторона. Он указывает на принадлежность к определенному объединению, выступая формой идентификации. Отсюда - появление термина «звездиться».

Итак, можно заключить, что современный миф есть продукт массовой культуры информационного общества. Он берет на себя функцию социализации молодого поколения на феноменологическом уровне бытия в условиях новой эпохи с кардинально новыми реалиями жизни.

1. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. СПб., 2001.

2. Русякова О.Ф., Спасский А.Е. Искусство «звезд» политического маркетинга. Екатеринбург, 2004.

МИФ О ВЕЛИЧИИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА В РАМКАХ СОВЕТСКОЙ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ: «ОГАС» АКАДЕМИКА ГЛУШКОВА

А.Д. Трахтенберг

**Трахтенберг Анна
Давидовна**
кандидат политических
наук, ведущий научный
сотрудник
института философии и
права УрОРАН

«Колоссально! - воскликнул
горбоносый. - Программист!
Нам нужен именно программист.
Слушайте, бросайте ваш институт,
и пошли к нам!»...
«А чем вы занимаетесь?» - спросил я.
«Как и вся наука, - сказал горбоносый.
- Счастьем человеческим».

А. Стругацкий, Б. Стругацкий
«Понедельник начинается в субботу», 1964 год¹

«Миф о Величии электричества» представляет собой комплекс дискурсивных практик, регулирующих пространство утопических ожиданий, связанных с появлением новых коммуникационных технологий.² Он находится в сфере метаполитики речи, задавая совокупность неявных и неартикулируемых критериев, которые придают той или иной технологии символический смысл и включают ее в культурный порядок.

Миф рождается в США в середине XIX века вместе с появлением электрического телеграфа и представляет собой очередное обоснование возможности альтернативной социальности. Электричество, таинственная и непостижимая сила природы, покоренная человеком, рассматривается не просто как техническое средство, с помощью которого можно преодолеть пространство и время, но как активное действующее начало, способное преобразовать иерархическое, атомизированное общество в сообщество равных субъектов, связанных не выгодой, а общими интересами. Миф о Величии электричества придает средствам электронной коммуникации одновременно трансцендентное значение и онтологический статус, причем таким образом, что «их социальные

следствия и риторическое значение исчезают из поля анализа, только для того, чтобы вновь появиться в мистифицированной форме латентной логики развития самой технологии».³

Уже внедрение телеграфа в повседневную жизнь породило буквально взрыв мифологической риторики. Начало ей положил сам «американский Леонардо» С.Морзе. В 1838 году, пытаясь убедить Конгресс США выделить средства на свою работу, С.Морзе сформулировал классическую метафору «электронного соседского сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая М. МакЛюэна и А. Тоффлера. Телеграф как универсальное средство коммуникации одновременно знаменовал торжество над пространством и временем, победу духа над материей и приобщение человека к божественной власти и всемогуществу.

В дальнейшем в пространство этих утопических ожиданий оказывалась втянутым всякое новое изобретение в сфере электронных средств коммуникации. Естественно, по мере того, как эти средства усваивались повседневностью и растворялись в ней, они выпадали из фокуса общественного внимания, а потом вообще переставали тематизироваться. Однако это не означает, что надежды с помощью «Величия Электричества» превратить современное общество в универсальное сообщество также отмирали - миф о Величии электричества просто находил себе новый объект.

При этом он каждый раз определенным образом видоизменялся. Дж. Скоунс, проанализировав развитие этого мифа с момента изобретения телеграфа, показал, что каждое новое средство коммуникации порождало свою версию этого мифа,⁴ однако общая «мета-политика речи» об этих средствах коммуникации оказывалась весьма схожей. Рассуждения современных пророков электронной революции о виртуальной реальности и Интернете как зоне абсолютной свободы также вполне укладываются в логику этого мифа.⁵

Однако миф о Величии электричества, как и подобает комплексу дискурсивных практик, не только формировал пространство утопических ожиданий: он направлял развитие той самой технологии, латентную логику которой как будто бы стремился выразить. Так, Интернет не просто воплощает мечту об альтернативной социальности: он во многом родился в утопическом пространстве этой мечты.

Символический смысл Интернета задается

поисками альтернативной социальности и артикулируется в рамках мифа о Величии электричества. Можно предположить, что если соответствующая технология окажется в пространстве иной утопии, регулируемой иной метаполитикой речи, ее символический смысл и утилитарные приложения также окажутся радикально иными. Данный тезис можно проиллюстрировать историей создания (точнее, не-создания) в СССР Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для нужд учета, планирования и управления (ОГАС).

В современной литературе едва ли не общим местом стал тезис о том, что инициатор разработки ОГАС академик В.М. Глушков фактически предвосхитил появление Интернета, и только консерватизм Политбюро ЦК КПСС помешал реализации идее на практике. Точно также разработанные под руководством В.М. Глушкова компьютеры серии МИР («машина для инженерных расчетов») считаются прямыми предшественниками персональных компьютеров: ««МИР-1» и особенно «МИР-2» с полным основанием могут называться первыми отечественными персональными компьютерами, единственное, чем они отличались – их размеры. Конечно, они были нетранспортабельны, зато в остальном это были самые настоящие ПК: «МИР-2» даже имел дисплей со световым карандашом (предшественник мышки)».⁶ Данное высказывание четко демонстрирует, как дискурс Интернета как носителя альтернативной социальности, являясь в современной культуре доминантным, подчиняет своей логике и феномены, изначально ему чуждые. В связи с чем автор искренне считает главным отличием МИРа от персональных компьютеров то, что в нем использовались транзисторы, а не микросхемы, что делало машину «нетранспортабельной».

Особенность общества, в котором формировалась система ОГАС, состояла в том, что это было общество, в котором технократическая утопия, одним из вариантов которой является миф о Величии электричества, была реифицирована, и воплощалась не столько в технических изобретениях, сколько в конкретных вещах. Не случайно в рамках советской утопии миф о Величии электричества делал упор не на коммуникации, а на производстве и потреблении

электроэнергии: отсюда культ ДнепроГЭСа (и последующих ГЭС и ГРЭС) и «лампочки Ильича». Электричество воспринималось прежде всего как воплощение полностью контролируемой мощи и силы. Оно не связывало, а сияло и преображало окружающий мир, превращая его из дикого в цивилизованный, и из отсталого – в современный.

Одновременно советское общество было обществом реализованной утопии, не предполагавшей наличия альтернативной социальности (во

всяком случае, в позитивном аспекте). Это постоянно порождало противоречие между пространством утопии и ее позитивным содержанием: «хотя по своему позитивному содержанию коммунистические режимы были банкротами, ... они в то же время открывали некоторое пространство, пространство утопических ожиданий, которое, между прочим, как раз и дало нам возможность заметить банкротство самого реального социализма».⁷ В.М. Глушков мыслил именно в этом зазоре, постоянно сталкиваясь с противоречием между реальными советскими управленческими практиками, основанными на непубличной конкуренции между различными бюрократическими кланами за доступ к ресурсам, и идеальной управленческой моделью, предполагающей отсутствие у субъектов и

объектов управления частных и/или корпоративных интересов.

В.М. Глушковым была предложена грандиозная программа (которую он сам сравнивал по стоимости с атомной или космической) создания системы взаимодействующих друг с другом вычислительных центров. Главной особенностью данной системы был жесткий иерархизм: «Информационная база ОГАС представляет собой многоступенчатую пирамиду, нижнюю ступень которой составляет информационная база первичных экономических ячеек, а верхнюю ступень – информационная база общегосударственных органов управления»⁸, а главной задачей – обеспечение полноты передаваемой информации по бюрократической цепочке. Внешне картина должна была выглядеть следующим образом: ««работники управленческого аппарата снабжаются терминальными устройствами со специальными экранами, называемыми дисплеями, который внешне напоминают собой телевизор со встроенной в него пишущей машинкой и телефонным

аппаратом. Каждое из таких устройств соединяется с информационно-вычислительным центром каналом связи, в качестве которого может быть использован обычный телефонный канал. При необходимости получения той или иной справки в ИВЦ, сотрудник, у которого установлен такой пульт, набирает номер ИВЦ..., и его пульт подсоединяется к ЭВМ. Печата на машинке тот или иной запрос, он получает ответ от машины на телевизионном экране: это может быть текст документа, различного рода справки..., или, наконец, ответ, полученный в результате решения ЭВМ той или иной сложной задачи расчетного характера. Существуют экранные дисплеи, которые при нажатии специальной кнопки практически мгновенно изготавливают ксерографическую (бумажную) копию документа... Каждое такое копирование, равно как и каждый вызов документа на экран автоматически регистрируется ЭВМ, которая таким образом ведет точный учет количества изготовленных копий каждого документа»⁹. Очевидно, что участники здесь не общаются – они черпают информацию из некоего общего ресурса, который постоянно пополняется, но при этом сохраняет четкую и прозрачную структуру.

В.М. Глушков хорошо понимал, что предлагает не только технологическую, но и управленческую революцию, однако революция эта мыслилась им как всеобщее упорядочивание функций, осуществляемое из единого центра. В результате за стройным образом пирамиды взаимодействующих вычислительных центров вставал образ совсем других пирамид. Зазор между утопическими ожиданиями и позитивным содержанием воспроизводился постоянно, и усиленные попытки закрыть его путем тотального «АСУчивания» (как ядовито стали называть построение сети автоматических управленческих систем к семидесятым годам) только подтверждали его неустрашимость.

Характерно, что В.М. Глушков искренне считал недостатком «сетей ЭВМ в капиталистических странах» то, что они «относительно просты по структуре и слабо увязаны с контурами социального

управления» и постоянно подчеркивал, что «наши сети, объединяемые в ОГАС, создаются целевым порядком, для решения определенных задач планового управления»¹⁰. Иными словами, утопическое пространство, в котором разворачивалась идея ОГАС, делало в принципе невозможным высвобождение коммуникативного потенциала такой системы. Советский Интернет не получился не потому, что для этого не было технических возможностей. Его заблокировало то утопическое пространство, в котором он должен был разворачиваться.

1. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // Собрание сочинений? В 11 т. Т. 3. С. 429.

2. Сам термин «Electrical Sublime» - был предложен Л.Марксом в 1964 году. Английское слово «sublime» имеет отчетливо выраженный религиозный оттенок, который утрачивается в русском переводе, поэтому в принципе можно было бы говорить о «Божественном Электричестве».

3. Warner M. The Letters of the Republic: Publications and the Public Sphere in Eighteenth-Century America. Cambridge, Mass., 1990. P. 8.

4. См.: Sconce J. Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television. Durham, L., 2000.

5. Ср.: «Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения... Мы должны провозгласить свободу наших виртуальных «я» от вашего владычества, даже если мы и согласны с тем, что вы продолжаете властвовать над нашими телами. Мы распространим наши «я» по всей планете так, что никто не сможет арестовать наши мысли» (Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства // <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm>).

6. Ревич Ю. Социализм с кибернетическим лицом. «Русский журнал», 14.10.2003 // <http://www.kinnet.ru/cter-ra/514/29974.html>

7. Жижек С. Заметки о сталинской модернизации // Художественный журнал. № 36. 2001.

8. Глушков В.М. Социально-экономическое управление в эпоху научно-технической революции. Киев, 1979. С. 49.

9. Глушков В.М., Добров Г.М., Терещенко В.И. Беседы об управлении. М., 1974. С. 155.

10. Глушков В.М. Для всей страны. «Правда», 13.12.1981.

В.В. Уфимцев

«ДЕМОКРАТИЯ» В РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ

Уфимцев Виктор Владимирович
доктор
социологических наук,
проректор по научной
работе Европейско-
Азиатского института
управления и
предпринимательства,
действительный
член Академии
политической науки

Проницательный читатель заметил, что в заголовке статьи слово «демократия» мною взято в кавычки. Действительно, тот режим, который установился в России к середине 90-х г.г. демократией назвать трудно. Режим, сложившийся в России к этому времени, можно обозначить как олигархию плутократического типа («плутос» - богатство, «кратос» - власть).

Почему такое могло произойти и, кто в этом виноват? Почему благородные цели и идеи реформаторов вылились в тяжелейший кризис демократии, народовластия в стране?

Останавливаясь на истоках демократического движения, понимаешь, что демократы в большинстве своем с самого начала видели лишь верхнюю часть «социального айсберга», вершиной которого являлся партаппарат, административно-командная система, государственная собственность.

Провозгласив, в общем-то, верные лозунги: «вся власть Советам», «демократия», «свобода», «частная собственность», «рынок», «суверенитет», люди, называвшиеся демократами, наивно полагали, что с устранением верхушки «айсберга», все образуется и пойдет само собой. Ответилась даже необходимость переходного периода. С самого начала политика демократов была построена на мифах:

Миф 1. Вопрос о власти: «Вся власть Советам!». Смысл лозунга заключался в передаче власти от партаппарата к демократически избранным Советам. Жизнь показала на практике, по признанию самих демократов (Г. Попов), утопичность данного лозунга. Возникла необходимость в

сильной исполнительной вертикали. Был сделан точно такой же ход, какой делали большевики (диктатура пролетариата в форме всевластия аппарата). Но у большевиков была хоть какая-то видимость выбора.

Миф 2. Вопрос о собственности: «Вернуть собственность народу». Хороший лозунг вылился в российских условиях в безобразное, уродливое исполнение.

Приватизация в промышленности в том виде, в каком она проводилась, не решила проблему активизации промышленного производства и стимулов к труду.

Миф 3. «Даешь свободный рынок». Предполагалось, что с устранением административно-командной системы, все с помощью рынка будет автоматически регулироваться и не нужно никакого государственного вмешательства. Но выяснилось, что целые сегменты рынка монополизированы (рынок жилья, цемента, стройматериалов, рынок труда и т.д.) Выяснилось, что не только нерыночная, но и рыночная экономика должна быть управляемой, регулируемой, хотя и иными способами, нежели в условиях административно-командной системы.

Миф 4. «Даешь демократию!». Уровень демократии находится в прямой зависимости от уровня экономического развития и от уровня развития политической культуры. И демократия не вводится указом сверху, а выпестовывается из низов при создании для этого необходимых условий. Демократия – это не цель, это средство, с помощью которого можно перейти к цивилизованному обществу.

Миф 5. Суверенитет. Причины нынешнего экономического спада в бывших союзных республиках СССР во многом заключаются в разрыве единого экономического пространства с ликвидацией СССР. Н.Назарбаев, президент Казахстана считает, что спад этим был обусловлен на 65%.

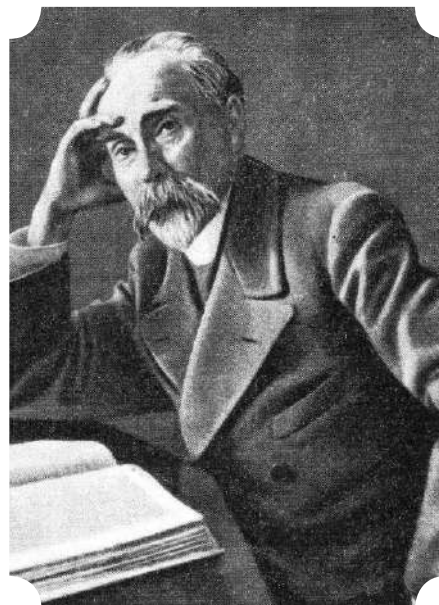
Таким образом, весь наш путь был пронизан дилетантизмом, правовым идеализмом и правовым нигилизмом. И самое большое заблуждение людей, называвшихся демократами, состояло в том, что возможность быстрого установления демократии, народовластия в России оказалось утопией, блефом.

Поэтому страна и оказалась на пороге повышения уровня авторитарности режима.

Методом проб и ошибок мы получили в настоящий период, как в Центре, так и на местах именно ту

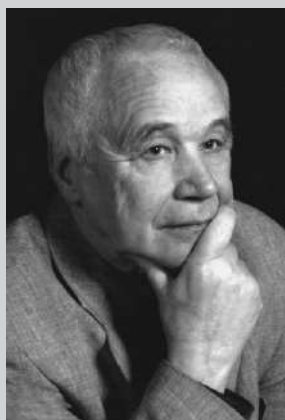
модель, которая, наконец-то, стала в основном соответствовать тем динамичным изменениям, тем реалиям, тем процессам, которые происходят в России.

К 150-ЛЕТИЮ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Г.В. ПЛЕХАНОВ – ИСТОРИК РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Б.В. Емельянов

Емельянов Борис Владимирович
доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

В историографии (история истории) русской философии, одно из почетных мест занимает Г.В. Плеханов, посвятивший ей большое количество монографий, статей, рецензий. Попытки рассказать о Плеханове как историке русской философии уже были предприняты М.И. Сидоровым (1957) и М.Т. Кивчуком (1960), но их анализ и оценка этой стороны теоретического наследия русского марксиста были настолько идеологизированы, что сегодня никак не могут быть приняты во внимание.

Г.В. Плеханов вошел в историю марксистской философии как виднейший ее представитель. Его

творчество огромно и многогранно. История русской философии, или шире, – русской общественной мысли – занимает в нем свое почетное место. Панорама обращения Плеханова к ней в кратком изложении представляет следующую картину.

Весьма показательно, что начало революционной деятельности Плеханова и его обращение к русской общественной мысли совпадают. Как известно, 6 декабря 1876 г. на политической демонстрации у Казанского собора с речью выступил двадцатилетний студент Горного института, член революционной организации «Земля и Воля» Георгий Валентинович Плеханов. Свою речь он посвятил Н.Г. Чернышевскому, поскольку был Николин день и демонстранты заказали в соборе молебен во здравие Николая, естественно, не называя фамилии Чернышевского, находящегося в ссылке. Свою речь о его революционном подвиге оратор дополнил рассказом о декабристах, петрашевцах, а также о Разине и Пугачеве.

Любовь к Чернышевскому Плеханов пронес через всю жизнь и о нем он написал наибольшее количество работ. И не удивительно, поскольку Маркса, Чернышевского и Лаврова он считал любимейшими своими авторами, учителями, воспитателями (См.: Дела и дни. 1921. Кн.2. С.86).

В 1890 г. Плеханов опубликовал в журнале «Социал-демократ» четыре статьи о Чернышевском, затем эти статьи уже на немецком языке в 1894 г. были изданы в «Die Neue Zeit». В том же году в издательстве И. Дитца и тоже на немецком языке была издана монография Плеханова о Чернышевском. Это был, по сути, первый анализ творчества русского философа и революционера, которого автор считал гордостью и славой русской мысли. В монографии была проанализирована эволюция мировоззрения Чернышевского и как философа-материалиста и как предтечу и теоретика активного народного общества. К творчеству Чернышевского Плеханов обращался и в последующие годы. К примеру, он неоднократно цитировал его труды в самой известной своей философской книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Его итоговая работа о Чернышевском в виде монографии была издана в Петербурге в 1909 г.

Не меньшую симпатию Плеханов испытывал к своему дальнему родственнику В.Г. Белинскому (его мать была внучатой племянницей великого русского критика). А. Потресов в своих воспоминаниях указывал, что Плеханов «особенно чувствовал какое-то родство, какую-то кровную близость, какой-то пиетет к Белинскому и к Чернышевскому» (Цит. по: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 131). Разбору взглядов Белинского он посвятил целый ряд работ: «Литературные взгляды Белинского», «Белинский и разумная действительность», «Виссарион Григорьевич Белинский» и другие. Особенностью этих работ было то, что в них автор подчеркивал близость философских взглядов русского критика взглядам Маркса и Энгельса; по крайней мере их эволюция развивалась в одном направлении.

Впрочем, аналогичная характеристика Плехановым была дана и мировоззрению А.И. Герцена, которому он посвятил также ряд работ («Герцен-эмигрант», «Герцен и крепостное право», «Философские взгляды А.И. Герцена»). В частности, оценивая герценовские «Письма об изучении природы», Плеханов писал: «В «Письмах об изучении природы» есть поистине блестящие страницы, излагающие диалектический взгляд на мировой процесс. Я не имею никакой возможности воспроизводить здесь эти страницы: их слишком много; но я не могу устоять перед искушением выписать из них некоторые наиболее характерный отрывки... Под впечатлением всех этих отрывков легко можно подумать, что они написаны не в начале 40-х годов, а во второй половине 70-х, и притом не Герценом, а Энгельсом. До такой степени мысли первого похожи на мысли второго. А это поразительное сходство показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса» (Плеханов Г.В. Соч. Т. XVIII. С.375-377).

Кстати, Г.В. Плеханов не только писал о многих

деятелях русской философии и культуры, но и выступал с посвященными им речами и докладами перед различными аудиториями. Вот несколько примеров. После речи у Казанского сбора, на петербургскую публику большое впечатление произвела речь молодого Плеханова в 1877 г. на похоронах Некрасова, где он выступал сразу после Достоевского. С речами о Белинском он выступал весной 1898 г. несколько раз в Женеве, Цюрихе и Берне по случаю пятидесятилетия со дня смерти критика. С лекциями в разных аудиториях (одна из них – «Толстой и Герцен») была опубликована уже после смерти Плеханова) он выступал в 1912 г., тогда же он произнес речь на могиле Герцена в Ницце.

Писал Плеханов и о народниках. Сам в недавнем прошлом народник он, перейдя на марксистские позиции, опубликовал несколько работ с критическим, историко-философским разбором их взглядов. Самой известной из них можно считать неоднократно издававшуюся на многих европейских языках брошюру «Анархизм и социализм» (1894), в которой много места уделено разбору взглядов Бакунина и Кропоткина и критике их нападок на марксизм. Из либеральных народников наибольшее внимание он уделит Н.К. Михайловскому, опубликовав о нем несколько статей, а также часть своей книги «Наши разногласия». А известному народнику Воронцову он посвятил целую книгу – «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В.В.). Критический этюд» (1896).

Взгляды современников также подвергались историко-философскому анализу. К примеру, еще в начале 900-х годов Плеханов намеревался написать большую рецензию на книги А.А. Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) и «Познание с исторической точки зрения» (1901), оценив их как «решительное отрицание материализма». Рецензия стала перерастать в статью, но по каким-то причинам она была не закончена. В 1903 г. Ленин с Плехановым обсудили необходимость выступления против философии Богданова, но из-за партийных разногласий с Лениным Плеханов начал критику эмпириокритицизма один в «Предисловии переводчика» ко 2-му изданию брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1905). А за год до появления ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм», когда Богданов опубликовал «Открытое письмо Плеханову» (Вестник жизни, 1907. №7), дал разбор его философии в своей книге «Materialismus militans» (1908). Тогда же Плеханов опубликовал несколько статей из серии «О так называемых религиозных исканиях в России» (Современный мир, 1909), посвятив их критическому анализу взглядов Горького, Луначарского, Мережковского, Булгакова, Минского и Толстого.

Наконец, в это же время Плеханов начал осуществлять давний свой замысел - написать

фундаментальную «Историю русской общественной мысли». За двадцать лет до этого, в 1888 г., он вел переговоры с С.М. Кравчинским об издании в Лондоне на английском языке книги «Правительство и литература в России», в которой предполагал рассмотреть политические судьбы выдающихся представителей русской мысли XVIII-XIX вв. В одном из писем Кравчинскому он писал о плане издания: «Мы рассказали бы о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах Павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдании в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дубельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебивали или еще остаются в ссылке» (См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 269-270). Это издание как оно было задумано, не было осуществлено. Но идея в той или иной степени осуществлялась Плехановым всю жизнь. В апреле 1909 г. он получил предложение от издательства «Мир» написать исследование объемом до 30 п.л. об истории русской общественной мысли XIX-го века. Дав согласие, Плеханов представил издательству свой план книги. В нем были расширены хронологические рамки исследования, охватившие ХУIII и XX вв. Соответственно, был увеличен и объем книги на 10 п.л. План этот состоял из 9 разделов: 1. Общее историческое введение; 2. Век Екатерины II (Новиков, Радищев и др.); 3. Павел I и Александр I. Декабристы; 4. Николай I (общий обзор состояния страны и литературы, славянофилы, западники, петрашевцы); 5. Александр II (60-е годы, революционные кружки, народничество,

«хождение в народ», народолюбчество, катастрофа 1 марта 1881 г.); 6. Александр III (вырождение народничества и возникновение марксизма); 7. Николай II – первая часть (спор народников и субъективистов с марксистами, дифференциация в марксизме, «критика Маркса»); 8. Николай II – вторая часть (политические партии: европеизированный либерализм, социал-демократы, социалисты-революционеры); 9. События 1905-1907 гг. и их влияние на эволюцию русской общественной мысли (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1974. Т. III. С. 255). К сожалению, полностью этот план Плеханова не выполнил, хотя продолжал работать над книгой вплоть до своей смерти. При жизни вышло два тома «Истории русской общественной мысли». Третий том увидел свет уже после смерти автора. Подготовительные материалы к работе (выписки, варианты и т.п.) составляют десятки папок, хранящихся в архиве Плеханова.

«История русской общественной мысли» – уникальное историко-философское исследование, сохраняющее научное значение до настоящего времени. Оно интересно прежде всего персоналогическими очерками, порой, не самых известных деятелей русской общественной мысли, совершенно уникальным анализом социально-политического контекста. К сожалению, до сих пор в современной России так и не нашлось издательства, которое переиздало бы этот труд русского марксиста с соответствующим современному уровню историко-философских исследований научным аппаратом. Впрочем, то же можно сказать и обо всем объеме работ Г.В. Плеханова, посвященном истории русской философии.

АКТУАЛЬНОСТЬ

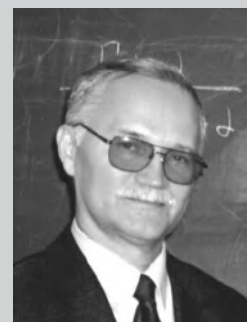
ПЛЕХАНОВА: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА

К.Н. Любутин В.М. Русаков

Любутин Константин Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
главный научный сотрудник
Института философии и
права УрО РАН,
заслуженный деятель науки
РФ

Русаков Василий Матвеевич
доктор философских наук,
профессор,
зав. кафедрой общих
гуманитарных дисциплин
Института международных
связей

Юбилей Г.В.Плеханова – прекрасный повод для нового обращения к судьбам его теоретического

наследия и политической деятельности. Интерес этот носит отнюдь не архивный характер.

По прихоти исторического развития России произошло возвращение к проблемам, над решением которых бился Плеханов: перспективы развития капитализма, выбор путей развития, движущие силы его. Как ни печально, спустя столетие, Россия снова стоит перед вопросом: что сулит ей развитие капитализма? И так же, как в прошлом, ответ далеко не очевиден.

Исследователи отмечают, что «постперестроечная» литература о Плеханове весьма немногочисленна. Г.В. Плеханов в советской историографии, несмотря на хрестоматийные заклинания В.И. Ленина о том, что нельзя стать марксистом, не усвоив того, что было написано Плехановым, оставался довольно неудобной фигурой. И тому есть целый ряд причин. Одна из них заключалась в том, что в условиях крайней политизации и догматического извращения марксистской теории сталинизмом ни о каком серьезном разборе фундаментальных проблем марксизма не могло быть и речи. Считалось, что все споры периода становления марксизма разрешены опытом Октябрьской революции и последующим строительством социализма в СССР.

В перестроечный период Плеханову тоже не повезло. Первоначально всплеск интереса к нему выстраивался как к теоретику, впервые давшему глубокую критику ленинизма и прозорливо предсказавшему грядущий крах большевизма.¹ Но очень скоро идеологи «номенклатурной революции», взяв курс на построение в стране дикого рыночного капитализма, утратили и эти остатки интереса к наследию Плеханова. Однако в этом есть один аспект, остающийся пока за рамками внимания исследователей. «Перестройка», будучи исключительно двусмысленной, если не сказать лицемерной, политической линией, столь же двусмысленна и в своей мифологии: межеумочность проповедей о благостной и чудодейственной роли рынка, монетаризма, крахе коммунизма и спасительности капитализма не могли не отразиться во всем, к чему прикасались идеологи и политики капиталистической реставрации.

Однако хорошо известно, что проблемы, не решенные однажды, будут возникать вновь и вновь; история, не получив адекватного ответа на свой вызов — будет вновь и вновь возвращать общество к исходному пункту, но каждый раз на новом уровне, все более отягощенном последствиями неверных решений.

Подобное же в полной мере относится к тому, о чем так яростно спорили Г. Плеханов и В. Ленин.

Во-первых, можно уверенно прогнозировать возвращение и усиление интереса к этому спору в средесерьезных исследователей. Нынешнее тотальное увлечение «правой» идеологией и политикой неизбежно сменится своей противоположностью хотя бы потому, что политика и идеология страны без «левой» составляющей — все равно, что

человеческий мозг без левого полушария! Кстати, уж если использовать эту аналогию, то нелишне заметить, что левое полушарие «отвечает» за абстрактно-логическое мышление.

Во-вторых, спор Плеханова и Ленина по проблеме творческого развития марксизма актуален и сегодня с точки зрения взаимосвязи теории и практики. Как развить и чему следовать — стройной кабинетной теории или живой практикой? Правильно отмечают современные авторы, что ленинские расхождения Плеханова «в догматизме» остаются расхожими, несмотря на то, что исчезло догматическое преклонение перед ленинскими формулами.²

И это не случайно, потому что плехановские аргументы в защиту русского либерализма и капитализма, необходимости следовать классическим рецептам марксизма в свете исторического опыта России не представляются столь уж однозначно непогрешимыми. Еще при жизни Плеханова в меньшевизме сложились две позиции в отношении большевизма: так называемая «жесткая» (Плеханов) и «мягкая» (Мартов). Главный пункт расхождения в оценке — объективная обусловленность большевизма в истории страны, «правомерность» большевистского варианта социально-политического и экономического развития страны. В отличие от Плеханова, считавшего большевизм авантюризмом, антидемократическим, диктаторски-террористическим направлением, навязывающим «скачок России в социализм», — Мартов считал большевистскую революцию закономерным результатом стихийного хода русской революции в целом, определившим как преимущества большевизма, так и его пороки.

Проблема степени зрелости исторических предпосылок и условий для социально-политического преобразования страны, как показывает сегодняшняя полемика в стране, — остается исключительно актуальной.

Сегодня продуцируется немалое число всевозможных фальсификатов отечественной истории в виде псевдоисторических опусов, извращающих или, по крайней мере, замалчивающих факты, в виде якобы художественных поделок, воспевающих царизм и «прелести» самодержавия.³ Человеку, отравленному сегодня массовой культурой, замешенной на таких продуктах, крайне трудно понять степень всеобщей ненависти самых широких слоев населения к царизму и готовности к решительной борьбе с ним вплоть до самопожертвования (тем более, что и самоотверженная борьба русских революционеров сегодня цинично приравнена к терроризму и прямой уголовщине).

Общеизвестно, что в 70-80-х годах XIX века наивысшего напряжения революционное народничество достигает в борьбе организации «Народная воля». Народничество этого периода вдохновляется революционно-демократическими идеями В. Белинского, А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова.

В свете этих тенденций и событий становится понятным, что Г.В.Плеханов в первые годы своей общественной деятельности принимал участие в революционных народнических организациях. Это — тоже значимый факт: нужно понять, почему, в общем, не бедный человек, становится революционером? Образование и культура, помноженные на нравственные качества личности, приводят ее к пониманию того, что люди достойны лучшей участи и к пониманию необходимости борьбы за это⁴. Жизненный путь Г.В. Плеханова в год его 150-летия заставляет нас подумать и об этом.

Впоследствии, в зрелые годы он немало своего исследовательского внимания уделил взглядам тех, кого считал своими учителями и наставниками. И опять: как не сравнить с днем сегодняшним, когда, якобы, ученики сплошь и рядом отказываются от того, чему учились в юности, не только предают идеалы тех, кто дорогой ценой платил за выработку их и верность им, но искажают и извращают их для оправдания того простого факта, что сами никогда и ни во что не верили, а только «колебались вместе с генеральной линией» партии власти. Плеханов выступил как один из первых и самых глубоких и обстоятельных исследователей русской революционно-демократической мысли.

Реалии освободительного движения (разгром революционного народничества, наблюдения над русским обществом и его развитием) заставили его искать современного и эффективного теоретического инструментария для объяснения их и прогнозирования. Он делает выбор в пользу марксизма.

Немаловажный вопрос — почему? Правильно позднее отметит Н. Бердяев, что увлечение идеями марксизма и его стремительное распространение в русском обществе — результат выбора образованных слоев общества в пользу общемировых и общеевропейских тенденций развития России. Страна неуклонно вращалась в капиталистический мир, который приобретал глобальный характер. Поэтому речь шла не только о разочаровании в народничестве, но и о выборе в пользу теории, впечатлявшей своей объяснительной и эвристической силой.

Для адекватного понимания роли и значения Г.Плеханова большое значение имеет его полемика с В.Лениным. Об этом справедливо писалось еще в 60-е годы прошлого века⁵. Справедливость этого тезиса подтверждается и сегодня.

В рассматриваемую эпоху в общественной жизни сильнейшее внимание привлекал к себе вопрос об историческом своеобразии России — как видим, он и сегодня продолжает оставаться в центре теоретических и политических споров. Насколько применимы к России закономерности развития, проявившиеся в других странах — в Европе, Америке? Должна ли страна повторять путь, пройденный другими (а, значит, народ ее должен пережить те же страдания и беды), или она способна

двигаться своим собственным путем?

Народники утверждали возможность России не проходить путь капиталистического развития — страна имела возможность наблюдать все негативные последствия дикого («рыночного») капитализма, которому тогда еще далеко было до «общества всеобщего благоденствия», «общества равных возможностей», «народного капитализма» и т.п. Писатели, общественные деятели пристально всматривались в европейское общество — как возможное будущее России и немало надежд возлагали на идею о возможности минования этой стадии развития. Народничество наиболее последовательно сформулировало ее, аргументируя сохранением в стране сельской общины, наличием в русском крестьянстве глубинного чувства коллективизма.

Плеханов (а потом и Ленин) стремился исходить не из желаемого, а из реально совершающегося движения. Страна в действительности уже вступила на путь капиталистического развития, что подтверждалось не отдельными фактами, а систематическим изучением характерных для капитализма социально-экономических отношений и институтов, социальных групп и их роли в обществе. Из этого исследования Плеханов делал вывод о том, что нужны не мечтания о том, что может быть, а чего не может, что желательно было бы, а что — нет. Этими проектами в изобилии была насыщена литература (и практика) прежнего утопического социализма. Необходимо было, изучив действительные (объективные) закономерности, на основе их разрабатывать действенные практические программы. Особое значение приобретала борьба за осуществление буржуазно-демократических преобразований, поскольку они являлись предпосылкой социалистических. В Европе, в условиях капитализма наиболее последовательной силой в борьбе с угнетением является пролетариат. Очевидно, не миновать этого и России. Вывод — необходимо создавать революционную партию рабочего класса. Оценивая позднее значение деятельности группы «Освобождение труда», В.И. Ленин сформулировал ее главную заслугу следующим образом: она основала русскую социал-демократию.

Другой проблемой, интенсивно разрабатывавшейся Плехановым, обнаруживающей свою актуальность, является проблема субъективного фактора исторического процесса. Как известно, ему принадлежит работа, составившая эпоху в русской и международной социально-философской литературе — «К вопросу о роли личности в истории». Содержанием проблемы является вопрос превращения человека из объекта в подлинного субъекта исторического процесса. Актуально в постановке проблемы Плехановым то, что он содержательно формулирует рациональное решение ее в противовес различным

субъективистским трактовкам причин и движущих сил процессов исторического развития. Он показал наивность и противоречивость, эвристическую несостоятельность примитивных представлений о «героях - делателях истории». Еще одной проблемой, остающейся актуальной в Плехановском наследии, является проблема социально-исторической сущности религии и религиозного сознания. Этому феномену Г.В. неизбежно посвятил немало внимания по целому ряду причин, которые также подчеркивают значимость целого ряда обстоятельств, важных и по сию пору. Во-первых, в ту эпоху религия и церковь занимали привилегированное и господствующее положение и потому в полной мере несут историческую ответственность за те альтернативы, которые реализовались в развитии страны в начале XX века. Об этом надо очень хорошо помнить всем тем, кто сегодня по зову ли нечистой совести, по недоброкачественности ли дискурса, взялся причитать о том, что, якобы, сделали большевики с «народом-богоносцем». Во-вторых, остается исторически бесспорным фактом то, что русское православие бесповоротно скомпрометировало себя в глазах русского народа в дореволюционный период своим категорическим отказом в любой форме встать на защиту народа от самых зверских форм угнетения.

Знакомясь с идеями Плеханова, поражаешься его огромной эрудиции, переживаешь эстетическое наслаждение великолепным стилем замечательного мастера, блестяще владеющего словом. Российской молодежи, стремящейся к мировоззренчески серьезной и продуманной духовной культуре, полезно и поучительно знакомство с работами Г.В. Плеханова. Они прекрасно иллюстрируют давно высказанную мысль о том, что к научному социализму люди приходят в итоге длительной и напряженной интеллектуальной работы, на основе усвоения и глубокой переработки самых передовых результатов современного теоретического познания и практики.

Весомость суждений Плеханова и его авторитет как теоретика и публициста основывались на тщательном усвоении и продуманности тех идей, которые он избирал путеводными для себя. Это касается, прежде всего, - марксизма и его философии.

Что сегодня, 150 лет спустя, сохраняет свое непреходящее значение в наследии Плеханова?

С самого начала своей деятельности как теоретика-марксиста и политического деятеля социалистического движения он не просто становится «правовверным» адептом избранного учения, немалое число которых К.Маркс и Ф.Энгельс саркастически именовали «большими марксистами, чем они сами». Плеханов стремится выделить то новое, что сделано было основателями марксизма в области философии. Он делает вывод, что «Появление материалистической

философии Маркса – это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли»⁶. Два пункта здесь представляются ему принципиально важными: материализм и «эволюция» (развитие).

Будто нам сегодняшним говорит Г.В.Плеханов: «В первую половину нашего столетия мы присутствуем при полной реабилитации идеалистической философии. И слышать больше не хотят о материализме; о нем отзываются с крайним презрением»⁷. В этом он находит немалую долю справедливости — так прежний материализм поплатился за свою ошибку, за свое непонимание развития. Однако новый материализм не просто заговорил об эволюции — «От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества»⁸. Новый материализм указал причину эволюции.

В самом философском материализме марксизма Плеханов выделяет исторический материализм и стремится самым тщательным образом исследовать и показать его коренные отличия от вульгарного «экономического» материализма, мальтузианства, географического детерминизма и прочих эклектических попыток объяснения исторического развития. В этом плане огромное значение имела его работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Но было бы ошибкой сводить к нему все содержание философского материализма Маркса.

В материалистическом понимании истории Плеханов выделяет постановку вопроса о закономерностях развития общества. Понять объективную необходимость и закономерность в развитии общества – вот центральный нерв его и суть.

Плеханов обосновывал мысль о том, что именно диалектика позволяет марксизму глубоко постигать законы социальной жизни, не прибегая к привлечению для этой цели биологических закономерностей. На этой методологической основе только и возможно конструктивное преодоление различных форм волюнтаризма и субъективизма. Историческая необходимость не исключает свободы действий людей. Свобода воли не существует сама по себе, а является следствием познания исторической необходимости (т.е. складывающихся независимо от воли людей объективных условий) и деятельности людей в рамках, задаваемых этими условиями.

Плеханов полагает, что бесполезно и ошибочно искать движущие силы исторического процесса вне практической деятельности людей. Он приложил значительные усилия для развенчания как представлений о полном субъективном произволе «свободной воли» людей, творящих историю, так и о якобы «железном» (экономическом) детерминизме, абсолютно предопределяющем поведение людей в обществе. Средством разрешения превратно поставленных реальных проблем

выступает марксистское понимание деятельности, в которой, собственно, и происходит взаимодействие субъективного и объективного, реального и идеального, переход одного в другое. Но Плеханов, верный марксистской диалектике, не останавливается на констатации этого факта. Необходимо не только зафиксировать противоположные стороны единого целого, но и показать, как и почему они едины, какая из сторон является ведущей, определяющей.

Довольно быстро, в конце 80-начале 90-х годов XIX века Плеханов занял видное место среди социалистов Западной Европы и Америки. Он получил признание как крупный теоретик марксизма и влиятельный деятель сложившегося к тому времени и окрепшего международного рабочего движения. Плеханов интенсивно публикует многочисленные статьи по политике, экономике, философии, истории, литературе, искусству в социалистической печати Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Польше и др. Авторитет Плеханова как крупного социалистического теоретика укреплялся в 80-90-х годах, когда он публикует ряд блестящих работ, посвященных критическому анализу европейского утопического социализма А.Сен-Симона, Р.Оуэна, Ш.Фурье, Ж.-Прудона и др. («Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории», «О современном социализме», «Научный социализм и религия»). В критическом разборе мечтательного фантастического социализма этих теоретиков Плеханов оттачивает представления о подлинном, настоящем — научном социализме, преодолевающем исходные пороки своих прародителей.

Серьезным испытанием для воззрений Плеханова стала проблема творческого развития самого марксизма. Первым этапом для него стало появление концепции Э.Бернштейна. И хотя он усмотрел в ней не творческое развитие, а простую ревизию марксизма, тем не менее, вопрос не был решен: порочность предложенного варианта не снимала самой проблемы. А события развивались стремительно и надвигавшиеся перемены в самих основах жизни общества (при переходе общества от раннего капитализма к новой стадии, получившей название империализма; революция в науке в начале XX века, появление новых философских идей) настоятельно требовали адекватного теоретического инструментария.

Возникал кардинальной важности вопрос: достаточно ли эпистемологических ресурсов в самом марксизме для того, чтобы справиться с объяснением этих сдвигов и с прогнозированием развития общества и культуры?

В среде европейской социал-демократии назревал раскол. Одни считали, что объяснительные возможности марксизма исчерпаны: во-первых, новые явления, связанные с финансовым капиталом и появлением монополий, не вписываются в известные марксистские схемы, известные из «Капитала», а во-вторых, целый ряд принципиальных марксистских

идей оказались несостоятельными — так, вопреки прогнозам, капитализм оказался более живучим, не происходило абсолютного обнищания пролетариата и т.д. Требовали обновления и методологические основания марксистской теории: в конце концов, в значительной мере они соответствовали состоянию науки и философии первой половины девятнадцатого века. Это часто служило основанием для обвинений марксизма в том, что дальше философии XVIII века он не пошел. Появившиеся в конце XIX века новые философские концепции — неокантианство, философия жизни, экзистенциализм, позитивизм — ставили вопрос о разрыве с традициями классического рационализма. Марксизм должен был отвечать на вызовы времени.

Другие, и Плеханов в их числе, считали, что в марксизме заложен достаточный теоретический потенциал, позволяющий справиться со всеми проблемами, рождающимися современным обществом. С его точки зрения, речь идет о «мнимом кризисе» марксизма: об этом толкуют либо заведомые недруги его, либо те, кто следует скорее букве, а не духу учения. «Когда Бернштейн, писал он, — зовет нас вернуться к Канту и когда он критикует современный материализм... он этим доказывает только свое собственное невежество. Следовательно, с философской точки зрения, этот мнимый кризис не опасен»⁹. Разумеется, острота политической борьбы мало способствовала углубленной разработке философско-теоретических проблем — как с точки зрения сил и времени, так и с точки зрения неизбежной политизации подходов.

Таким образом, Г.В.Плеханов своими теоретическими трудами и практическими усилиями формировал черты глубокого социально-политического движения, в последующем фундаментально изменившего страну и мир. Без понимания этого обстоятельства невозможно адекватно понять ни характер его полемики с большевизмом, ни его отношение к Октябрьской революции. Он был и всю жизнь оставался социалистом, не только страстно верившим в «социалистическую судьбу» человечества и России, но и приложившим все силы для осуществления этой идеи.

1. С.В. Тютюкин. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 2005, с. 12-14.

2. М.Е. Котельников. Основное противоречие марксизма. Социально-философская экспликация. М., 2005.с.267.

3. Вроде недоброкачественных с исторической точки зрения «публицистических» упражнений в защите «России, которую мы потеряли» путем протаскивания довольно кошунственного тезиса «за что боролись — на то и напоролись»: дескать, в сравнении с преступлениями сталинизма любые «держиморды» самодержавия были просто «отцами-кормильцами» народа.

4. Сегодня Россия подвергается колоссальной нравственной деградации и деморализации: населению пытаются внушить, что сострадание и сочувствие к угнетенному и обездоленному — абсурдно (он сам виноват,

это его проблемы!), что состояние всеобщей и тотальной продажности («свободный рынок») – это «естественное», нормальное и наилучшее состояние. Поэтому всякий, кто отказывается жить по этим меркам, рассматривается как некая патология.

5. См.: В.И. Ленин и русская общественно-политическая

мысль XIX-начала XX в.Л., 1969, с.248.

6. Г.В. Плеханов. Избр. произв. т.2. с.450

7. Там же, с.451

8. Там же, с.452.

9. Г.В. Плеханов. О мнимом кризисе марксизма. Избр. филос. произв. т.2. с.841.

АНТРОПОЛОГИЯ МИФА

К.С. Романова

Романова Кира Степановна
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

«В действительности всё обстоит не так,
как на самом деле».

Станислав Ежи Лец.

Сегодня в обществе мифология как самостоятельная форма общественного сознания не является доминирующей, но при этом она в снятом виде существует в каждом архетипе. Поэтому общественное сознание в его реальных структурных формах не утратило свойств мифологичности. Различные формы общественного сознания продолжают пользоваться мифологемами как своим специфическим «языком», тем самым, формируя современные «социальные» или «политические» мифы.

Фундаментальный вклад в изучение мифологии, её связи с философией и культурой в целом внёс выдающийся русский мыслитель XX века А. Ф. Лосев. По Лосеву, миф – «это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола». И далее: «Он не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определенную структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». Миф есть «живое субъект-объектное взаимоотношение, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность и структуру»¹.

Основой существования мифа являются, с одной стороны, субъектно-объектные отношения, а, с другой стороны, такое свойство сознания как идеальность, которое определяется целеполаганием. Целеполагание - существенный элемент человеческой деятельности, который характеризует как мыслительные процессы, так

и предметную деятельность человека, прежде всего - процесс труда.² Целеполагание является основой опережающего отражения человека, то есть основой создания мыслительного образа предмета или процесса, предшествующего и определяющего предметную деятельность. Именно это свойство формирует самосознание и его идеаторность – то есть способность творить и воспроизводить идеи.

Мифологема - одна из форм мышления субъекта. Иллюстрацией может служить высказывание выдающегося художника Пабло Пикассо: «Я рисую мир не такой, как я его вижу, а такой, каким я его мыслю». В обществе образом цели деятельности, объединяющей людей вокруг общей задачи, является идеал. Идеал есть идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека, класса, общества. Формирование природных предметов сообразно идеалу представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до ее фактического осуществления. В виде идеала эти группы людей и создают для себя образ такой действительности, в рамках которого имеющиеся гнетущие их противоречия социальной действительности представляются преодоленными, «снятыми». Идеал выступает как активная, организующая сознание людей сила, объединяющая их вокруг решения вполне определенных, конкретных исторически назревших задач. Однако мифологичность идеала ярко отражается в афоризме: «Идеал как горизонт, по мере приближения к которому тот отдаляется».

Важнейшей формой и условием как общественного, так и личностного бытия является время. Прошлое для человека в психологическом плане более мифологично, чем настоящее. Для этого существует ряд причин. Прошлое уже прошло, реально оно уже не существует. Однако оно живет в памяти, в эмоциональном отношении к нему и переживании этого отношения. Историческая память избирательна, она нередко делает акценты на такие события, которые субъективно значимы, игнорируя другие. Прошлое может выступать как причинная основа настоящих явлений и отношений. Память услужливо изменяет психологическое отношение к событиям в прошлом в свете новых чувств, мыслей настроений. Этим, к примеру, можно объяснить, почему сегодня существуют как минимум две

противоположные точки зрения, оценивающие жизнь в социалистическом прошлом. История совершается один раз, оставляя о себе версии. И у каждого - своя правда. Многим представляется, что невозможно и нежелательно изменить оценку прошлого, хотя, на самом деле, даже не осознавая этого, они изменяют его, сами того не желая, идеализируя (мифологизируя) в своих мыслях и чувствах. Это, скорее всего, объясняется тем, что избирательность в первую очередь определяется значимостью пережитого в прошлом опыта для происходящих в настоящее время событий и процессов, возможностью вписаться в изменяющуюся историческую ситуацию, повлиять на свое будущее. Анекдотическим примером этого может служить активный поиск аристократических корней в своем прошлом и реконструкция своей биографии многими людьми, которые волей исторического случая стали принадлежать к так называемой «элите». Здесь уместно вспомнить афоризм, принадлежащий Станиславу Ежи Лецу: «Формируйте мифы о себе, все боги с этого начинали».

Будущее тоже мифологично, так как оно всегда выступает в качестве неопределенности. Его еще нет в реальности. Оно существует как целеполагание или как предчувствие. Незнание того, что случится дальше, глубокая надежда на лучшее делают жизнь возможной и даже желанной. Только настоящее являет собой в большей степени реальность, но при этом в нем присутствуют мифологемы прошлого и иллюзии будущего. Мифологемы и иллюзии в своем содержании совпадают друг с другом, диалектически определяя друг друга. Иллюзия в переводе с латинского означает ошибку, заблуждение, обман чувств, вызванный искаженным восприятием действительности. В фигуральном смысле под иллюзией можно понимать необоснованные надежды, несбыточные мечты, которые, как правило, связываются с будущим.

Человек, будучи смертным, в любой миг своего существования ведет себя и живет как бессмертный, потому что видовые свойства в снятом виде присутствуют в подсознании индивида. Этим определяется сотворение собственной жизни-мифа. Поэтому он, несмотря на конечность своего существования и ограниченность своей эволюции, «обременен» неудержимым стремлением к бесконечному и вечному, он носит его в себе как одну из своих сущностных характеристик. Как говорил еще в древности Платон: «Рождение – это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу».

Социальные условия жизни человека таковы, что он постоянно должен соотносить себя с определенными референтными группами, которые при этом также должны быть равнодушны к нему. Они должны либо принимать его, либо отвергать. Отсюда - еще одна сторона жизни

человека, которая определяет ее как миф: что для него является доминирующим, «быть» или «казаться»? Конформизм как условие комфортного существования в группе часто базируется на второй стратегии - «казаться».

Еще одна особенность человека обуславливает его способность творить мифологемы и жить в мифе, - это его способность одновременно чувствовать одно, говорить другое, а делать третье. Чувство – это такие психические проявления, которые позволяют универсальным образом легко и быстро обеспечить непосредственный контакт между людьми. Это объясняется тем, что с одной стороны, чувства имеют универсальный характер, а, с другой стороны, чувства гораздо точнее выражают сущность человека, ибо в них преломляется мир его собственной нравственной индивидуальности, его понимание добра и зла, эгоизма или альтруизма.

Мышление выступает как более трудно осуществимая форма взаимодействия. Тем более что мысль передается с помощью языка. Здесь уместно вспомнить известное стихотворение Ф. И. Тютчева «Silentium!», в котором он пишет: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь».³

Трудности интеллектуального общения усугубляются и благодаря тому обстоятельству, что разные люди думают по-разному в зависимости от личного опыта и широты своих интересов, от глубины знаний. Если для одних характерна пылливость ума, желание постичь суть явлений, то для других свойственен поверхностный взгляд на события и явления, третьи же вообще пытаются все мерить своим аршином.

Трудности интеллектуального общения связаны еще и с тем, что результаты умственной деятельности часто вступают в противоречие с натурой субъекта, с его желаниями, эмоциями. В итоге представления о мире, людях и о себе мифологизируются. Часто самооценка человека оказывается более высокой, чем его оценка остальных людей.

Максимализм нередко проявляется и в любви. Социальный миф о любви, которая движет миром, служит вдохновением для любого вида творчества, в том числе для созидания личности самого человека.

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной осуществляются как в виде поляризованного, ярко выраженного влечения или отталкивания, так и в виде столкновений, приступов веры и сомнения, восхищения и безразличия, откровенности и притворства, кокетства и апатии, смелости и страха т.п. И все это несет на себе воздействия стереотипов, мифов, идеалов распространенных в культуре, носителями которой являются данные субъекты. Свобода нравов, влияние кино, телевидения и других средств массовой информации действуют на сознание ныне существующих поколений таким

образом, что готовят их к новым, более «деловым» прагматичным отношениям между полами, разрушая мифы и иллюзии об их возвышенности и романтичности.

Творение мифа – дело духовное. Разрушая мифы, мы убиваем духовность человеческих отношений, сводя их до голого прагматизма, в котором человек становится не целью, а средством.

В заключение скажем, что каждой эпохе свойственен свой подход к мифотворчеству. Вслед за крахом советской идеологии происходит разрушение сопутствующей мифологии, хотя последняя по своей архетипичной природе более живуча, чем теоретические догмы. На фундаменте разрушенных мифов о «светлом коммунистическом будущем», о «его величестве рабочем классе» тут же были возведены новые мифы: «рынок может все», «исходное равенство обеспечено выдачей

населению ваучеров» и т.д., которые опровергнуты прозой жизни. Если в прошлом мифология уступала ведущую роль ряду специализированных форм общественного сознания, то в настоящее время происходит ее ренессанс – но уже не как системы миропонимания, а как мозаичный метод мышления.⁴

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. Изд-во политической литературы. 1991. С. 24, 25, 40.

2. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189

3. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Свердловское Средне-Уральское изд-во, 1980. С. 118.

4. Соболева Н. И. Социальная мифология: социокультурный аспект // Социологические исследования. 1999.

ДИСКУРС АНАЛИЗ МИФОВ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Саламатова

**Саламатова Анна
Владимировна**
магистрант факультета
политологии и
социологии УрГУ

С нашей точки зрения, главная цель мифов в любом государстве – манипуляция сознанием индивидов. По мнению Г. Шиллера, мифы создаются для того, чтобы держать людей в повиновении, когда физическое насилие не может решить всех проблем. Но главное не создать, а внедрить миф в сознание людей через культурно – информационный аппарат так, чтобы они не подозревали о происходящей манипуляции. Только тогда миф обретёт огромную силу.¹

Политические мифы не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. Миф действует как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся

жертвами мифов без серьёзного сопротивления. Они побеждены и покорены ещё до того, как оказываются способными осознать, что на самом деле произошло.

Обычные методы политического насилия не способны дать подобный эффект. Даже под самым мощным политическим прессом люди не перестают жить частной жизнью. Всегда остаётся сфера личной свободы, противостоящей такому давлению. Политические мифы разрушают подобные ценности.

Мифы – неотъемлемый элемент в технике социального управления. Миф разрушить сложно. Он неуязвим и нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов.² Кроме того, мифы создаются и поддерживаются правящими кругами с целью сохранения своей культурной гегемонии. Мифы оправдывают тот разрыв с прошлым, который привёл к установлению существующего порядка.³

В начале 90-х годов XX века в сознании граждан России укореняли разнообразные мифы. Главный из них, по нашему мнению – это миф развития через имитацию Запада и технологический миф. Акцентируем на них наше внимание.

Основная идея, заложенная в мифе о развитии через имитацию Запада, следующая: Запад вырвался вперёд, благодаря капитализму, создавшему мощные производительные силы. Остальные общества отстали, и теперь вынуждены догонять, тогда на земле воцарится либеральный капитализм

англосаксонского образца.⁴ Подобного рода миф критикует К. Леви-Стросс: «...трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказать быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы – или оригинальный синтез, который ведёт, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим.

Что касается технологического мифа, то он использовался в России в 90-е годы и активно применяется сегодня. Цель данного мифа – внедрить в сознание людей идею о том, что именно западная цивилизация создала культуру, философию, право, науку и технологию, доминирующие и предопределяющие жизнь человечества. По мнению С. Кара-Мурзы, для современной России характерны также частные производные технологического мифа, а именно: мифы о земледельческом Западе и скотоводческом кочевом Востоке. Проект расчленения России основан, прежде всего, на противопоставлении славян степнякам, соответственно, Запада – Востоку.⁵ Последний миф постепенно внедряется в сознание россиян прессой.

Начиная с середины 90-х годов XX века, в сознании русских людей стали укореняться ещё несколько мифов. Например: миф о нейтралитете, миф о плюрализме средств массовой информации и др.

Главная идея мифа о нейтралитете сводится к тому, чтобы «...люди верили в нейтральность их

основных социальных институтов. Они должны верить, что правительство, средства массовой информации, система образования и наука находятся за рамками конфликтующих социальных интересов».⁶ Смысл мифа о плюрализме российских средств массовой информации заключается в том, что характерной чертой жизни в России является разнообразие информационных источников, которые обеспечивают разносторонние взгляды на какое-либо событие внутри страны и за её пределами. Если есть разнообразие, значит, гарантируется и личный выбор россиянина в информационном плане.

Что касается функций новейших российских политических мифов, то они выполняют следующие функции: внедрение индивиду веры в ценности, предлагаемые партиями власти, завуалирование государственного насилия и его оправдание, достижение пассивности масс, их несопротивляемости настоящему политическому режиму, формирование положительного отношения населения к внешней и внутренней политике своей страны и т. п.

1. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. с.42.

2. Кассирер М. Техника современных политических мифов. // Феномен человека: антология. – М.: Высшая школа, 1993, с. 108 – 122.

3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2004. с. 207.

4. Там же, с. 217.

5. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2004. с. 222.

6. Там же, с. 28.

ПОВСЕМЕСТНОСТЬ МИФИЧЕСКОГО

Е.Н. Коваленко

Коваленко Елена Николаевна
магистрант факультета
политологии и
социологии УрГУ

Согласно Р. Барту, современность характеризуется именно тем, что «миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное мифическое».¹ Говоря

о мифе сегодня, мы как раз подразумеваем не его форму, а его характер, содержание. Рассматривая миф, мы говорим, по существу, не о нем самом, а о мифическом, что не препятствует использованию категории «миф» именно в этом контексте.

Идея о повсеместности мифа совершенно не нова. Мифологические структуры таятся в сознании человека, определяя способ его мышления. В этом смысле современный индивид практически не отличается от своих первобытных предков. Неосознаваемая зависимость человечества от мифов только усиливается со временем, поскольку «неприрученная мысль» уже не существует в одиночестве, а дополняется констатируемой рациональностью, которой и только которой должен руководствоваться человек эпохи Модерна.

Говоря о мифе и о его повсеместности, нельзя ни затронуть проблему свободы. Мы несвободны

от мифического, поскольку не всегда можем осознать его присутствие в нас и оценить действие, которое оно оказывает на наше восприятие мира. И парадокс данной ситуации состоит даже не в том, что мы не можем осознать, а в том, что мы этого не хотим, мы противимся этому. Признать, что миф определяет многое в современном рациональном человеке – значит признать, что он стал более несвободным, нежели был раньше. С другой стороны, аспект свободы реализуется в том смысле, в каком миф позволяет восстановить отношение «человек – природа» и «освободить» разум от парадигмы рационального мышления, выделить «чистый разум». «Мифология не несет очевидной практической функции... Она не имеет непосредственного отношения к отличной от нее и более объективной реальности, порядок которой она воспроизводила бы в разуме. Тут разум кажется совершенно свободным и следующим собственной творческой спонтанности. Поэтому, если удастся доказать, что за кажущейся произвольностью, свободой и ничем не связанной изобретательностью лежат законы, действующие на более глубоком уровне, то заключение станет неизбежным: разум, оставшись наедине с самим собой и освободившись от обязанности компоновать объекты, сводится к тому, чтобы в каком-то смысле имитировать себя как объект; его законы и операции не отличаются принципиально от тех, которыми он руководствуется при осуществлении других функций, и он таким образом удостоверяет свою природу вещи среди вещей».²

Свобода для личности всегда связана с ответственностью, поэтому зачастую представляется как бремя. Отрекаясь от свободы, человек выбирает сферу мифического, где ответственность рассеяна и лежит на коллективном уровне, а не на индивидуальном. Рассуждая в духе Э. Кассирера, можно прийти к выводу об обратной пропорциональности присутствия свободы и мифа в системе. Чем больше мифического, тем меньше степень свободы как самостоятельности. И наоборот. Однако это утверждение в большей мере относится к политическим мифам. В сфере политического открываются грандиозные возможности для манипуляции людьми. Свобода постоянно находится под угрозой. Ибо «политика – еще далеко не позитивная наука, а тем более не точная... В политике мы еще не имеем надежной базы, здесь нет упорядоченного знания, здесь все время существует угроза того, что нас захлестнет старый хаос... Вера в то, что человек, ловко орудуя магическими формулами и заклинаниями, может управлять природой, господствовала сотни и тысячи лет человеческой истории, несмотря на все бесчисленные неудачи и разочарования. Поэтому не удивительно, что наши политические действия и теории наполнены магическим содержанием. И когда небольшие группы людей пытаются осуществить

свои желания и фантастические идеи относительно целых наций, всей политической вселенной, они могут иметь временный успех, могут даже достичь триумфа. Но достижения эти эфемерны, потому что в социальном мире, так же как и в физическом, есть своя логика, свои законы, которые не могут нарушаться безнаказанно».³

Миф воплощается через язык и существует в форме языка. Именно поэтому мифическое всегда будет характеризоваться повсеместностью, поскольку она присуща языку. Язык как система знаков постоянно воспроизводится, а значит мифическое никуда не исчезает. Язык предстает перед нами не просто как носитель мифов, но и как инструмент их конструирования. Речь, в первую очередь, идет о применении «магического слова», которое «вытесняет семантическое». «Чтобы оно имело максимальный эффект, новое слово нужно подкрепить новыми ритуалами».⁴ Исчезая, одни ритуалы и «магические слова» заменяются другими. Это, однако, не означает уменьшения общего объема мифического, поскольку существует язык.

Спасением от повсеместности мифа может быть философия. «Мифы в некотором роде непобедимы: их не опровергнешь разумными аргументами и не побьешь силлогизмами».⁵ Однако это и не входит в задачи философии, которая пытается проанализировать мифы, взглянуть на них отвлеченно, а потому с той долей скептицизма, характерной только для нее. Э. Кассирер, предложивший данную идею, считал необходимым нейтрализовать политический миф, поскольку он способен ввести человека в заблуждение и повлечь за собой политические катастрофы. «Когда впервые сталкиваешься с политическим мифом, он кажется столь абсурдным и неуместным, столь фантастическим и отвратительным, что трудно заставить себя принимать его всерьез».⁶ Поэтому к борьбе с политическим мифом, имеющим манипуляторскую природу, Кассирер предложил привлечь потенциал философии. «Философия может сослужить другую службу: она помогает понять врага, дабы затем разбить его. Понять не только его дефекты и слабые места, но и в чем его сила, которую мы все склонны преуменьшать».⁷

Критика мифа и стремление вытеснить его из личностной, социальной и политической сферы приводят к тому, что складывается «своя мифологическая эндокса – разоблачение, демистификация (или демифизация) сами превратились в дискурс, корпус фраз, катехистическое высказывание, и, сталкиваясь с ним, наука об означающем вынуждена сместиться и расположиться (временно) в более удаленной точке, занимаясь уже не аналитическим разбором, а расшатыванием мифа».⁸

Р. Барт предлагал в качестве противоядия мифическому литературный текст, язык которого, в отличие от языка мифа, не является плотным, а

потому свободен от ритуалов, стереотипов и других взаимосвязанных элементов, закрепощающих сознание человека.

Литературный текст и философия как два пути ухода от мифа могут быть взаимодополняемы, а, возможно, с другого ракурса они представляют собой одно и то же. Литературный текст как воплощение философии является той самой нишей, которая свободна от мифического. Однако трудность в их соединении состоит как раз в том, что философия в форме «письма» теряет характер научного осмысления проблемы, приобретая черты рутинного рассуждения. Литературный текст нацелен скорее на рассуждение, нежели на размышление. Но, так или иначе, трудно не согласиться с двумя подходами в поисках способов преодоления повсеместности мифического.

1. Ролан Барт. Мифология сегодня.// Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 474
2. Клод Леви-Строс. Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 19
3. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 122
4. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 113
5. Там же. С. 122
6. Там же.
7. Эрнст Кассирер. Техника современных политических мифов //Феномен человека: Антология (Сост., вст. ст. П. С. Гуревича). - М.: Высшая школа, 1993. С. 122
8. Ролан Барт. Мифология сегодня.// Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 475

ВОПРОС И ВРЕМЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ МИФА

С.В. Емельянова

Емельянова Светлана
Ивановна
аспирантка УрГУ

Сегодня мне хотелось бы предоставить вниманию читателей «Дискурса- Пи» работу французского философа Марка Соте «Кофе для Сократа».

Кафе «Фар» на площади Бастилии в Париже каждое воскресенье становится уникальным местом. Марк Соте, доктор философии, действительный член Института политических наук, долгое время преподававший в университете, руководит там обсуждением, открытым для всех, давая шанс новой философской практике.

Книга Марка Соте «Кофе для Сократа» начинается с вопроса о том, как философия может нам помочь понять современный мир?

«Что такое философия?» – это вопрос времени, которое имеет измерение «мы». Ответ на этот вопрос

разворачивается в сюжете книги, разделенной тремя. Сегодня мне хотелось бы предоставить вниманию читателей «Дискурса- Пи» работу французского философа Марка Соте «Кофе для Сократа».

Кафе «Фар» на площади Бастилии в Париже каждое воскресенье становится уникальным местом. Марк Соте, доктор философии, действительный член Института политических наук, долгое время преподававший в университете, руководит там обсуждением, открытым для всех, давая шанс новой философской практике.

Книга Марка Соте «Кофе для Сократа» начинается с вопроса о том, как философия может нам помочь понять современный мир?

«Что такое философия?» – это вопрос времени, которое имеет измерение «мы». Ответ на этот вопрос разворачивается в сюжете книги, разделенной тремя главами, тремя вопросами, которые задает автор, стремясь понять не только место общества в истории, но и место философии во всем этом. Но, чтобы ответить, «Где мы находимся?», надо сначала узнать, «Откуда мы пришли?», чтобы затем понять, «Куда мы идем?». Три вопроса разворачиваются в историю, которая, идя от мифа к логосу, становится его возвращением: не на круги своя, а возвращением истории времени, которое есть Мы.

История демифологизации как история логоса, по

мнению Соте, представляет собой еще больший миф, который вызывает не к возврату богов, а к другому пониманию божественного. Эта история о появлении лица, которое говорит не о принадлежности к роду, но о достоинстве рода человеческого, как достоинстве Нас. Мы – это история Времени, которым является человек.

А начинается эта история в обыкновенном кафе, где встречаются люди, равнодушные к тому, что происходит с нами. История начинается с обсуждения вопроса, ответ на который предполагается в самом вопрошании о человеке: Кто он такой? Обсуждение – это не цель и не результат, это способ бытия, который говорит о сущности в человеке.

Опыт обсуждений в кафе обростал новыми фактами, новыми темами, новыми людьми и новыми результатами, которыми писатель захотел поделиться с нами. До того, как произошло первое обсуждение в кафе, Марк Соте открыл свой Кабинет, где он мог бы встречаться с «клиентами» на консультации.

Практика обсуждений в кафе существует уже с 1981 года. Первым был германский философ Г. Ахенбах. Он практиковал в городе Гладбах, возле Кельна. Сейчас таких «предприятий» существует более сотни. Их цель – позволить проявиться личному опыту в рассуждении, способствовать этому, подтолкнув «клиента» на то, чтобы он отважился на освоение «неведомой земли», используя при этом знакомый ему язык – язык диалога. В течение этих бесед философ больше слушает, чем говорит, лишь делая замечания для того, чтобы продвинуть собеседника, подвести его к собственному ритму развития.

Автор рассказывает о первом своем клиенте, который начал ходить на консультации не ради того, чтобы заниматься философией. Он не нуждался также и в консультации психолога. Проблема Фила была в том, что ему было совершенно тоскливо жить. Все вроде бы у него было, успешная работа, семья, друзья. А все-таки чего-то не хватало, если у него возникали мысли о самоубийстве. Он сравнивал жизнь с залом ожидания смерти. Его интересовало, во имя чего он сдерживал себя от желания толкнуть эту дверь.

Разногласие сказалось в вопросе бессмертия души. По мнению Сократа, чтобы приблизиться к реальности, нужно удалиться от тела, от иллюзий, которые оно порождает, и от ошибок, которые оно провоцирует. Фил не понимал, наподобие Симплиция в вышеназванном диалоге, в чем хрупкая природа души, сравниваемой с телом, смогла обозначить свою вечность. Если только не предположить, что душа не одна и та же, например, как душа мелодии и флейты, или гармонии и лиры. А что происходит, когда лира ломается? Гармония исчезает! По мнению Фила, душа – это лишь термин, обозначающий оживление тела. Если я умру, - говорил он, - я перестану воспринимать, чувствовать, различать запахи, вкусы, а значит, перестану и думать. Фил

должен был признать, что его любопытство толкнуть дверь было не таким уж большим. Он был уверен, что за дверью нет ничего. Оставалось только узнать хватало ли его усталости, чтобы оправдать такой ненужный поступок, или могло служить критерием оценки человеческого поведения, банальности его ежедневного существования, бедности его отношений с людьми.

Консультации бывают разные, иногда это лишь единственный случай, иногда это надолго, все зависит от потребности людей, которые испытывают недостаток понимания или общения. В этом случае уместно рассказать об одной молодой супружеской паре. Инициатором встречи выступила жена, спросив при этом, можно ли прийти вдвоем. Вопрос для встречи уже имел определенные очертания: «Почему люди заваливают себя бесполезными предметами?».

Ситуация могла бы быть причиной смеха, если бы это не привело к разрыву, от которого каждый, очевидно, страдал уже очень долго. Причина спора была ясна. Супруг, принимая моделью рабочую поверхность своего стола, систематически пытался отделаться от лишних предметов, которые жена навязывала ему, считая, что она устроила ему невозможную жизнь, и что, в конце концов, она завалила его. Со своей стороны, делая тонкий намек на неверность своего мужа, дама скрывала за манией наводнять дом предметами разного рода потребность во внимании. Ощущение прозрачности для своего мужа заставляло наводнять «хламом» даже стол-для-него, подчеркивая присущее ей желание его-существования-для-нее.

Автор вышел из затруднительного положения тем, что привел пример непримиримости революционеров эпохи Французской Революции. Позиция супруга требовала принципиальности Робеспьера, решившего подчинить капризы каждого во благо всех, делая чистой доской институции и шифры, накопленные старым режимом – привилегии аристократов, клира, права корпораций, таможенные пошлины, налоги всех видов, монархические указы и т.д. Нужно было покончить со всем этим, очистить поверхность от этого хлама, который тормозил движение вперед, к современному обществу. Марк Соте спросил этого господина: учитывая, что часть имеет меньшее значение, чем целое, что делать с наследием прошлого? Освобождаясь от пут старого прошлого, французский народ решил установить царство равенства и братства, поэтому хлам институций признан был мешающим в достижении этой цели. Остальное известно.

Что касается супруги, автор книги посоветовал ей обратить внимание на то, что послужило поводом ее оппозиции. Она происходила от личного унижения и от навязчивой идеи разрыва отношений. Супруг считал ее прозрачной: сколько же времени ей пришлось бы ждать, чтобы восстановить свою «плотность»? Но не стала ли она искать

подтверждения своему существованию из-за себя, а не из-за него?

Что такое «я», если я не есть? – так звучит ее проблема в философии. Сомнение, поселившееся в ее мыслях, когда-то преследовало и Декарта. Чтобы уверить себя в своем существовании, есть одно решение – сомневаться в этом. Представление от мира основательно подточено сомнением. Откуда и весь опыт *cogito*. Прозрачность не есть изъяс, если она представляет первую достоверность того, кто сомневается в своем существовании. Да и нужно ли думать о себе, ведь никто не может гарантировать, что я существую, если это не я в своей прозрачности себя. Таким образом, статус прозрачности меняется: от негативного – когда я страдаю от несуществования, от непризнания другим, для него и через него – до позитивного – когда я принимаю себя таким как «я есть» как думающий субъект. Ведь нет ничего более ясного, чем эта мысль: если я сомневаюсь, то это я.

Эта пара являла собой пример противоречия между коллективным и индивидуальным полюсами человеческой истории, между «мы» и «я». Могли ли они идти сообща?

Этот поистине философский вопрос перерос в семинар, вопросы которого Марк Соте перенес в отдельную главу. И он же явился причиной продолжения дискуссии в философском путешествии к месту, в котором началась история мысли. Продолжением диалога стала и история цивилизации, рассказанная в книге. Соте высказывает предположение, что в основе победы Логоса, в шествии Просвещения, было не движение разума, но распределение товарообмена.

Удивительно, как такой простой вопрос, как вопрос

о себе, может стать началом и истории философии, и истории бытия, и истории формирования личности. Первоначально выступающий как история, как некий миф, вопрос «что такое я?» становится средоточием достоинства человека: его делом, его званием, его смыслом – реальностью, одним словом. Возможно, потому, что это история времени.

История времени – это возвращение утраченного, возвращение мудрости мифа, мудрости самих вещей – мудрости, которая вряд ли может быть измерена доморощенным разумом, превращающим ее в расчетливую выдумку. Философия остается философией, пока не соблазняется стать самой Софией – высшей мудростью. Возвращение мифа говорит о том, что дело философии – это суд над собой: соответствуешь ли своей претензии, понимаешь ли себя в своих делах, можешь ли дать отчет своим действиям? В вопросе «Что такое» – содержится форма ответов, которые появляются в результате вопрошания. Неразрешимый парадокс разрешается ВО ВРЕМЯ задавания вопроса, т.е. погружения в себя как во время. Поэтому беседа разума с самим собой – это не просто искусство спрашивать себя, это искусство подвергать себя испытанию быть другим, искусство подходить к себе критически: как к встрече, как к событию.

Таким образом, история мифа – это обращение, встреча и диалог двух миров, двух времен, двух систем. Так стираются различия между птолемеевской и коперниканской системами: по сути, это движение времени в осмыслении себя, поэтому нет нужды затевать тяжбу о бытии там, где она является самопознанием и углублением в себя.

«Homo interior»

А.С. Гагарин

Августина Аврелия (Блаженного)

Гагарин
Анатолий
Станиславович
доктор философских
наук

Основы феноменологического и экзистенциального погружения во внутренние глубины самобытия заложил философ, африканский епископ Августин Аврелий (Блаженный) (354-430 гг.). Особо выделяется трактат «Исповедь» (400 г.), который был создан на рубеже античности и Средневековья как опыт общения с самим собой как с другим и созидания самого себя, протекающих под знаком диалога с Богом. Несчастливая, одинокая человеческая душа поистине одинока в этом подлунном мире - ведь Августин отвергает метемпсихоз души, как и существование «растительной» и «животной» душ. Он полагает, что есть только человеческая душа, сотворенная Богом перед рождением человека из «ничего» как вечная, непространственная, неделимая, но имеющая способности (разум, воля и память). Августин увязывает счастье с любовью к Богу и знанием Бога. Несчастливая душа - это душа, скованная любовью к тому, что смертно, и это несчастье существует потенциально, еще до утрат, потерь и последующего разрыва души. Несчастный человек, по Августину - это человек, знающий все, но не знающий Бога, и блажен тот, кто знает Бога, даже если он не знает ничего другого. В «Исповеди» Августин применяет к самому себе модель экзистенциального самоанализа и основывает средневековый жанр *soliloquia*, «одиноких бесед с самим собой» - основы этого жанра встречались в античных (у Овидия, Иосифа Флавия), и особенно в стоических автобиографиях - в «консоляциях» (утешениях), письмах Сенеки, в размышлениях Марка Аврелия - а также формирует теоретические принципы интроспекции (предвосхищая Р.Декарта).

В трактатке сознания Августин следует античным представлениям о познании как уподоблении - подобное познается подобным. При этом уточняется, что душа при познании «идеализирует» (возвышает) низшие объекты (чувственные вещи),

и «идеализируется» сама, стремясь к познанию высших объектов, Бога. Но при самопознании осознание субъектом самого себя не есть «приятие в себе» (восприятие), а есть результат прямого видения, всеобъемлющего созерцания всего содержания субъективности. И сами человеческие состояния - сомнение, заблуждение есть залог сознания и уверенности в истинном и собственном существовании. Августин стремится преодолеть притяжение, «искушение» профанного - говорить только от своего имени и тем самым уподобляться глупцу. Поэтому он уходит от глупости «своезнания» в сакральное, божественно-высшее.

Но экзистенциальный парадокс заключается в том, что «внешним человеком» Бог не постигаем, ведь Бог - не субъект-тело, пусть даже и «огромное светящееся тело», а человек - не «обломок тела», как полагали критикуемые Августин античные философы. Бога можно постичь, возвращаясь к самому себе под руководством Бога в «самые глубины свои», увидеть «внутренним чувством» /генезис платоновско-платиновского термина/, т.е. «оком души», являющимся как бы «главой нашей души». Это око, пусть и слабое, видит Божественный Свет, разгорающийся «над разумом моим», высший свет, ибо он создал человека. «Внутренний человек», «*homo interior*» Августина одержим метафизическим беспокойством, погружен в тайники собственной самости, и вedom высшим законом, укорененным в собственное сердце -Законом Божьим.

И необходимым условием самопознания оказывается одиночество - как внешнее (удинение), так и внутреннее (дистанцированное от всех акциденций самостное погружение в себя). Топология религиозно-экзистенциального познания у Августина хорошо описывается в резюме С.Франка: «Не иди во вне, говорил тот же Бл.Августин. - иди во внутрь самого себя: и когда ты внутри обретишь себя ограниченным, перешагни через самого себя!». Экзистенциальная топика Августина, как он сам отмечает, предопределена Богом, и связана с трактовкой памяти как характеристики «внутреннего человека», содержащей истину как некие потенциальные мысли, актуализируемые через припоминание, ведь душа - средоточие всех времен в настоящем. Так, настоящее-прошлое - открывается через память, настоящее-настоящее - через непосредственное созерцание, настоящее-будущее - через ожидания, чаяния. Человек может отдаляться и отрекаться от себя и опять возвращаться к себе, «как будто он - другой и в другом месте», поэтому человек ищет именно «у себя», в себе. Экзистенциальная топика Августина Аврелия не приемлет пространственных трактовок Бога и души.

Августин не нашел Бога вне, за пределами своей (и человеческой) памяти, но, сколько бы ни бродил Августин по «лабиринтам» памяти, он так и не обнаружил «убежища», «святости» Бога в какой-либо части памяти. Бог - это не телесный образ, не душевное состояние радости, горя, желания, страха, воспоминания, забывания.

Бог - это сама душа, Бог удостаивает память чести быть жилищем Бога со дня познания Бога. В памяти заключено все, но оно не осознается и не мыслится. Истина предстает как негасимый Божественный свет, озаряющий память изнутри ее самой, и память припоминает и представляет прошедшее в настоящем (это и есть «учение»). Озарение (августиновский «киллуминизм» Бога) мистически-трансцендентно,

оно снисходит непредсказуемо, но только на человека, радеющего об этом. Это - иррациональная благодать, акт божественного воления. Но этот акт является ответом на проявление личной воли человека. Акт воли должен предшествовать акту знания. Постигание Бога возможно в следующей последовательности: а) помысливание тела как смертного, земного, подверженного порче, с последующим отвержением тела; б) помысливание других тел, небесных тел, и последующее минование и отвержение их не телом, а умом; в) затем следует отринуть и сам дух, распознающий и взвешивающий на весах мудрости. Причем, нужно отринуть, предварительно сравнив его с плотью, отринуть, ибо дух изменчив (забывчив, избирателен, склонен то к греху, то к праведности), хотя он и лучше всякого тела. И, наконец: г) необходимо миновать свой дух, и излить свою душу, дабы достичь Бога.

«Христианский сократизм» Августина (р. Жильсон) основан на безусловном приоритете экзистенциального опыта «внутреннего чувства», самосознания эмпирического Я (души и тела) перед познанием мира внешнего. Опыт постижения самости и ее божественного «наполнения», содержания складывался из осознания актов воления и свободы воли. Приказывает душе именно воля, поскольку «она одна и себе тождественна», и если приказ не исполняется (как это наблюдалось в описанном выше состоянии Августина), значит, такая воля не целостна. Августин прочувственно называет экзистенциальное, амбивалентное состояние, когда душа одновременно желает и не желает, «болезнью души» - «душа не может совсем встать: ее поднимает

истина, ее отягощает привычка». Это мучительное состояние вызвано разделением «в самом себе» против собственной воли. Августин спорит с «суесловами и соблазнителями», утверждавшими, что в человеке живут две души двух природ - добрая и злая (ведь зло - это не субстанция, согласно Августину). И «ветхий человек», человек плотский и «новый человек», человек духовный, которые борются в душе человека - это одно и то же Я. Эта амбивалентность и является воплощением наказания, созданного не самим человеком, а грехом - следствием кары Адаму за проявление «адамической» вольной воли». Будучи свободной личностью, созданной таковой Богом, человек осуществляет нравственный выбор и несет воздаяние за него. Выбор в пользу

добра или в пользу зла - есть внутренняя борьба разделенной души, столкновение противоположных интенций души (intentio как термин возникает именно в это время). Но это не спор двух воль, не борьба двух душ; это - неполнота, нецелостность воли, греховная «болезнь души».

Экзистенциальная проблематика смерти постигается Августин

Аврелием в соответствии с феноменологической топикой раннего христианства, предусматривающей «сокровенное домоустройство» внутри самого себя. Люди в ту пору назывались «домочадцами у Бога»: Так, Христос - это сын в доме Бога, Дом Бога - это верующие (Евр.3:6; Тим.3:15). Человек может свободно выбрать «созидание в себе храма» и, очистившись от «адамова наследства», стать праведником, жить «по духу» и в конце получить вечную жизнь. Или же человек будет «рыть в себе могилу», падать духом и живет только «по плоти», в грехе, что ведет человека к внутренней, настоящей «вечной смерти». Воля Божья предписывает человеку полюса притяжения и отталкивания - держаться мира горнего, удаляться от мира дольного (т.е. умирать для этого мира), очищая «чистотой сердца» внутреннее око, способное видеть Бога. Путешествие в Град Божий начинается внутри (изнутри) самого человека.. Августин считал, что для уразумения воли божьей необходимо иметь 7 условий: Страх Божий, дух благочестия, степень знания, степень силы (крепости), совет милосердия, чистота сердца, мудрость.

Проблема жизни и смерти, обозначается в августиновой «Исповеди» как вопрос об определении

бытования человека в «этом» мире - «мертвой жизни или живой смерти». Из трех состояний человека: человек живущий (до смерти), человек в смерти (умирающий), человек умерший {после смерти}, самое трудное для определения состояние человека умирающего (в смерти). Этот момент теряется между пребыванием «до смерти» (ведь человек не может быть одновременно живущим и умершим) и состоянием «после смерти». Следовательно, никогда человек не представляется умирающим, находящимся в смерти. Между тем, Августин не хочет идти путем Эпикура и отрицать саму телесную смерть, ведь тогда рассуждения о «до» и «после» смерти оказались бы пустыми словами, и жизнь без смерти стала бы раем. Тогда как смерть не только есть - она мучительна, невыразима и неизбежна. Августин в результате лингвистического анализа приходит к мысли о том, что умерших до их воскресения называют находящимися в смерти, однако не называют умирающими. На основании того, что глагол «moritur» (умирать) в латинском языке не склоняется, как прочие глаголы, и, играя значениями слова «declinare», делает вывод: обозначаемое этим глаголом, т.е. смерть, не может быть склоняемо и отклоняемо.

Прошедшее время от слова moritur образуется при помощи удвоения буквы «и» - «mortuus», т.е. как бы для склонения того, что не может склоняться, вместо причастия прошедшего времени употребляется имя (например, «/аШт»-сумасбродный). Однако человек, не будучи в силах отклонить смерть, при помощи благодати Христа, может отклонить по крайней мере вторую смерть, ибо она и есть самое худшее из всех зол, поскольку не состоит из отделения души от тела (как первая смерть), а скорее обнимает и душу и тело для вечного наказания. Именно во второй смерти люди окажутся постоянно в смерти (а не «до» и «после» смерти), никогда не будут живущими или умершими, а будут без конца умирающими. «Бессмертная смерть» и есть для человека самое худшее в смерти.

Августин заложил основы христианских представлений о смерти: смерть приходит быстро, и от нее не убежать. Человек пребывает в этом мире в изгнании, и он не должен ни на что в здешнем мире возлагать надежд - о чем ему напоминают постигающие напасти, злключения, возвращающие его к самому себе, т.е. к своей душе. Соединение души и тела - благо для души, ведь тело - не темница души, а ее средоточие, основа индивидуальности и бессмертия души. Человек, обладая душой как совершенной формой, способной существовать без материи, оказывается в иерархии сущего посредине

между ангелами и животным миром. Пребывание в брненном теле обрекает человека на грех и жизнь в тоске, скорбь и лишение истинного блаженства. Человеку необходимо пребывать в терпении, в ожидании милосердия Бога и поглощения бед и смерти жизнью.

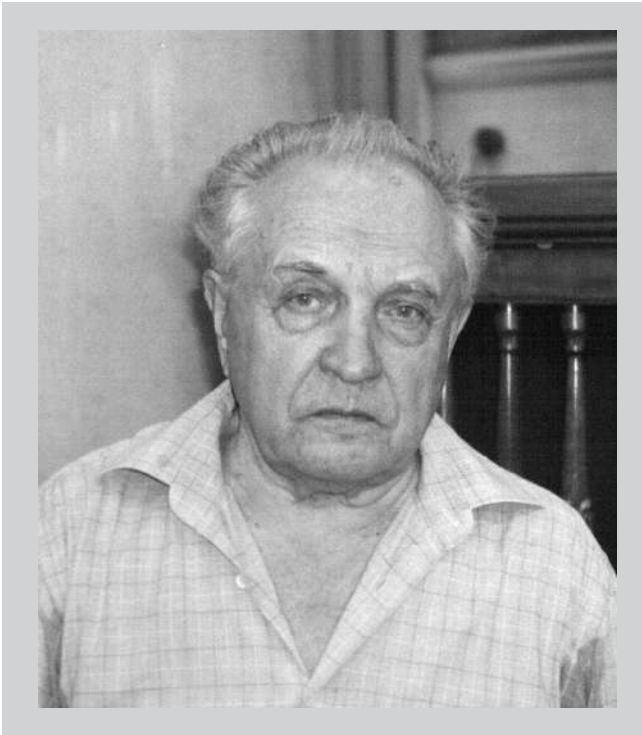
Спасение подготавливается исповедью, причастием и неизреченной благодатью благоговения, нисходящей на человека неизъяснимо и непредсказуемо, как священное таинство. Чем решительнее отречется человек от всего в этом «дольнем мире» и «умрет для себя в самопрезрении», тем быстрее придет к нему благодать, и человек будет устремлен к Богу отныне и до скончания века. Залогом этому будет собранное при жизни богатство нетленное - презрение к миру, преуспеяние в добродетели, любовь к порядку, покаянность, повиновение, самоотречение («самоумертвление»), терпение во имя любви Христовой, «добрые дела» (при всей известной дискуссионности этого требования, актуализированной впоследствии Лютером и его сподвижниками).

Августин Аврелий говорит о существовании семи степеней души, ступеней «уразумения воли Божьей». Если первая и вторая - растительная и животная - не отделяют человека от других живых существ, то с третьей степени (ей присущи память и речь) начинаются специфически человеческие признаки. На четвертой ступени присутствует страх смерти, но также и стремление к добру и «прислушивание к авторитету мудрых». На пятой ступени «очищенная душа» освобождается от страха смерти. Шестая и седьмая характеризуются возрастающим стремлением к Богу, т.е. созерцанием истины. Седьмой ступени способен достичь не каждый человек, простые смертные имеют возможность следовать путем веры в авторитет.

Экзистенциальная топика Августина Аврелия не приемлет овнешненно-пространственных трактовок Бога и души. Августин писал в «Исповеди», что постижение Бога возможно «не плотским зрением», Бог «бесконечен по-другому», т.е. он не просто разлит в бесконечном пространстве, а пребывает в памяти, поскольку человек помнит и вспоминает Бога., Бог - это не телесный образ, не душевное состояние радости, горя, желаний, страха, воспоминания, забывания. Бог - это сама душа, Бог удостоивает память чести быть жилищем Бога со дня познания Бога. В памяти заключено все, но оно не осознается и не мыслится. Истина предстает как негасимый Божественный свет, озаряющий память изнутри ее самой, и память припоминает и представляет прошедшее в настоящем.

«Я БЫЛ РОМАНТИЧЕСКИМ КОММУНИСТОМ И ОСТАЛСЯ ИМ...» ИНТЕРВЬЮ С А.А.ЗИНОВЬЕВЫМ

И.Б. Фан

В начале мая 2006 года ушел из жизни Александр Александрович Зиновьев – писатель, ученый с мировым именем, специалист в области логики и методологии науки, социолог, публицист; доктор философских наук, профессор. Так получилось, что наше интервью с ним стало одним из последних. Его ответы были краткими, мы публикуем их, отдавая дань уважения и памяти человеку, писателю, ученому, гражданину, так и не примирившемуся с гигантским разрывом между коммунистическими идеалами и столь далекой от них действительностью.

Александр Александрович родился 29 октября 1922 г. в деревне Пахтино Чухломского района Костромской области. В семье было девять детей. Жили голодно. Учился он в школе четырехлетке. Отец и брат занимались отходничеством в Москве, снимая 10-метровую комнатку, куда постепенно, лишь к 1945 г. переехала и вся семья. В 1933 г. Александр поступил в московскую школу. В 1938 г. он стал членом террористической группы, намеревавшейся уничтожить Сталина, занимался пропагандой антисталинских взглядов. Был арестован, и в камере на Лубянке юноша впервые спал на отдельной кровати. Потом бежал. Был объявлен во всесоюзный розыск. Скрываясь от органов, странствовал по стране. Однажды, во время облавы на одной из железнодорожных станций, он был задержан. Перед ним возник выбор: либо тюрьма, либо армия. Он выбрал армию.

В 1940 г. Александр Александрович попал в армию

на Дальний Восток, где служил в кавалерийском полку. В начале 1941 г. его направили в танковый полк, где он был единственным человеком со средним образованием. Затем полк перевели на запад. Войну А.А.Зиновьев встретил на Украине, ее начало видел собственными глазами. После переформирования частей, вышедших из окружения, его послали в авиационное училище. Там он подал рапорт о возвращении его на фронт, за что попал на гауптвахту. После окончания училища был направлен в авиационный полк, в составе которого из 300 служащих было только 42 летчика, осуществлявших боевые вылеты, в числе которых он состоял, и 42 воздушных стрелка. После окончания войны в 1946 г. А.А. Зиновьев подал рапорт о демобилизации из армии.

В 1951 г. он окончил философский факультет МГУ, а в 1954 г. – аспирантуру, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Логика «Капитала» К. Маркса». В 1959 г. А.А. Зиновьев стал доктором философских наук, его диссертация называлась «Философские проблемы многозначной логики». С 1955 по 1976 гг. он работал в Институте философии АН СССР. В 1963 – 1969 гг. Александр Александрович работал по совместительству на кафедре логики философского факультета МГУ, с 1965 по 1967 гг. был заведующим этой кафедрой. С 1965 по 1976 был членом редколлегии журнала «Вопросы философии».

В 1976 г. после публикации в швейцарском издательстве «Age d'homme» романа «Зияющие высоты» А.А. Зиновьев был уволен со всех должностей и лишен всех званий, включая доктора философских наук и профессора, с формулировкой «За несоответствие должности и званиям». В начале 1990-х гг. его восстановили в званиях. Более 21 года он жил в Мюнхене, занимался литературной, публицистической и педагогической деятельностью. В конце 1990-х гг. А.А.Зиновьев вернулся в Россию. В последние годы Александр Александрович являлся главным научным сотрудником отдела этики Института философии РАН, профессором Московского гуманитарного университета и кафедры этики философского факультета МГУ. А.А. Зиновьев – инициатор и первый президент Русского интеллектуального клуба при Московском гуманитарном университете («Клуба А. Зиновьева»).

Основополагающим принципом теоретических построений А.А. Зиновьева стало применение средств современной логики к анализу языка науки. Особо значимой для него задачей логики была разработка формального аппарата для анализа понятий, высказываний и доказательств. Наиболее

интересными из полученных А.А. Зиновьевым результатов являются анализ фундаментальных понятий физики и разработка понятийного аппарата наук об обществе, особенно его анализ обществ коммунистического типа.

В 1982 г. А.А. Зиновьев был удостоен премии А. Токвиля за лучшую книгу по социологии (работа «Коммунизм как реальность»), в 1992 г. - национальной литературной премии Италии (за книгу «Живи»). С 1975 г. он был членом Финской Академии наук, Баварской и других академий, Почетным гражданином ряда городов, а также - награжден многочисленными иными степенями и званиями.

А.А. Зиновьев автор более ста научных и публицистических работ, в том числе свыше 55 монографий и книг, изданных в России и за рубежом более, чем на 25 языках мира. Работы по логике: Философские проблемы многозначной логики. М., 1960; Логика высказываний и теория вывода. М., 1962; Philosophical problem of Many-valued logic. Dordrecht, 1963; Основы логической теории научных знаний. М., 1967; Logic und die Sprache der Physik. Berlin, 1975; Non-standard logic and its application (lectures). Oxford, 1983, и другие. Работы по социальному анализу: Без иллюзий. Lausanne, 1979; Коммунизм как реальность. Lausanne, 1981; Мы и Запад (статьи, интервью, выступления). Lausanne, 1981; Die Diktatur der Logik. München, 1985; Горбачевизм. Нью-Йорк, 1988 и другие. Художественно-публицистические работы: Зияющие высоты. Lausanne, 1976; М., 1991 (пер. на франц., англ., нем. яз.); В преддверии рая. Lausanne, 1978 (пер. на франц. Яз.); Светлое будущее. 1978; Желтый дом. В 2-х томах. Lausanne, 1980 (пер. на франц. и англ. яз.); Рука Кремля. Париж, 1986 (пер. а нем. яз.); Катастрофа. Берлин, 1988 (пер. на нем. яз.); Затея. М., 2000; Русская трагедия, М., 2002 и другие. Есть изданные, но лежащие на складе книги, в их числе Распутье. М., 2001.

А.А. Зиновьев связан и с Уральской философской школой. Во времена «хрущевской оттепели» Александр Александрович учился в аспирантуре МГУ. Параллельно на философском факультете учился К.Н. Любути. Константин Николаевич отмечает, что в то время он испытал значительное влияние личности и взглядов А.А. Зиновьева. К.Н. Любути занимался в научном студенческом обществе. Самыми популярными и посещаемыми секциями НСО были те, что вели А.А. Зиновьев (секция логики) и Э.В. Ильенков. Значительными событиями для факультета того времени стали защиты кандидатских диссертаций А.А. Зиновьева «Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса» и Э.В. Ильенкова «Некоторые вопросы диалектики в «Капитале» К. Маркса». К.Н. Любути вспоминает, что интерес к работе был такой, что студенты, члены НСО, размножили диссертацию А.А. Зиновьева. Скинувшись по 30 рублей, что для

того времени было существенно для студента, они распечатали диссертацию на папиросной бумаге. К.Н. Любути долго хранил свой экземпляр, пока бумага не испортилась окончательно. На самой защите А.А. Зиновьева прозвучала фраза, ставшая легендарной. Зав. кафедрой логики Черкесов В.И., фактически ровесник А.А. Зиновьева, тоже участник ВОВ, но обладавший другим статусом, задал диссертанту каверзный вопрос: «Почему у Вас нет ни одной ссылки на работу Ленина «Философские тетради»?» На что А.А. Зиновьев ответил: «Это столь великая работа В.И. Ленина, что я положил ее в основу всей диссертации, поэтому у меня не было необходимости ее цитировать». Лишь недавно К.Н. Любути узнал, что они с А.А. Зиновьевым земляки - Зиновьев родился в деревне Пахтино Чухломского района Костромской области, а К.Н. - в деревне Папулиха соседнего - Мантуровского района той же области.

- Александр Александрович, какие важнейшие факты, события, возможно, потрясения Вашей жизни привели к тому взгляду на жизнь, который Вы выражаете в свои книгах? Как Вы стали антисталинистом?

- Антисталинистом я стал с ранней юности. Ни антикоммунистом, ни коммунистом я не был. Просто с детства был бунтарем, придерживался принципов свободы. Считал себя суверенным государством из одного человека. После смерти Сталина я перестал быть антисталинистом. Полностью ушел в исследовательскую работу. Всегда был лояльным советским гражданином. Думаю, что за всю жизнь не совершил ни одного позорного поступка. Не допускал «греховных дел даже в мыслях. Научился не думать о людях плохо. Я был романтическим, утопическим коммунистом и остался им. Но «казенным» коммунистом не был никогда. Много раз в жизни подвергался опасностям, скрывался от преследований. Короче говоря, жизнь меня не очень-то баловала. Но ни о чем не жалею.

- Не могли бы Вы рассказать, как Вам удалось сбежать после ареста? Ведь, насколько я знаю, это было невозможно.

- Это было дело случая. А сбежать проблем не было. Была война. Хаос. Неразбериха. Забавно, что к этому я вообще не прилагал усилий, получилось как бы само собой. Потом про меня Органы вообще забыли - я ведь был все-таки мелюзга. Зачем я им? К тому же, я ни от кого и ничего не хотел, никому не был вреден. Исполнителен. Аккуратен. Главное - учился и овладевал знаниями с колоссальной быстротой. У меня, между прочим, никогда не было конспектов, всяких бумаг. Я все (почти все!) запоминал с одного раза и наизусть.

- Какие события привели к Вашей эмиграции?

- В эмиграцию меня просто выгнали. Лично я этого не хотел. На Запад не рвался. И на Западе не развлекался, а работал. Зарабатывал на жизнь.

- Как сложилась Ваша жизнь на Западе? Почему Вы захотели вернуться?

- Вернулся, потому что для моей страны сложились необычайно трудные условия. Вернулся, чтобы разделить судьбу моего народа. Нигде, кроме России, заканчивать жизнь не хочу.

- Ваши публикации наполнены множеством новых терминов, создателем которых являетесь Вы, сама форма, стиль Ваших произведений свидетельствуют об особой чувствительности к языку, у Вас специфический авторский дискурс. Как рождались такие термины, как вырабатывался Ваш стиль?

- На это ушли многие годы работы, десятки лет. В моих книгах все это описано в деталях.

- Как Ваши исследования в области математической логики повлияли на Ваши философские взгляды?

- Очень серьезно, даже радикально. Я ведь буквально полностью, заново переработал методологию философских наук и открыл совершенно новое понимание не только логики, но и ряда других наук, включая социологию. На Западе меня называли Моцартом социологии и логики. Не знаю, найдутся ли ученики, которые хоть что-то усвоят? Сомневаюсь. Сейчас в мире наступило тотальное помутнение умов, и надежды на просветы у меня практически нет.

- В последнее время выходило множество Ваших статей и книг, но читателям будет чрезвычайно интересно познакомиться с Вашей нынешней оценкой настоящего. Не могли бы Вы определить социальный строй и систему власти, которые сложились в последние годы? Много ли общего в них с советской системой?

- Советский строй разрушен. Вряд ли удастся его восстановить или хотя бы улучшить сложившуюся ситуацию. В шутку я определяю нынешний строй как самодержавие, но без царя в голове. Никаких надежд на серьезный подъем не имею. С советской системой этот строй не имеет ничего общего.

- В одной из публикаций Вы утверждаете, что коммунизм – это единственный путь избежать гибели для всего человечества. Как из критика реального коммунизма Вы стали его защитником?

- Я апологетом коммунизма никогда не был и не являюсь. Это не мое дело. Если какие-то фразы и мелькали, то это время уже прошло. Коммунизм убит, ни на что сейчас он не способен. Те, кто считает себя коммунистами, безответственные болтуны. Они ничего уже не понимают. Это отмирающий балласт, просто – какие-то остатки прошлого.

- Как Вы думаете, складывается ли сейчас какая-то государственная идеология, способная мобилизовать страну на выход из существующих противоречий? За какой идеологией будущее в России?

- Идеология, конечно, складывается. Но жалкая,

пустая, разрушительная, лживая и абсолютно бесперспективная. Не исключено, что в будущем родится какая-то новая идеология. Но я не знаю, какая и когда. Скорее всего, на ближайшее тысячелетие людям грозит идеологический мрак, помутнение умов, тотальное поглупление.

- Возможен ли некий синтез либерализма и марксизма, на Ваш взгляд?

- Исключено на 100 %. Россия не имеет и не способна иметь дееспособную идеологию. Она просто в состоянии разрухи.

- Что Вы думаете о православии как возможной государственной идеологии?

- Православие – дремучая средневековая идеология, которая способна лишь на одно: загнать Россию в могилу.

- Видите ли Вы что-либо позитивное в тех изменениях, которые произошли в России за последние 15-20 лет? Перефразируя И. Канта, хочется спросить, на что может надеяться рядовой россиянин?

- Ни на что. Только на случай и на свою удачу.

- Какие книги или статьи отечественных и зарубежных философов, вышедшие в последнее время, Вы бы отметили как интересные?

- Я могу отметить лишь некоторых умных авторов с высоко развитым интеллектом. Например, академик А.К. Гусейнов очень способный человек. Он лучше многих понимает все. Но он – одиночка. И ему еще надо много учиться. Попадают одаренные мальчики. Но их – раз-два – и обчелся. Надо все создавать буквально с нуля. Мы оказались у нулевой черты.

- Какую из множества вышедших на Западе и в России Ваших книг Вы считаете самой главной?

- У меня нет главной книги! Все они вместе образуют одну единственную гигантскую книгу. В моих книгах нет ничего лишнего. Они слишком концентрированные. Потому их трудно читать. Мой совет: читайте, что подвернется под руку из моих работ. Вдруг что-то блеснет.

- Расскажите, пожалуйста, о том, над чем Вы работаете в настоящее время?

- В настоящее время сражаюсь с болезнью.

- Что бы Вы пожелали авторам и читателям альманаха «Дискурс-Пи»?

- Разумеется, добра. Как можно больше добра.

Фан

Ирина Борисовна

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

ДИСКУРСИВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

А.Е. Спасский

**Спасский Александр
Евгеньевич**кандидат политических
наук,
генеральный директор
издательского дома
«Дискурс-Пи»

E-mail: spas@drploko.ru

Управление социальными системами в общем и целом можно разделить на три составные части: а) управление внутрисистемными и кросс-системными коммуникациями, где ключевыми звеньями выступают люди – кадры, персонал, должностные лица, партнеры, инвесторы, клиенты, конкуренты и т.д. (коммуникативный менеджмент); б) управление технологическими процессами и функционированием структурных подразделений системы (административный менеджмент); в) управление перспективным развитием системы (стратегический менеджмент). В настоящей работе мы остановимся на ряде аспектов коммуникативного менеджмента как науки и искусства управления людьми. Управление людьми как наука и искусство предполагает использование такой системы методов управленческого воздействия, которая приводит к следующему эффекту: люди начинают действовать в рамках порученных им обязанностей так же, как если бы они поступали по собственной инициативе.

В целом же, управление людьми включает три основные функции: 1) обеспечение выгоды для управляющих и управляемых (экономическая функция); 2) обеспечение подчинения управляемых с помощью властных ресурсов (политическая функция); 3) обеспечение согласования интересов и взаимопонимания участников коммуникации (дискурсивная функция).

Одновременная реализация всех трех функций – показатель эффективности управленческой системы. На сегодняшний день в теории управления менее всего изучена его дискурсивная функция. Ее реализация связана с применением определенного комплекса знаний, технологий и умений в сфере дискурсивного воздействия. Для обозначения данного теоретико-практического комплекса мы предлагаем ввести в оборот понятие «дискурсивное управление».

Изучение теории и практики дискурсивного управления может осуществляться с нескольких точек зрения.

Во-первых, с точки зрения того, с кем мы коммуницируем.

Многие полагают, что любое управление идет только по вертикальной схеме: от начальника к подчиненному. Однако, это не так. Коммуникативный менеджмент имеет гораздо более сложную конфигурацию межсубъектных отношений. Он включает в свою орбиту сетевые коммуникации, предполагающие отношения симметричного и ассиметричного партнерства, а также отношения посредничества, в том числе в лице представителей СМИ и PR-специалистов. Коммуникативный менеджмент обеспечивает социальн-статусное и карьерное продвижение не только по вертикали, но и по горизонтали.

Дискурсивное управление формирует мультисубъектное коммуникативное пространство, в которое вовлечены все субъекты (агенты и контрагенты) управленческой системы. При этом каждый из субъектов в зависимости от векторов, целей и содержания коммуникации, в которых он задействован, исполняет определенный репертуар ролей, представая перед разными участниками коммуникации то в одном, то в другом качестве. В соответствии с тем, куда направлены основные векторы коммуникаций – вовнутрь системы или за ее пределы, – можно выделить в качестве отдельных видов внутреннее дискурсивное управление и внешнее дискурсивное управление.

Можно также обозначить устойчивые модели межсубъектных ролевых отношений, на которые ориентируются разновидности дискурсивного управления. Внутреннее дискурсивное управление ориентируется на следующие ролевые модели: а) «начальник-подчиненный»; б) «мы – коллеги»; в) «мы – одна команда». Внешнее дискурсивное управление выстраивается с учетом таких ролевых моделей, как: а) «мы – стратегические союзники»; б) «мы – тактические партнеры»; в) «мы – конкуренты». Следует отметить, что управление поведением конкурентов – одна из важных задач дискурсивного управления как науки и искусства.

Во-вторых, дискурсивное управление можно рассматривать с точки зрения способов дискурсивного воздействия на участников коммуникаций, в соответствии с которыми могут быть выделены следующие три типа дискурсивного управления.

Первый тип дискурсивного управления можно условно назвать «вирусным», поскольку в нем задействованы технологии распространения инфовирусов, осуществляющих эмоционально-психологическое воздействие на сознание и подсознание человека. В результате «зараженные» субъекты начинают сами продуцировать

психологические и ценностные установки, необходимые для той или иной модели коммуникации.

Второй тип дискурсивного управления – «символический». Он связан с выработкой символики, ритуалов, кредо или миссии, объединяющих в одно целое всех субъектов коммуникации. Здесь главную роль играют технологии формирования фирменного стиля, бренда, а также приемы и методики тимбилдинга.

Третий тип дискурсивного управления – «риторический». Здесь включаются технологии убеждения, логической и научной аргументации, активно применяются риторические фигуры, усиливающие воздействие не только на рациональные, но и на эмоциональные пласты сознания.

Риторическое управление предполагает использование в качестве убеждающего аргумента примеры из жизни успешных личностей и звезд. В данном случае расчет делается на то, что сработает психологический механизм подражания и известная тяга людей к идентификации с авторитетными и популярными людьми.

Необходимо отметить, что, говоря о риторике в дискурсивном управлении, мы имеем в виду не только вербальное воздействие на сознание управляемых субъектов, но и риторику сконструированного убедительного имиджа, а также риторику мультимедийных знаковых форм. К мультимедийной управленческой риторике можно отнести приемы проведения ауди-визуальных презентаций, интернет-конференций, организацию виртуальных мастерских.

В-третьих, векторы усилий и технологии дискурсивного управления детерминируются ценностными ориентациями адресных субъектов.

Существуют люди, и их много, для которых главными ценностями выступают внешние атрибуты престижа и успеха. Таким людям принципиально важно окружить себя предметами, символизирующими их благополучие, статусность потребления и избранность. Управлять такими людьми проще всего. Важно внушить им мысль об исключительной важности для повышения их статусности тех благ, которые ты им обещаешь и продаешь. И тогда они выстроятся к тебе в очередь.

Для других доминирующими выступают патриархальные ценности, связанные с культом сильного отца семейства. Управлять такими людьми в технологическом плане несколько сложнее. Главная задача состоит в том, чтобы сформировать у управляемых убеждение, что за тобой, как управляющим, стоят очень мощные и влиятельные силы. И тогда большая часть из патриархально мыслящих подчиненных пойдет за

тобой как за сильной личностью.

Сложнее всего управлять людьми, для которых базовыми ценностями выступают самостоятельность и максимальная личностная реализация. Такие люди сами выстраивают для себя жизненные стратегии и сценарии. Только такие люди могут, планируя свою жизнь, добиться не только символически-престижного и статусного социального положения, но и стать лидерами, вождями, звездами успеха. Из них могут получиться сильные и успешные менеджеры.

По настоящему сильный менеджер формирует и позиционирует себя как Звезду. Чтобы стать Звездой, необходимо посредством всех аспектов управления (экономического, политического, дискурсивного) решить следующие задачи:

1) Сформировать вокруг себя клан своих сторонников и соратников (дискурсивный подход).

Важно, чтобы клан не просто возник, а был бы постоянно растущим. Для этого легче всего не заново создавать свой клан на пустом месте, а вычленив его среди постоянно развивающегося большого клана.

Необходимо, чтобы ваш клан стал важной составной частью растущего большого клана. Для этого целесообразно: а) Получить специальное образование по дискурсивному управлению. б) Стать постоянным автором идей, статей, книг, популярных среди членов вашего клана. в) Постоянно участвовать в организации обучения других.

2) Распределить права и обязанности членов клана таким образом, чтобы каждый его член чувствовал себя очень нужным и полезным (политический подход.)

3) Помогать членам своего клана постоянно добиваться успеха в получении и использовании материальных благ (экономический подход.)

В конце статьи хотелось бы подчеркнуть, что сказанное выше есть плод не только досужих размышлений автора, но и многолетней практики, позволившей ему постоянно улучшать используемую им систему управления. Тем, кто не согласен с автором, скажу: «В мир нет ересей, есть только разные подходы к истине». Тем, кто в чем-то согласен, предлагаю вместе начинать делать общее дело по тем вопросам, где мы сходимся.

Больше всего автора интересует: а) дальнейшее развитие исследований по дискурсивному управлению, б) издание журналов и книг по этим вопросам, в) использование в практике получаемых знаний, г) распространение постоянно накапливаемых знаний, д) продолжение организации клана людей, с которыми есть какие-то точки идейного соприкосновения.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: МИФ ИЛИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА?

В.А. Медведев

Медведев
Вячеслав
Альбертович
аспирант УрГУ

E-mail:
MVAmet@yandex.ru

Современный этап развития познавательного процесса осуществляется в ходе воспроизводства и развития комплексной, многоуровневой инфраструктуры эпистемологических практик. Это когнитивная сфера, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные уровни, дисциплины, векторы актуализации познавательного процесса. Эпистемологическое пространство науки, особенности его структурирования, воспроизводства, развития оказываются в данном контексте очень интересным и многогранным предметом методологического исследования, один из фрагментов которого, будучи тематическим «полотном» данной научной статьи, связан с вопросами дисциплинарной дифференциации фундаментальной науки.¹

В литературе по методологии науки существуют различные подходы к определению научной дисциплины, которым, в свою очередь, соответствуют различные теоретические модели определения конкретных наук. Для примера имеет смысл обратиться к одной из возможных трактовок социологии как науки. В самых общих чертах она характеризуется как наука о типичных проявлениях жизни общества в контексте воспроизводства и развития функционально интегрированных в пределах качественной обусловленности «социального» процессов и явлений, которые опосредуют структурирование и содержательное наполнение пространства человеческой жизнедеятельности. Эта трактовка отображает «некоторые» важные положения, относительно которых социология идентифицируется в качестве таковой². И в то же время подобное определение социологии не является исчерпывающим, во-первых, в силу его формальности и, во-вторых, из-за «расплывчатости» характеризующей в нем социологической проблематики.³

Идентификация науки осуществляется в этом случае относительно «ядра» соответствующей системы знания – интегративных параметров, которые в качестве наиболее общих признаков (социальность, типичность и прочие) формируют общее представление о научной дисциплине, исходя из предмета ее изучения, но в то же время не проявляют собой особенностей структурной, парадигмальной, тематической организации социологического познания. И это не случайно, поскольку знание и познание – это не одно и то же. Хотя эпистемологически научная дисциплина, действительно, является системой знания⁴, методологически она оказывается инфраструктурой методов, когнитивных стратегий, эпистемологических практик, то есть воспроизводимых и развивающихся способов формирования знания.

Идентификация научной дисциплины традиционно осуществляется исходя из предмета ее изучения. По-видимому, использование данного принципа является вполне оправданным. Однако, во-первых, по мере развития познавательного процесса меняется модель предмета науки⁵, а, во-вторых, опираясь на одну и ту же модель «предмета», научную дисциплину уместно концептуализировать и как результат, и как процесс формирования знания. А это опосредует проявление хотя и взаимосвязанных, но, тем не менее, различных представлений о конкретной науке, что требует от исследователя четкого понимания, какой стратегии концептуализации изучаемого объекта он придерживается, говоря о предмете, структуре и особенностях соответствующей научной дисциплины.

С точки зрения методологии наука интересна, прежде всего, как процесс развития эпистемологических практик. А это делает актуальным обращение к вопросу об изменении модели предмета научного изучения, тем более что данный вопрос имеет существенное значение в контексте определения критериев дисциплинарной дифференциации фундаментальной науки.

Различные эпистемологические структуры и, в частности, модель предмета науки преобразуются по мере эволюции научной рациональности. На современном этапе развития последней конститутивное методологическое значение приобретает принцип социокультурной обусловленности познания⁶, согласно которому научный факт оказывается социокультурным конструктом. И это имеет принципиальное значение с точки зрения идентификации предмета науки.

Предмет науки традиционно определяется в качестве фактологической области, изучение которой требует определенного методологического инструментария и является условием формирования идентичности соответствующей научной дисциплины. При этом в классической науке подобная «фактологическая область» идентифицируется в качестве устойчивого фрагмента объективно существующего и независимого от субъекта познания (исследователя, сообщества, человечества в целом) мира. В данном случае окружающий мир рассматривается в качестве «объективно заданного порядка вещей», к постижению которого наука стремится приблизиться, вырабатывая определенные методологические инструменты, теории и открывая на их основе объективные законы и принципы существования изучаемого объекта.

В то же время некоторый фрагмент действительности определяется как существующий постольку, поскольку имеет определенную конфигурацию, механизмы, законы воспроизводства, развития. Предмет науки разворачивается в виде системы координат, в которой определенным образом взаимодействуют объекты, явления, происходят процессы воспроизводства и развития данного фрагмента действительности. А поскольку подобная фактологическая область трактуется в классической науке как существующая безотносительно к субъекту познания и интегрирующей его дисциплине, названная система координат оказывается частным проявлением «объективно заданного порядка вещей», что, таким образом, онтологизирует предмет науки, позволяя говорить о, так называемом, «территориальном» принципе его выделения. Окружающий мир представляется в этом случае в качестве множества параметров, которые потенциально постижимы в виде характеризующих его фактов. Подобные «факты» делятся между различными отраслями познания, образуя соответствующие предмету каждой из них фактологические области, между которыми существуют границы, разделяющие (или объединяющие)⁷ разные научные дисциплины.⁸ Именно, в этом смысле различные исследователи констатируют сегодня факт «размывания» границ между разными научными дисциплинами.

Наука не открывает, а формирует систему координат, которая в этом смысле оказывается когнитивной моделью⁹, конституирующей параметры изучаемого наукой предмета, ее фактологической области. Это, конечно, не означает, будто наука работает с «симулякрами», которые сама же и конструирует, однако предполагает, что изучаемый ею объект дан в качестве референта не как таковой, а через призму определенной когнитивной модели.

Принцип социокультурной обусловленности познания означает, что наука в целом и каждая конкретная научная дисциплина работает в формируемой человеком системе координат, которая, подобно любому другому фрагменту

научного знания, сохраняет свою принадлежность научному дискурсу при условии открытости на предмет переоценки, развития, изменения. С точки зрения конституирования предмета научной дисциплины это означает замещение принципа «территориального» деления фактологических зон принципом сосуществования различных измерений онтологического пространства, каждое из которых концептуализируется посредством адекватной когнитивной модели и является самостоятельной фактологической областью.

С точки зрения развития научной рациональности, проблема конституирования научности познавательного процесса перемещается из плоскости ориентации на «заданный порядок вещей» в плоскость стремления соответствовать параметрам «господствующего» когнитивного дискурса. Исследователи в области «методологии науки» характеризуют этот процесс как формирование неклассической научной рациональности. Речь идет об изменении, которое, будучи по своей сути принципиальным, в исторической перспективе оказывается не более чем условием, переходным этапом между классическим и структурно иным, складывающимся в современной науке типом научной рациональности.

Неклассическое познание как таковое едва ли является идеалом научной рациональности. Это методологическая антитеза классическому познанию, которая способствует осознанию ограниченности «традиции», но не содержит в себе методологического ресурса для воспроизводства науки вне подобной традиции. Движение в русле неклассического познания ведет к низвержению, элиминации науки, как и любой другой формы институционализации познавательного процесса. А это означает, что развитие данного «направления» является условием осознания не только ограниченности классического типа рациональности, но в не меньшей степени востребованности методологических наработок, когнитивных структур, позволяющих, преодолевая подобную ограниченность, способствовать развитию когнитивной сферы как инфраструктуры эпистемологических практик.

Любая структура предполагает определенные принципы координации, интеграции ее составляющих. Инфраструктура эпистемологических практик, характеризующаяся как наука, когнитивная сфера, есть многоуровневое, иерархически и функционально дифференцированное, но при этом единое когнитивное целое, которое идентифицируется в качестве такового, а, тем более, воспроизводится, развивается за счет существования в нем интегративной системы координат. Речь идет о механизмах и принципах интеграции его составляющих в единое целое. В классической науке основанием подобной интеграции служит представление о «единстве бытия», единстве мироздания, устройство и законы

функционирования которого наука стремится открыть, постичь и научиться использовать. Разные научные дисциплины изучают различные фрагменты действительности. Но ведь это – фрагменты единого мироздания, следовательно, и знание о нем, процесс его «формирования» образует определенным образом упорядоченную когнитивную целостность.

Тезис, согласно которому принцип «единства мироздания» перестает быть интегративной методологической предпосылкой единства эпистемологических практик, еще не означает его (принципа) отрицания. Данный принцип сохраняет свою актуальность, но при этом за пределами классической научной рациональности он теряет интегративную функцию, так как осознание методологической укорененности эпистемологических практик в структуру исторически развивающихся когнитивных моделей требует искать основания интеграции не в объекте, а в способах взаимодействия «постигающих» его субъектов. Система координат, опосредующая подобное взаимодействие, формируется, воспроизводится, развивается самими исследователями.

Обращаясь к данному положению с позиции отрицания классического идеала научной рациональности (или противопоставления ему) наука, во-первых, лишается «онтологического» основания своей интеграции («заданный порядок вещей» как система координат). Во-вторых, она не имеет возможности сохранить верность себе, опираясь на критикуемую в подобном случае традицию. В-третьих, не имеет оснований для назначения определенного дискурса в качестве доминирующего, то есть являющегося общенаучной системой координат, поскольку это означало бы поступиться «научной честностью», следуя идеологическим принципам.¹⁰ Хорошим примером развития подобной эпистемологической линии являются результаты работы французских исследователей, характеризующиеся в качестве постмодернистской «традиции», американские наработки в области феноменологической социологии знания, «этнометодологии. Отдельно стоит упомянуть о «методологическом анархизме» П.Фейерабенда, концепции «онтологической относительности» У. Куайна, о наработках Франкфуртской школы в области обоснования «тоталитарности» научного дискурса («проект Просвещения»).

Последовательное отрицание классического идеала научной рациональности ведет, в конечном счете, к отрицанию структурности, многоуровневости научного дискурса. А это означает элиминацию науки как инфраструктуры эпистемологических практик и, по сути своей, является деструктивной тенденцией. Именно в этом смысле «неклассическое познание», будучи отдельным типом рациональности, в то же время не является идеалом научной рациональности.

1. В узком смысле термин «фундаментальная наука» применяется для обозначения блока естественнонаучных и математических дисциплин. В этом отношении необходимо отметить, что в данном контексте он используется в более широком значении, которое определяется оппозицией «фундаментальное – прикладное» научное знание и охватывает собой всю область конкретных дисциплин современной науки.

2. Ср.: Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // Социол. исслед. 2002. №8. С.106-113; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 1999. С. 14-37.

3. Не говоря уже о том, что суть любого определения заключается в его ограниченности контекстом.

4. Ср.: Поппер К. Объективное знание. М., 2002.

5. Не содержание, а, именно, модель предмета, которая напрямую зависит от понимания «факта» как эпистемологического образования и, в конечном счете, определяется типом научной рациональности.

6. См.: Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания. М., 1986. С. 4.

7. См.: Зборовский Г.Е. Еще раз о реальных проблемах современной социологии // Социол. исслед. 1999. №9. С.102.

8. Данная модель, безусловно, является схематичной и во многом упрощает процесс изучения окружающего мира в классической науке. Однако подобное «упрощение» касается деталей, нюансов, абстрагирование от которых не искажает сути вопроса.

9. Когнитивная модель – это структура теоретико-методологических принципов, определяющая видение субъектом познания предмета исследования, способы его концептуализации и горизонт когнитивного действия [ср.: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004]. Данный термин близок по смыслу конструкту «концептуальный каркас» [См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001], но в то же время не является его абсолютным эквивалентом, поскольку, будучи когнитивным образованием, имеет не только эпистемологический, но и онтологический статус.

10. См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Манхейм К. Идеология и утопия. Ч.1. М., 1992.

ТРИ СПОСОБА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.В. Ишменев

**Ишменев Евгений
Владимирович**
магистрант факультета
политологии и
социологии УрГУ

E-mail: ishmenev@bk.ru

Особое значение для исследования проблемы сексуальности имеют подходы, ориентированные на дискурсивный способ ее рассмотрения. М. Фуко является одним из наиболее известных авторов, в чьих работах данный подход представлен. Однако стоит заметить, что отдельные выводы, к которым приходит Фуко, вызывают множество споров в современном гуманитарном знании.

Э. Гидденс в своей работе «Трансформация интимности» обращает внимание на такую важную проблему в творчестве Фуко, которая, если для удобства обратиться к терминологии Н. Фэрклоу, может быть обозначена как «технологизация дискурса». Суть последней заключается во введении в дискурс участниками властных отношений различных технологий, которые способствуют «формированию» необходимых субъектов социальных отношений. Что же касается сферы сексуальности, то здесь технологизация дискурса представляется особенно опасной, поскольку касается самых интимных сторон человека. Так, следствием влияния технологизации в силу ее обобщающего принципа выступает вытеснение аффективных стремлений индивида, которые, тем ни менее, продолжают проявляться в дальнейшем, но в своих самых непредсказуемых формах. В общем виде данная проблематика обозначена Фуко, как «изобретение сексуальности, но устранение секса».

Гидденса в большей степени интересует не реакция на существующий дискурс сексуальности, но как параллельно с этим дискурсом могут возникать и развиваться другие дискурсы. В этой связи, ключевым для Гидденса является обращение к феномену «романтизма», который дает возможность по-новому интерпретировать понятие идентичности. Гидденс разделяет два способа утверждения самоидентичности: 1) основанный на «страстной любви» (amour passion); 2) основанный

на «романтической любви».

«Страстная любовь», по Гидденсу, берет свои начала в христианской религии, что, в свою очередь, при утверждении идентичности предполагает отделение индивидом себя от повседневной жизни, а зачастую даже вступление с ней в конфликт. «...Страстная любовь всегда была освобождающей, но лишь в смысле порождения разрыва с рутиной и повседневными обязанностями. Это было как раз то качество страстной любви, которое размещало ее отдельно от существующих институтов.»¹ Примечательно, в этой связи то, что проблематика «христианских универсалий» и «страсти» активно разрабатывается в работах и современных исследователей дискурса идентичности. Особенно среди последователей учения Ж. Лакана (С. Жижек, А. Бадью, Я. Ставракис и др.). Так Бадью в своей работе «Апостол Павел. Обоснование универсализма» вообще подвергает сомнению современную проблематику идентичности. «...всякая идентификация...создает фигуру, выступающую как объект рыночных инвестиций. С этой точки зрения нет ничего притягательнее, ничего выгоднее для изобретения новых фигур монетарной гомогенности, чем сообщество и его (или их) территории. Чтобы эквивалентность стала процессом, требуется видимость неэквивалентности. Какое будущее для меркантильных инвестиций?»²

Признавая за «любовной страстью» попытку вырваться за пределы предписываемой сексуальности, Гидденс указывает, что главное, чего удалось достичь посредством этой страсти – это выйти за пределы социума. В отличие от «любовной страсти», в которой необузданная сексуальность, по сути, всегда преобладает над дискурсом, «романтическая любовь», вводящая в индивидуальную жизнь идею повествования, придает большую значимость дискурсу, обнаруживая в нем способность проектировать ход будущего развития. Здесь дискурс предстает как разновидность «отказа» и «надежды». В качестве примера Гидденс приводит дискурс женщин XIX века, которые, становясь центральной фигурой в семье, оставались противопоставлены мужчинам, основная деятельность которых разворачивалась за пределами семьи и включала удовлетворением своих страстей. Осознание женщинами своего положения сопровождалось как надеждой на изменение своего положения, так и необходимостью с ним смириться.

1 Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 65.

2 Бадью Аллен. Апостол Павел. Обоснование универсализма. Москва, 1999. С. 12.

ПАРАДИПЛОМАТИЯ: ТРАКТОВКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

А.С. Кузнецов

Кузнецов Александр Сергеевич

Аспирант Института философии УрОРАН
E-mail: askuz@mail.ru

Современные процессы в мире и в России формируются в контексте двух глобальных взаимосвязанных тенденций: глобализации и регионализации. Одним из наиболее ярких проявлений регионализации стала тенденция увеличения вовлеченности субнациональных акторов в международные отношения.

Участие субнациональных акторов в международных отношениях - феномен, который в западной политической науке часто определяется как парадипломатия.

Впервые термин “парадипломатия” появляется в 80-х годах XX-го века. Пионерами в использовании понятия “парадипломатия” в качестве аналитического концепта политической науки были профессор Монреальского университета Панайотис Солдатос и профессор университета Нью-Йорка Иво Духачек. Данный концепт появился не на пустом месте. До этого в ходе академических дебатов конца 1970-х- начала 1980-х годов, которые были связаны с изменениями в отношениях между федеральными властями и властями субъектов по вопросам внешней политики, использовалось понятие “микродипломатия”. Автором термина “микродипломатии” был тоже Духачек, который впоследствии поменял его на понятие парадипломатии. Этот переход, как признался Духачек, обусловлен не тем, что “парадипломатия” звучит лучше, чем “микродипломатия”, а тем фактом, что приставка «пара» более точно передаёт смысл того, что за ним стоит: деятельность, идущая параллельно и дополнительно к деятельности центральных властей в дипломатии [Duchacek 1990].

Одно из самых первых упоминаний “парадипломатии” у Духачека появляется в работе 1986 года “The Territorial Dimension of Politics: Within, Among and Across Nations”. “Глобальная парадипломатия состоит из политических контактов различных государств, которые складываются через контакты субнациональных властей не

только с торговыми, промышленными или культурными акторами зарубежных стран, но также и с всевозможными агентами внешних связей национальных правительств”. “Глобальная парадипломатия -- это термин, который может быть использован для описания тех инициатив и действий субнациональных единиц, совершающихся вне границ их национального государства и несущих некий в той или иной мере сепаратистский “message” в рамках экономических, социальных и культурных контактов с иностранными государствами. В этом контексте власти провинций/регионов используют свои торговые/культурные миссии за рубежом как протопосольства или протоконсульства потенциально суверенных образований. Важно и то, что такие миссии могут быть часто рассмотрены именно в таком свете принимающим иностранным государством” [Duchacek 1986].

В более поздней работе “Perforated Sovereignties” Духачек развивает идею участия новых акторов в международных отношениях, выстраивая типологию данных акторов по такому критерию, как уровень дипломатических сношений, выделяя: (1) межграницную региональную парадипломатию, (2) трансрегиональную (макрорегиональную) парадипломатию, (3) глобальную парадипломатию [Duchacek 1990]. При этом из контекста можно понять, что под дипломатическими сношениями подразумевается традиционное понимание дипломатии как процесса, направленного на сближение конфликтующих интересов между правительствами государств. Очевидно, для Духачека нет принципиальной разницы между целями парадипломатии и целями традиционной дипломатии.

В целом данный подход был поддержан и академически подхвачен Панайотисом Солдатосом, который в своем исследовании “An Explanatory Framework for the study of federated States as Foreign-policy Actors” развивает концепт “парадипломатия”. Ориентируясь на работы Духачека, Солдатос выделяет два типа парадипломатии. Первый тип - глобальная парадипломатия, основным качеством которой является участие субнациональных единиц в вопросах, относящихся к международным отношениям в целом. Второй тип -- региональная парадипломатия, которая, в свою очередь, подразделяется на два подтипа: макрорегиональную и микрорегиональную парадипломатию [Soldatos 1990.] Созданная Духачеком и Солдатосом теоретическая база концепта парадипломатии была воспринята большинством исследователей, которые стали использовать данный концепт при изучении международной активности субнациональных единиц.

Проводя анализ развернувшегося дискурса по проблеме концепта парадипломатии, нельзя не упомянуть о неоднозначном вкладе в этот процесс учёного Дер Дериана, который, исследуя современные парадигмы дипломатии, пришёл к выводу о значительной трансформации классической дипломатии. Для обозначения нового феномена в дипломатии Дер Дериан идёт по этимологическому пути, прибавляя к термину “дипломатия” приставку “пара”, которая обозначает “помимо”, “параллельно”. В отличие от Духачека, он не концентрирует своё внимание исключительно на субнациональных нецентральных правительствах как на основных акторах, а расширяет данный список участников

в гносеологический транс, так как делает рамки феномена ещё более размытыми и непонятными. Теперь акторами парадипломатии, исходя из определения Дер Дериана, может быть практически любая организация или даже индивид. Другими словами, Дер Дериан подводит под понятие “парадипломатия” любую международную активность, которая ведётся не государством.

Этот подход не нашёл значительной поддержки у современных исследователей, об этом можно судить, ориентируясь на работы последнего десятилетия, в которых его имя практически не упоминается.

В отличие от принципа “чёрного квадрата”, которым, образно говоря, воспользовался Дер

Дериан для объяснения феномена парадипломатии, Духачек использует модель “чёрного ящика” Истона, которая позволяет даже визуально отследить логику концепта. Модель Истона модифицируется им в своих целях в двух аспектах. Во-первых, иностранное государство добавляется в схему как потенциальный источник активности, который проникает через национальные границы с целью повысить потребности и давление на центральную власть (стрелка 1) или с целью понизить поддержку народом этой центральной власти (стрелка 2). Обе эти стрелки указывают на внешнее вмешательство во внутренние дела государства, которое присуще современному миру. Во-вторых, в схему добавлены территориальные компоненты (провинции, штаты, регионы, земли и т.д.) Стрелка 3 представляет трансграничную региональную парадипломатию, которая заключается в формальных и неформальных взаимодействиях между регионами, кантонами, провинциями, землями, штатами и т.д. Стрелка 4 представляет трансрегиональную парадипломатию, которая заключается в субнациональной международной деятельности с отдалёнными акторами, но которые являются составными частями соседних государств, например, прямые отношения канадской провинции Альберта со штатами Техас и Нью-Йорк, Квебека с Луизианой. Стрелка 5 иллюстрирует глобальную парадипломатию, которая

ведётся между субнациональной единицей и иностранным центральным правительством. Стрелка 6 представляет традиционную систему отношений между центральными правительствами иностранных государств.

Схема. Международные связи субнациональных единиц на основе модели политической системы Дэвида Истона.

парадипломатической активности, вводя в него транснациональные корпорации, международные профсоюзные организации, НКО, индустрию масс-медиа и т.д. [Der Derian 1987]. Этот научный поступок Дер Дериана, безусловно, может ввести

Основываясь на научном дискурсе последних двадцати лет парадипломатию можно определить как участие субнациональных единиц в международных отношениях через установление формальных и неформальных, постоянных и временных связей с иностранными акторами с целью достижения определённого набора задач через различные стратегии действия на международной арене (стратегии и цели субнациональных единиц рассмотрены в следующей подглаве). В зависимости от уровня иностранного актора, с которым имеет отношения субнациональная единица, парадипломатическая деятельность делится по трём направлениям: 1) межграницная (трансграницная) региональная парадипломатия, 2) трансрегиональная парадипломатия и 3) глобальная парадипломатия.

- Литература:
- Aguirre Inaki "Making sense of paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition". In: "Paradiplomacy in action. The foreign relations of subnational actors". L. 1999
- Der Derian "On Diplomacy: a Genealogy of western Estrangement". Oxford 1987
- Duchacek Ivo "Perforated Sovereignities: towards a typology of new actors in International relations". In "Federalism and international Relations. The role of subnational units" Oxford 1990
- Duchacek Ivo "The territorial dimension of politics: within, among and across nations". L. 1986
- Kinkaid John "Foreign relations of Constituent Units", research paper, Forum of Federations, Winnipeg, May 11-12, 2001
- Lecours Ander, Luis Moreno "Paradiplomacy and stateless nations: a reference to the Basque Country". Unidad de Politicas Comparads (CSIC), Working paper 01-06, 2001
- Soldatos Panayotis "An Explanatory Framework for the study of federated States as Foreign-policy Actors". L.1993

ДИСКУРС КОМПРОМИССА VS. ДИСКУРСА ОППОЗИЦИИ

Д.А. Максимов

Максимов Дмитрий Аркадьевич
аспирант Института философии и права УрОРАН

Что следует понимать под феноменами компромисса и оппозиции в контексте дискурса? Можно ли отнести данные понятия к дискурсным формациям или даже к типам политического дискурса? Какой план дискурса наиболее точно характеризует значения дискурса и оппозиции? Изучение этих вопросов преследует цель определить место компромисса и оппозиции в полифонической дискурсной сети.¹

Рассмотрим некий ассоциативный ряд, касающийся так называемой «метафизики» оппозиционного мышления, объединяющей в себе такие проявления общественно-политического сознания, как диссидентство, нонконформизм, протест, и ряд других концептов из области конфликтологии.

Инициатива несогласия подразумевает наличие противоречия, которое следует разрешить. В этом кроется и диалектическая природа «мятежного порыва», берущая свое начало в сознании. Сознание диктует пределы границы, в которых может сохраняться противоречие, так или иначе подавляющее и игнорирующее индивидуальность человека - все то, что он хочет сберечь в себе самом и окружающем мире. В общем и целом, то самое противоречие, и, тем более, его разрешение не обязательно присутствуют в оппозиционном мышлении, поскольку речь идет о реакции на подавление в явной или латентной форме. Вместе с рождением сознания формируется и ценностное отношение к объекту протеста и окружающему миру

в целом. Противоречие в форме «всевозможного гнета» и иных дестабилизирующих обстоятельств как бы наступает на границы терпимости человека и вызывает на начальном этапе элементарное отторжение, схожее по смыслу с реакцией «Хватит!». Практически сразу же это отторжение перерастает в осознание непримиримости с «унизительным порядком». Непримиримость, в свою очередь, вызывает ощущение идентичности со стороной, отрицающей данный порядок, - то есть, с сопротивлением. Сопротивление подразумевает уже не просто отрицание внешних угнетающих факторов, но и несогласие с самим порядком, вызывающим эти факторы. Как только установленный ранее «неподходящий» порядок осознается как объект протеста или сопротивления, он становится предметом противоречия, принесшего конфликт. Сопротивляющаяся сторона начинает защищать свои права, отождествляет их с собственной ценностью и значимостью, а также осознанно противопоставляет себя тому порядку, в котором этим правам не суждено было реализоваться. Пусть ценность еще остается неясной, но когда бунтующий человек ценит защищаемое им право выше, чем самого себя, он интуитивно верит в нечто устойчиво постоянное, достойное, чтобы его сберечь.

Роль конфликта в его современном социально-политическом выражении заключается не в борьбе между социальными группами и не в «классовой борьбе», а в той или иной степени объединенном или спонтанном разрозненном противодействии и выражении несогласия с определенными компонентами современного мирового порядка, с политическим и экономическим «цинизмом», с принятием отдельных политических решений.

Вне зависимости от области конфликта и его широты, данное противоречие подразумевает

противоположность провозглашенного реальному (фактическому). Этим объясняется то, что феномен протестного мышления характерен традиционно обществу западного типа, нежели ориентального. На Западе представления человека о свободе развивались намного быстрее, чем фактическая свобода. На Востоке же практически отсутствует традиция сомнения в авторитете и абсолютной непогрешимости власти. Система восточных отношений предполагает наличие данных раз и навсегда ответов на все возможные вопросы. Например, Камю говорит, что «бунтарский дух может возникнуть только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромные фактические неравенства».² Опять же в менталитете восточного человека заложено признание неоспоримости и высшего назначения господства и иерархии.

Современное западное общество находится в замкнутом круге: необходимость сохранить достигнутые позиции обязывает к консервации парадоксальных моментов. Говоря словами известного отечественного политолога и публициста Бориса Кагарлицкого, «неолиберальные реформы наткнулись на эшелонированную оборону общества, сопротивлявшегося буквально всему – от введения единой валюты до ресторанов «быстрого питания» (в Италии даже появилось движение «за медленную пищу»). Это сопротивление было таким упорным потому, что опиралось на развитые институты гражданского общества и на массы, имеющие многовековой опыт защиты своих классовых интересов. А то, что новый проект «единой Европы» – проект сугубо классовый и агрессивно-буржуазный, трудящееся большинство старого континента поняло довольно быстро. Ни наемным работникам, ни даже основной массе средних слоев новая европейская империя просто не нужна».³

Соответственно, протест – пока существует противоречие, – потенциально возможен, поскольку он идет от индивидуального опыта и напрямую связан с выражением критической позиции индивида. Ценностная сторона протеста заключается не столько в устранении каких-либо различий или несоответствий социального характера, а в стремлении к гражданскому участию. Ральф Дарендорф, описывая современный социальный конфликт, заметил, что «он связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными,

экономическими и политическими средствами. Речь, таким образом, идет о правах, реализующих положение гражданина как статус».⁴

При каких обстоятельствах политические и идеологические факторы играют определяющую роль в формировании потенциала протеста?

Главное основание социального недовольства – относительно низкий уровень доходов, задержка выплаты зарплат, пенсий и другие экономические причины – в настоящий момент носит, как правило, ситуативный, локальный и корпоративный характер, и в результате чего не может найти адекватного выражения в протестной готовности.

«Материалы службы ВР дают основание предположить, что в массовых акциях протеста участвуют не столько находящиеся в трудном материальном положении, сколько те, кому «за державу обидно», то есть те, кто в первую очередь обеспокоен не улучшением своего личного материального положения, а решением общих проблем политического и идеологического характера».⁵

На самом деле характер самоидентификации и социальной идентичности в эскалации протестного напряжения и интенсивности протестных действий играет решительную роль. Само социально-политическое противоречие и возникающие отсюда проблемы ставят субъект недовольства в условия необходимости сформулировать эту проблему и противопоставить себя той силе, которая, по его мнению, допускает или игнорирует ее развитие. Потребность в социально-политической критике берет свое начало именно на этом этапе самоидентификации субъекта.

С другой стороны, оппозиционное мышление в «погоне» за сохранением аутентичности и индивидуальности проявляет себя в форме альтернативного перформанса. И здесь ни о каком подавлении речи не идет.

1. Русакова О.Ф. Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004

2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990.. Стр. 132

3. Кагарлицкий Б. <http://www.vz.ru/columns/2006/4/17/30339.html>

4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. Стр. 55

5. там же. С. 96

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Н.А. Комлева

**Комлева Наталья
Александровна**
доктор политических
наук, профессор,
заведующая кафедрой
истории политической
науки
факультета политологии
и социологии УрГУ

Геополитический процесс, так же как процесс жизни вообще, тесно связан с феноменом выживания. Есть некая «красная линия», предел уступчивости как индивида в его личной жизни, так и геополитического актора в рамках геополитического процесса, за которой – его разрушение вследствие несоблюдения собственных коренных интересов и потребностей. В случае государства такая «красная линия» проводится буквально – это его географическая граница, и ни одно государство не закладывает в свою конституцию право на сецессию составных частей. Имеются и виртуальные, невидимые границы геополитических акторов – это пределы проникновения в их экономическое и информационное пространство. Нерушимость и рост совокупной мощи геополитического актора: экономической, военной, информационной, ментальной – залог не только его выживания, но и развития. Развитие геополитических акторов происходит единственным способом – посредством экспансии во всех возможных геополитических пространствах. Практика показывает, что чем больше совокупная мощь геополитического актора, тем более он стремится эту мощь увеличить, т.е. осуществить дальнейшую экспансию. О.Шпенглер утверждал, что экспансия – это тенденция всякой созревшей цивилизации и видел в этом нечто «демоническое и чудовищное», что заставляет служить себе независимо от того, хочет этого человек или нет, знает он об этом или нет.

Экспансия в форме силового захвата является традиционной для образования территориальных империй и экспансии в физическом пространстве. Однако этот метод по вполне понятным соображениям не применим ни к идеологическому, ни к информационному пространствам, и лишь условно может быть отнесен к пространству экономическому. Вследствие этого появляется понимание того, что пространством не обязательно владеть юридически,

вполне достаточно его контролировать в ключевых точках.

Исходя из реальной геополитической практики, можно подразделить методы контроля пространств на панельные (сплошной контроль соответствующего типа пространства, чаще всего закрепленный юридически) и точечные (контроль, осуществляемый только в ключевых точках). Сегодня, в эпоху чрезвычайной мощи как экономических, так и информационных негосударственных геополитических акторов (глобальные корпорации, СМИ), для реализации имперского проекта континентальной или глобальной экспансии вполне достаточно избирательного и активного осуществления точечного контроля пространств. Панельный контроль пространства может осуществлять лишь чрезвычайно мощный актор. Точечный контроль под силу даже негосударственным акторам.

Российский ученый А. Неклесса [Неклесса, 1999] полагает, что мир Нового времени (Модерна) безвозвратно уходит в прошлое, и на смену ему приходит Постмодерн, уничтожающий основные геополитические конструкции Модерна: национально-государственную систему международных отношений, международное право с принципом государственного суверенитета и классической экономикой. Классическая экономика заменяется «виртуальной экономикой финансовых технологий». Наряду с государством возникают в качестве равноправных такие акторы геополитики, как международные неправительственные организации (НПО) и транснациональные корпорации (ТНК). ТНК все чаще проявляют собственное целеполагание и могут вступать в конфликты с целыми географическими регионами.

В настоящее время ООН насчитывает 35 тыс. ТНК и 150 тыс. их филиалов. Таким образом, ТНК, которые сегодня все чаще называют глобальными корпорациями, в буквальном смысле слова охватывают весь мир. Годовой доход некоторых из этих корпораций вполне сравним с годовым доходом небольшой, а иногда и средней по размерам страны.

Неклесса выделяет еще один актор геополитики Постмодерна – «новые международные структуры власти», т.е. теневые структуры, в частности, мафию.

События 11 сентября 2001 г. присоединили к списку постмодернистских акторов геополитического действия террористические организации.

По мнению А.Неклессы, в геополитике эпохи Постмодерна могут терять значение традиционные представления о центрах силы и балансе сил, поскольку происходит перераспределение влияния

от государственно-политических центров силы к экономическим центрам силы типа Международного валютного фонда или Всемирного банка. В отличие от государств, экономические центры силы практически не поддаются контролю со стороны гражданского общества.

Экономические центры силы меняют не только геополитический ландшафт, их влияние приводит к тому, что «демократия как власть людей уступает место новой форме правления в экономическом мире: недемократической власти денег». Либерализм меняется, «приобретая нравственную глухоту и утрачивая терпимость». Реально складывающийся мировой порядок все больше проявляет себя как *Rex Economicus*. Мировые центры экономической силы создают новое поколение рычагов воздействия, позволяя планомерно и эффективно влиять на обстановку внутри конкретного государства или группы государств (в том числе и вопреки воле их населения). Контроль экономического пространства геополитического соперника уже недостаточно. Цель – изменение всей экономической конфигурации мира для доступа немногих к основным ресурсам и приоритетным формам деятельности.

Итак, мы видим, что, несмотря на разрушение традиционных территориальных империй, сама по себе имперскость не исчезла, но приобрела новые формы и новых акторов. Тем не менее, такой извечный геополитический актор, как государство, отнюдь, не уступает своих позиций в плане реализации имперских амбиций. Государства продолжают оставаться основными акторами геополитического расширения – если не непосредственно, то опосредованно: ТНК, глобальные корпорации или иные геополитические акторы все-таки чаще всего вынуждены прибегать к юридическим возможностям государства для закрепления своего индивидуального геополитического расширения.

Распад СССР, мировой системы социализма и последовавшее за этим почти двадцатилетнее безраздельное господство единственной оставшейся сверхдержавы – США – позволили великим державам беззастенчиво осуществлять «новый империализм», не опасаясь противодействия, ранее осуществлявшегося со стороны социалистического блока.

Но если мир возвращается – на новой основе – к древнему принципу «все можно», дополненному таким же древним правом силы, то мы получаем вместо *balanced international relations – dynamic intra-global relations* [Denemark, 1999]. Говоря по-русски, возрастает неопределенность мирового и локального развития, появляется «открытость результата»,

растет непредсказуемость мирового развития. В условиях традиционной геополитической экспансии, осуществлявшейся государствами в отношении друг друга, сильное государство заведомо выигрывало и входило в пространства слабого, как нож в масло. Теперь же, в мире глобализации актор слабый и вообще не государственный, вооруженный современными коммуникативными, информационными и военными

технологиями может реально расширяться в геополитическом пространстве не просто сильного, но сверхсильного актора.

Постмодерн и глобализация наступили после победы либерализма в холодной войне с нелиберальным миром, отождествлявшимся с мировой системой социализма. Эти явления – выражение разрушения баланса сил и образования однополюсного мира, в котором господствует победивший либеральный Запад. Причем, впервые в мировой истории единственная оставшаяся

сверхдержава и ее западные союзники обладают абсолютной глобальной мощью, т.е. могут навязывать свои ценности всем остальным. Хантингтон выразил это в формуле *the West and the Rest*.

После победы действует два принципа: «победителей не судят» и «горе побежденным». Применительно к рассмотрению геополитической экспансии это означает, что ныне победители осуществляют селекцию акторов экспансии на «чистых», т.е. свободолюбивых и приверженных демократии, и «нечистых», т.е. приверженных авторитаризму. Первые могут и должны осуществлять экспансию относительно вторых во всех видах пространств, а последние – нет, а если попробуют – будут наказаны (судьба бывшей Югославии, Ирака, угрозы в адрес Ирана, Сирии, Северной Кореи).

Является ли такое положение уникальным в мировой истории? С одной стороны – нет, потому что всегда существовало неравенство мощи и навязывание слабым своих правил игры. С другой стороны – да, поскольку на современном этапе мощь некоторых акторов геополитической экспансии приобрела глобальный характер, что и позволяет им навязывать себя и свои культурные и цивилизационные принципы всему остальному миру.

Где же здесь признание равенства прав и уважение прав иного? Да и откуда ему взяться в реальной борьбе за ресурсы развития, прежде всего – невозобновляемые природные ресурсы?

Парадоксальность глобализации отмечает Н.М. Ракитянский [Ракитянский, 2002]. С одной стороны, западный мир закрывается, доказательством чего служит, например, то, что 72% мировых иностранных инвестиций приходится на капиталовложения США,

ЕС и Японии в экономику друг друга. С другой стороны, либеральные принципы развития все глубже проникают в культуру стран остальной части мира. Развитые страны все больше производят информационный продукт, оставляя на долю остальных снабжение их материальными ресурсами. Запад стал средоточием не только high tech, но и high hume. Страны, не способные к high tech/high hume, выводятся за пределы информационной цивилизации и становятся ресурсным элементом.

Страны Севера, прежде всего США, заговорили о «мире без границ», где преобладают нормы либерально-демократической политической культуры. В то же время в странах Юга религиозные и политические лидеры стали рассматривать этот принцип как угрозу своей национально-культурной идентичности и традиционному укладу жизни. Это стало одной из причин роста активности террористических организаций, направивших свою деятельность против развитых стран, их дипломатических представительств, военных объектов и простых граждан.

Глобализация в эпоху Постмодерна – это глобализация экспансии актора, обладающего чрезвычайной мощью, не виданной прежде. Чем могут ответить акторы, не обладающие глобальной мощью? Взять на вооружение принципы Постмодерна – такие, как моральный цинизм, вседозволенность, дисперсность – и противостоять глобальной мощи максимализмом террора индивидуализированных или групповых акторов. В этих условиях, естественно, balanced system геополитики Модерна превращается в dynamic system геополитики Постмодерна с открытым итогом существования и функционирования. В этом смысле открыт и не определен и очередной этап развития геополитической экспансии как процесса, а также ее будущие черты как развивающегося социального института.

Очевидно, что США – это несомненная и единственная сверхдержава современного мира. В современный исторический период экспансия, осуществляемая США, превосходит по совокупной мощи экспансию всех других государств мира. Тем не менее, реальные угрозы изменения, точнее – восстановления баланса сил со стороны региональных сверхдержав Европы (Германия) и Азии (Япония, Китай) заставляют США, несмотря на сохраняющуюся роль единственной глобальной сверхдержавы, озаботиться дополнительной поддержкой своих экспансионистских усилий и приложить усилия по созданию своеобразного пула англосаксонских держав: США, Канады и Великобритании. Их главное общее достояние – единый язык, чего нет в Европе и Азии. «Если США и остальной англоязычный мир смогут совместить свою мощь, они обеспечат создание единого силового центра, вокруг которого будет создано новое мировое сообщество». [Уткин, 2002: 215]

Таким образом, мы видим, что в современном мире геополитическая экспансия великих держав и даже глобальной сверхдержавы не может больше осуществляться в одиночку. Требуется более тесный, чем политический, союз – союз культур, союз менталитетов – то, что Лист некогда называл «большим пространством». В этом – еще одна особенность геополитического мира Постмодерна. Если в мире Модернити «большое пространство» было формой защиты от геополитической экспансии, то в мире Постмодерна «большие пространства» приобретают еще одну функцию – они становятся формой осуществления экспансии.

Итак, на сегодняшний день сформировался не просто индивидуальный имперский актор – таковые существовали на всех этапах человеческой истории, – но некая коллективная империя, получившая название Унилатерала. Глобализация – это экспансия, осуществляемая странами Унилатерала совместно, поскольку их коллективный интерес – глобальное использование ресурсов для поддержания и развития высокого уровня жизни внутри сообщества «золотого миллиарда». Это не отменяет индивидуальных национальных геополитических интересов и индивидуального геополитического поведения отдельных великих держав (так, Германия и Франция на первом этапе не поддержали военную кампанию США и Великобритании в Ираке в 2003 г.). Однако, в целом, имперское ядро современного мира целенаправленно осуществляет коллективную имперскую политику в отношении стран мира, уступающих Унилатералу по совокупной мощи.

Возможна ли в этих условиях реальная демократизация международных отношений?

Разумеется, нет, так же, как она была невозможна всегда.

Однако, отдельные аспекты демократизации государств более низкого геополитического статуса, представляющие реальную базу для осуществления всепространственной экспансии стран Унилатерала, будут этими последними поддерживаться и развиваться.

Перевороты, называемые ныне «цветными революциями», для того чтобы подчеркнуть их демократический характер и показать, что они являются истинно всенародной потребностью – очень эффективная форма контроля пространств. В результате переворота в конкретной стране более мощное государство-экспансионист может получить целый спектр геополитических возможностей: от размещения военных баз и получения выгодных концессий до полного контроля всех видов пространств данного государства. Разумеется, далеко не каждый переворот имеет геополитическую подоплеку и инициируется геополитическим противником, однако в современный период времени политические перевороты активно используются именно в качестве геополитической технологии. Эта форма контроля геополитических пространств

позволяет осуществить геополитическую экспансию без применения такой дорогой в финансовом плане, затратной в аспекте человеческих жертв и осуждаемой международным правом технологии, как силовой захват. Тем более, что попытка силового захвата государства, обладающего ядерным оружием, грозит как ответным ударом, так и загрязнением обширных географических пространств. Гораздо удобнее и дешевле обойтись сменой главы государства или изменением состава и функций трех основных ветвей государственной власти. Эта форма контроля пространств удобна главным образом потому, что реальный актор переворота анонимен, его истинное лицо можно только угадывать. Таким образом, перевороты вполне можно маскировать под народные революции или, как минимум, народные восстания против коррумпированной власти.

Особенно эффективна такая разновидность государственного переворота, как бонапартистский, поскольку он имеет внешне правовую форму осуществления. И в бывшей Югославии, и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии мы видим одни и те же элементы данной политической технологии: объявление выборов сфальсифицированными, массовые многотысячные митинги протеста сторонников недовольного претендента, захват или блокирование органов центральной государственной власти, давление на высших должностных лиц государства, назначение нового этапа выборов и победа нужного внешним силам претендента, который затем формирует заново органы государственной власти.

Бонапартистские перевороты являются частью более обширной геополитической технологии – так называемой «тактики анаконды», когда страны с марионеточными политическими режимами окружают геополитического противника и не позволяют ему реализовать его собственные интересы в данном регионе. Таким образом, сторона, стимулирующая перевороты, получает возможность осуществить геополитическое расширение (экспансию), а ее геополитический противник оказывается в состоянии геополитического сжатия (контракции). В случае переворотов в Югославии, Грузии, Украине и Киргизии мы наблюдаем применение тактики анаконды против России. Эти перевороты сужают геополитическое пространство России и снижают возможности ее контроля над бывшими составными частями и союзниками СССР.

Итак, мы являемся пессимистами в отношении перспектив реальной демократизации международных отношений, поскольку реальная демократия как взаимное уважение прав возможна только во взаимоотношениях равных партнеров, т. е. акторов геополитического процесса, обладающих примерно одинаковой совокупной мощью. Неуничтожимый интерес обладания ресурсами, особенно ресурсами невозобновляемыми, природными, делает неизбежным имперское поведение великих держав как государств, имеющих превосходящую совокупную мощь в сравнении с большинством других государств.

При этом необходимо подчеркнуть, что империя – естественный результат геополитического расширения жизнеспособного (пассионарного) государства или негосударственного геополитического актора. Тем не менее, понятия “империя”, “имперские амбиции” используются в геополитической борьбе как синонимы агрессивных намерений и неправильного политического поведения. При этом обвинителями выступают как раз государства-экспансионисты. Так, современные США называют империями все государства и государственные образования, способные противостоять американской гегемонии. При этом союзники США, осуществляющие геополитическое расширение, называются не империями, а “едиными политическими нациями”. Двойной стандарт в именовании государств позволяет обелять геополитическое поведение “чистых”, “правильных” государств и поощрять геополитическое сжатие и дробление “нечистых”, “неправильных”, ослабляя тем самым геополитических соперников.

В любом случае на всех этапах человеческой истории сохраняются государства с большей и меньшей совокупной мощью, и продолжит свое действие так называемая аксиома Фукидида, сформулированная еще в V веке до н.э.: “Сильные делают то, что им позволяет их мощь, а слабые принимают то, что должны принимать”.

1. Неклесса А. 1999. Конец цивилизации или конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. № 3.
2. Ракитянский Н.М. 2002. Россия и вызовы глобализации. // Социс. № 4.
3. Уткин А.И. 2002. Мировой порядок XXI века. М., «Алгоритм»..
4. Denemark R. 1999. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations. // International Studies Review. Summer.

Иов и Левиафан: спор ради согласия Интервью с М.В.Ильиным

И.Б. Фан

**Ильин
Михаил Васильевич**
доктор политических
наук, профессор,
зав.кафедрой
сравнительной
политологии
МГИМО(У) МИД РФ

**Фан Ирина
Борисовна**
кандидат философских
наук,
старший научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

М.В. Ильин, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО, был одним из почетных гостей Первой Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», которая состоялась 15-16 декабря 2006 г. в Екатеринбурге. Его доклад «Перспективы политического дискурс-анализа в России», а также презентация проекта «Политический атлас современности», которую Михаил Васильевич провел совместно с Е.Ю. Мелешкиной, стали одними из самых ярких событий конференции, вызвавших живой интерес ее участников.

М.В. Ильин широко известен как автор книг «Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий» (1997); «Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. В 2-х томах» (1995), а также других публикаций в ведущих отечественных и зарубежных изданиях. В 1990-1991 гг. Михаил Васильевич вместе с Игорем Константиновичем Пантиним создал журнал «Полис», а с 1996 по 2006 гг. был руководителем этого журнала. С 1991 г. М.В.Ильин преподает в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России. В 2002 году М.В.Ильин возглавил кафедру сравнительной политологии этого университета.

Несмотря на жесткий график работы конференции, Михаил Васильевич любезно согласился дать интервью для нашего альманаха.

- Михаил Васильевич, расскажите, пожалуйста, о том, каким был Ваш путь в политическую науку.

- Через практическую политику, правда, весьма специфическую. Весной 1974 г. прямо из аспирантуры филологического факультета МГУ я ушел работать в Студенческий Совет СССР, подразделение ЦК

ВЛКСМ. За полгода до окончания аспирантского срока – не понравилось, как изменилось отношение ко мне на кафедре после смерти моего учителя Романа Михайловича Самарина. В 1977 – 1982 гг. был советским представителем в Международном союзе студентов. Создал там Международный студенческий исследовательский центр. Был затем научным консультантом Комитета молодежных организаций СССР, заведующим отделом Советского комитета защиты мира. Пытался создать вокруг СКЗМ созвездие гражданских инициатив, что оказалось очень созвучно начавшейся вскоре перестройке. Вчерне написал докторскую диссертацию о новом политическом мышлении. Когда эта идея начала редуцироваться до идеологического клише, а политическое соперничество свелось к примитивной сваре, выкинул текст диссертации и ушел в «чистую науку». В 1988-1989 гг. я работал в ИНИОН РАН. Это были замечательные полтора года, когда я смог практически полностью сосредоточиться на самообразовании и привести в систему свои отрывочные знания политической науки. Затем я стал заместителем главного редактора журнала «Рабочий класс и современный мир», который мы с его главным редактором Игорем Константиновичем Пантиним преобразовали в «Полис».

Очень много сил пришлось отдать не только самообразованию, но и ознакомлению коллег и студентов с достижениями мировой политической науки. В то же время я осваивал свою долю – анализ политического дискурса. Еще в СКЗМ я организовал довольно представительную международную конференцию «Пути к пониманию». Ее участниками стали известные политологи, социологи, лингвисты, философы, которые занимались проблемами коммуникации и понимания. Среди них были Поль Чилтон, Гюнтер Кресс, Якоб Мей. С Гюнтером, который тогда преподавал в Австралии, мы придумали интересный проект – сравнение языковых

и культурных версий (переводов) «общечеловеческих документов» от Нагорной проповеди до Манифеста Рассела–Эйнштейна. Он так и не был осуществлен. Зато мы реализовали исследование трансформации политического дискурса на рубеже 80-х и 90-х годов, вместе с Полем и Якобом мы выпустили сборник статей на эту тему.

- Иными словами Вы использовали возможности Вашего базового образования – филологии.

- Да, конечно. Филологи много сделали для освоения семиотики. Без нее никакой анализ дискурса невозможен. Но семиотика не филологическая дисциплина. Это общегуманитарная наука. Такая же, как математика для естественных наук. Это своего рода продолжение математики для изучения явлений, обладающих не только размером, но и смыслом, «математика гуманитарных наук», как я люблю говорить. Конечно же, я использовал также свои специальные знания. Как историк литературы при анализе дискурса я концентрировал внимание на сюжетах и сюжетосложении, на образности как своего рода смысловой маркировке текстов и политических процессов.

Мои политологические разработки на свой лад стали продолжением моих научных интересов как историка литературы. Меня интересовало, как складываются современные литературные традиции. Моя кандидатская диссертация «Некоторые проблемы творческого метода последних пьес В. Шекспира», которую я писал под руководством Р.М.Самарина и защитил после нескольких обсуждений на кафедре в 1975 г., была посвящена переходу от ренессансного реализма к классицизму и барокко. Я исследовал, как изменяется ренессансная традиция, как в нее включаются новые стили и направления литературы, как возникают синтетические жанры и стили. У позднего, «сказочного» Шекспира, как и Кальдерона, Корнеля, Вондела, Гоцци, это проявилось очень ярко. В английской литературе современный человек появляется в облике Фауста (еще у К.Марло), Гамлета, Просперо, Самсона-борца, Гулливера и, наконец, Робинзона. Этот новый человек – творец Модерна. Он создает Левиафана – рукотворное божество – и бросает ему вызов, подобно Иову. От очарования этими героями один шаг к изучению того, как возникла современная политика. От изучения того, как в эпоху перехода от Ренессанса к XVII веку в Западной Европе складываются современные литературы, я логично перешел к изучению того, как современность проникает в политические системы и институты, как люди становятся современными, осваивая и создавая соответствующие институциональные роли. Это по-прежнему крайне острая проблема. Я люблю цитировать Пьера Тейяра де Шардена, который писал, что большинство наших современников современными людьми еще не стали. Чтобы стать современным человеком и овладеть современными

демократическими политическими институтами совершенно недостаточно узнать дюжину простых «демократических» правил. Нужно усвоить, как становились современными людьми Гамлет, Просперо, Фауст, Гулливер и Робинзон.

- Вряде своих работ Вы писали о необходимости новой концептуализации основных политических понятий. Можете ли Вы сказать, что в последние годы произошло изменение политологического дискурса? Каковы направления трансформации политического и научного дискурса?

- Дискурс обновляется всегда. Если он перестал обновляться, то превратился в «мертвый язык». Такие дискурсы прошлого важно и нужно изучать. Но нас в первую очередь интересуют дискурсы, в которые мы включены сейчас. И дискурсы нынешней политики, и дискурсы политической науки существенно обогатились. Но с расширением дискурса, с появлением множества его видов возникли и проблемы. Пока эти проблемы далеки от ясного понимания. Безусловно, необходимо осмысление этого многообразия. Но его можно добиться разными способами. Существуют попытки установить определенный контроль над экстенсивным ростом политического и политологического дискурса. Вплоть до унификации дискурсов и редукции публичной дискуссии. Инициатор таких усилий – власти и властные институты. Подобные попытки не слишком удачны в силу своей прямолинейности.

Что касается политической науки, то в ее рамках проблема консолидации общих стандартов научности и единого дискурса далека от серьезного решения, а тем более от завершения. Однако происходит определенная консолидация политологического сообщества, что подтверждается деятельностью Российской Ассоциации Политической науки (РАПН). О позитивных сдвигах в этом направлении говорит и публикаторская работа, появление серьезной политологической литературы. Все это помогает выработать общие стандарты понятийного аппарата для отечественной политической науки, которые способствуют ее интеграции в мировую политическую науку.

- Одно из направлений Вашей исследовательской работы – хронополитика. Какие актуальные проблемы позволяет ставить и решать этот методологический подход?

- Хронополитика, выражаясь несколько иным, менее образным и более строгим языком, это эволюционная морфология политики. Я попытался использовать слово хронополитика, чтобы соотнести возможности эволюционной и пространственной морфологии, соотнести хронополитику с геополитикой, создать нечто вроде геохронополитики. Если геополитика – это изучение пространственных форм политики, то хронополитика – изучение изменения политических форм во времени. Внедрение этого слова было сознательным экспериментом с понятийным

аппаратом политической науки. Защитить докторскую диссертацию на придуманном мною «птичьим языке» было непросто.

Если говорить о сути дела, то речь идет о смене разных политических форм в режиме эволюции. Названию этого теоретического подхода присуща некоторая эпатажность, которая объясняется потребностью проблематизации темы. Нынешние мои интересы в области сравнительной политологии и в целом интерес к Модерну также связаны с хронополитикой. В центре исследования стоит вопрос об отличии современных политических форм от традиционных.

Один из центральных тезисов этого подхода гласит: возникшие политические формы никогда не исчезают, происходит их наследование. Они могут трансформироваться, меняться, но при этом институциональная память сохраняется. Она, кстати, передается дискурсами, живет в них. Даже после катастроф не возникает абсолютная *tabula rasa*. Никакая катастрофа или революция не изглаживает полностью того, что существовало в политике до них, любые пустоты чем-то заполняются. Например, происходят невольные псевдоморфозы – возникают формы, подобные прежним политическим образованиям. Подобные эффекты мы вслед за Гегелем связываем с «хитростью» истории. Взять Октябрьскую революцию в России. Уничтожено ли самодержавие? Нет, оно воспроизводится в иной, более изощренной и более зрелой форме. Или крепостничество, «уничтоженное» царем-освободителем, после паузы в семь десятилетий воспроизводится заново в советском колхозном строе. Таким образом, хронополитика открывает весьма значительные исследовательские перспективы. Любопытно, например, что многие схемы отношения к власти, заданные первыми думами, и самодержавной власти к думам вольно или скорее невольно воспроизводятся через восемь десятилетий.

- С какими внутривнутриполитическими вызовами сталкивается отечественная политическая наука в настоящее время? Как бы Вы охарактеризовали современный этап ее развития?

- Нынче и у нас, и в других странах трудно говорить о чисто внутривнутриполитических вызовах. Главными я считаю вызовы Модерна, а сейчас и глобализации – нынешней фазы модернизации. Мы существуем в мировой политике, и даже те проблемы, которые на первый взгляд представляются внутренними, на самом деле связаны с международным и глобальным контекстом. Есть единая мировая политика. Даже внутри собственного государства мы вынуждены реагировать на вызовы глобализации и модернизации. Один из важнейших вызовов – эффективное использование человеческого ресурса, этот вызов имеет не только экономическое, но и политическое измерение.

Конечно, в трактовке общих вызовов есть и

своя российская специфика, как есть специфика американская, германская, японская, индийская. На мой взгляд, рассуждения об особой политической системе Запада бессодержательны. На деле мы имеем дело со спецификой швейцарской, норвежской, португальской, итальянской и т.п.

В отличие от некоторых моих коллег я не отношу эту специфику преимущественно на счет системных характеристик той или иной политики. С моей точки зрения это в основном вопрос стиля. Однако стиль крайне существенен. Стиль, как мы знаем от Бюффона, это человек. Как и то, что разногласия с режимом могут быть чисто стилистическими, но от этого даже более значимыми, чем чисто структурные. Именно поэтому первый номер журнала «Полис» за 2006 год я попытался сфокусировать на проблематике «новых русских стилей». Отклика это пока не вызвало, надеюсь, коллеги рано или поздно ощутят перспективность «стилистического поворота» в политических исследованиях.

В одном крайне существенном отношении стилистика отечественной политической традиции может быть передана формулой «Наедине с державой». Это затратная традиция, отражающая исторически сложившийся опыт использования человеческих ресурсов. Эта традиция игнорирует промежуточные формы взаимодействия человека и власти, Иова и Левиафана. В результате усилия, затраченные людьми на коммуникацию с властью «застревают в вате», не приводят к ожидаемым результатам. С другой стороны, и попытки Левиафана пробиться к своим подданным, к Иовам также безуспешны. В неорганизованном политическом пространстве все импульсы тухнут. Задачей политической науки является разработка моделей эффективного диалога общества и власти, обогащение стилистики этого диалога и создание благодаря этому пространства посреднических форм.

При всех пороках этой затратной стилистики в России неплохой человеческий потенциал. За нашу историю, особенно за два последних века, мы много создали, многому научились – в том числе и на ошибках, имеющих всемирно-историческое значение. Мы могли бы организовать достойную жизнь для себя, если бы решили проблему институционального устройства политики, проблему эффективного взаимодействия Иова и Левиафана.

- У ряда политологов нарастает ощущение конца «правой» и наступления «левой» волны в политических процессах в ряде стран Европы и Латинской Америки, появилось выражение «новый левый дискурс». Верно ли это ощущение, на Ваш взгляд?

- В какой-то степени это ощущение верно. На левом фланге наблюдается определенное идеологическое оживление. Скажем, анти-, или альтерглобалистские дискурсы окрашены в левые тона, близкие левым идеологиям. Однако ничего принципиально нового,

оригинального, стилистических новаций я не вижу. Одновременно на правом фланге также происходят интересные превращения – есть попытки выработать прогрессистские версии традиционализма. Видимо, Эдмунд Берк опередил свое время. Его идеи еще предстоит освоить и развить. Тревожит, что развиваются и распространяются разного рода фундаментализмы, причем, и на Западе, и на Востоке, в разных частях мира. Привычные идеологические дискурсы довольно сильно развиваются, меняя свой характер, аргументацию, некоторые содержательные характеристики. Так что уверенного ответа на этот вопрос не существует.

- По Вашему мнению, намечается ли «левый поворот» в России?

- Об этом тоже трудно говорить. Применение «лево-правой» шкалы для всех политических форм и режимов, даже современных демократических, неадекватно отражает действительность. Для России это особенно проблематично. Я бы сказал, у нас другая проблема: гипертрофированный примитивизм и «агрессивность» левых идеологий вкупе с одновременной недоразвитостью и «вялостью» традиционных правых идеологий. Это связано и с партийным спектром. СПС претендовал на то, чтобы консолидировать определенный спектр общественно-политических сил, но, как известно, эта попытка не увенчалась успехом. Это произошло не потому, что лидеры оказались слабыми. Более глубокая причина состоит в том, что нет серьезного запроса на данный тип идеологии со стороны общества. Нет вкуса к ней. Она стилистически трудна. Это грустно. Наше общество развивается однобоко. Я отнюдь не сторонник правых идеологий, да и воспитывался в левой традиции, но меня беспокоит отсутствие политического многообразия, недоразвитие либерально-демократических сил и идеологий.

- Не может ли «Марш несогласных», предпринятый рядом «правых» в союзе с национал-большевиками и другими оппозиционными организациями, расцениваться в качестве попытки консолидации?

- Само название акции говорит о том, что эти силы объединяются не на основе конструктивных предложений, а на базе идей крайней оппозиционности по-русски. Их вдохновляет идея воли, вольницы против власти. Посмотрите на состав «Марша несогласных» - Каспаров и Касьянов, с одной стороны, Лимонов, с другой, коммунисты – с третьей. В некоторых отношениях эти силы похожи: и те, и другие противопоставляют диктату и давлению властей ценность своей вольницы. Но у каждого она своя. Действительного политического согласия между ними нет. Слишком разные у них стили.

Проблема, однако, куда серьезнее. У наших политиков и даже коллег-политологов весьма специфическое, превратное понимание того, что такое оппозиция. В отечественном политическом

дискурсе традиционно сильна установка: оппозиция – то, что противостоит власти. В европейских дискурсах оппозиция – это часть ее величества власти. Оппозиция – это находящаяся в парламенте часть нации, представляющая и «левых», и «правых», и «общественников», или сторонников гражданского общества, и «государственников», причем, отобранных по разным принципам. Представлены могут быть и разные лингвистические сообщества. Важно, что режим и оппозиция одновременно и сотрудничают друг с другом, и конкурируют. Оппозиция не может быть просто «несогласной». Между нею и правительством должно быть установлено согласие, по меньшей мере, о правилах и стилистике соперничества. На деле требуется, конечно, большее – согласие о национальных приоритетах, о том, как не навредить. В нашем случае согласие о том, как избежать потрясений, как создать сильную Россию. В остальном можно и нужно спорить. Оппозиция – это альтернативный режим, который демонстрируется населению. Один режим действует, другой – оппозиционный, претендует на то, чтобы его сменить. Наличие такой оппозиции позволяет населению принимать осмысленное решение и осуществлять свой выбор. Если же власти не готовы к передаче полномочий оппозиции, а оппозиция не готова разрабатывать практические альтернативы управления государством вместо демонстрации несогласия, ничего не получится. В принципе не может получиться.

В наших условиях оппозиция по-русски сама охотно отодвигается в далекие периферии несогласия. Она тем самым перестает быть осмысленной оппозицией, вообще оппозицией, превращается в пародию на фронду. Наша оппозиция, отдают себе отчет в этом ее лидеры или нет, неосознанно стремится к самоуничтожению. Если выражать мысль в терминах дискурса демократии, то можно сказать, что она выступает в качестве контрсистемной силы. Результат такой установки – упущенные исторические шансы, как это уже было в русской истории. Создатель концепции Русской системы власти Ю.С.Пивоваров достаточно хорошо показывает это в своих публикациях. Ведь это же парадокс: люди, претендующие на овладение передовыми идеями, охотно превращаются сами в «лишних людей» и гордятся этим.

- Наблюдается ли изменение дискурса власти в связи с предстоящими выборами? Можно ли фиксировать какие-то тенденции в этих изменениях?

- Сейчас много пишется об усилении авторитарных моментов в дискурсе власти. Действительно, основания для подобных оценок есть. Однако мне кажется, не все так просто и так плохо. Современность антиномична. Демократическое начало участия не может реализоваться без авторитарного начала контроля. Современная демократия по сути дела является антиномичным

соединением чисто «демократических» и чисто «авторитарных» начал. Это соединение всегда неокончательное, всегда проблематичное, всегда несовершенное и всегда возобновляемое заново. Если мы современны, то наш каждый следующий шаг позволяет скорректировать ошибки и неудачи.

Что касается самого дискурса власти, необходимо отметить, что в нем появляются важные вещи – куда более неприятные, чем пресловутый «авторитаризм». Это самодостаточность властной вертикали, редукция властного дискурса, повышение его однородности вопреки возникновению того, что Ю.С.Пивоваров метко назвал «властной плазмой». Властный дискурс упрощается, а в результате властный центр отрывается от собственной «плазмы», маргинализуется.

Есть, однако, и позитивные моменты властного дискурса, точнее, рамки общей коммуникации. И власти, и граждане постепенно приходят к осознанию того факта, что уже политика вне выборов невозможна. Это уже не может быть упразднено. Президент говорит, что он будет следовать Конституции РФ и ее нормам. Такие заявления со стороны власти подтверждаются конкретными шагами. Однако при этом едва ли не все согласилось со стилем передачи власти с помощью преемника. Очень сильно отдает архаикой. И даже аргумент, что подобная передача власти лучше «рвачки», почему-то не убеждает, не радует.

Власти ищут взаимодействия с общественными силами. Это не чистая риторика, а ожидаемое дискурсное поведение. Однако понимание этого диалога не адекватно. Он не может не быть асимметричным. Существует множество стран, где используется много различных форм диалога, где применяются разные возможности и разнообразный опыт преодоления асимметрии.

Для развития общенационального дискурса в России тоже не такой уж бедный опыт диалога, но он недооценивается. Мы накопили немалый потенциал диалога. В нашем народе и в политическом сообществе существует отчетливое ощущение бесперспективности насильственных, принудительных форм общественных преобразований. Подобное ощущение есть, но не находится достаточного репертуара новых смыслов и технологий достижения политического согласия. Власти хотят вести диалог с оппозиционными силами, но не умеют этого делать. Наша псевдооппозиция закрывается от действительного диалога с властью, потому что не готова к нему. И те, и другие боятся собственной некомпетентности, хотя и не признаются в этом даже самим себе.

Задача политической науки состоит в разработке собственных моделей выработки общественного и политического согласия, моделей диалога между народом и властями, между Иовом и Левиафаном, в котором участвовало бы множество акторов-посредников, которых нельзя было бы отнести

ни к народу, ни к властям. Так возникали бы промежуточные области согласия, промежуточные стили согласия и согласования. Это не только партии. Это и экспертное сообщество.

Мы забываем об уже имеющемся опыте. У нас есть не только дореволюционный опыт периода первых Дум, но и опыт советского периода. Конечно, его трудно напрямую применить в современных условиях, он нуждается в очень существенной модификации. Например, модификация советской практики согласования как способа принятия решений может оказаться востребованной и сегодня. Необходимо уйти от однобокости и карикатурности в оценке опыта прошлого. Если бы власти готовы были согласовывать свои интересы и позиции с оппонентами, движение вперед получило бы новый импульс. Конечно, можно сказать, что власть все же пытается что-то делать. Создав Общественную Палату, власть предложила форму диалога, начала его. Но диалога всерьез власти бояться. Они сводят его к простым и беспроблемным «репликам». А ведь, как известно, кто не рискует, тот не выигрывает. Да и вообще Модерн – это «общество риска».

Что касается выборов, то ситуация мне представляется такой. Часто сложившуюся расстановку политических сил трактуют, сводя все к доминированию и силе тех или иных партий. Это отбрасывает нас назад. Достаточно распространены и нигилистические попытки отказаться от сотрудничества с властью. Это неконструктивно. Более рациональный путь – выстраивание проектов взаимодействия и «сверху», и «снизу». Встречное движение требуется и со стороны общества, граждан, и со стороны властей.

- Свою вступительную статью к первому номеру журнала «Полис» за 2006 г. Вы назвали «В поисках новых русских стилей». В ней Вы анализируете генезис и этапы развития журнала за 15 лет. Можно ли считать эту статью подведением итогов Вашей работы в качестве главного редактора «Полиса» и, одновременно, выражением внутренней потребности в новой сфере приложения сил? Каковы причины Вашего ухода с этого поста?

- О более общей подоплеке «стилистического поворота» я уже сказал. У него есть, однако, специфический аспект, касающийся «Полиса». Примерно каждые пять лет существования журнала в его стилистике что-то менялось. Это было выражением потребности редакции создать условия и возможности для постоянного обновления формальных, организационных и содержательных сторон журнала. В упоминаемой статье я говорил о главной задаче, стоящей перед нашей политической наукой и журналом, - вписаться в мировую политическую науку по-существу. Я убежден, что и российская политическая наука, и «Полис» в настоящее время способны взяться за эту задачу и вступить в содержательное поле

мировой политологии на достойном уровне. Для этого требуется диверсифицировать журнал, его стилистику, его возможности. Я попытался предложить редакции и редколлегии проект преобразования журнала. Предполагалось, что возникнет новая система руководства журналом. Я предлагал создать издательство «Полис» для издания не только самого журнала, но и книжной продукции. Оно могло бы также издавать 2-3 или даже 4 журнала вместо нынешнего «Полиса» - в том числе и журнал на английском языке. Но случилось следующее: редакция оказалась не готова пойти на определенный риск и принять мое предложение. Редколлегия устранилась от того, чтобы занять позицию в моих разногласиях с редакцией. Оставаться у руководства журналом, не имея возможности реализовать свои идеи, в ситуации, когда журнал не стремится развиваться, мне показалось неуместным. Психологически я ощутил себя ненужным и отвергнутым, что оставило очень горький след.

Нет, однако, худа без добра. Теперь у меня больше времени для собственных исследований. Последние лет десять у меня не было серьезных публикаций кроме каких-то статей по случаю. Книга о хронополитике вышла в 1995 г., концептологические «отходы» от нее в виде «Слов и смыслов» - в 1997 г. В ящиках письменного стола и в компьютере множество заготовок. Есть, например, рукопись начала 90-х «Иов и Левиафан», которая нуждается в доработке. Это попытка по-новому взглянуть на проблематику, поднятую еще Гоббсом: государство как новая политическая форма. Я хочу исследовать, как соотносятся формы государственности с формами гражданственности. Иов, символ подданного, от лица людей (общества), бросает вызов Левиафану (Государству). Этот вызов - способ объединить людей перед лицом Государства. Гражданское общество дает ограниченный набор форм для взаимодействия с Левиафаном, но кроме них есть и другие формы. Здесь существует выход на проблему определения качества несовременного, традиционного человека. Что такое традиционный человек? Что такое сословия, касты, клиентелы и т.д., как не способ самозащиты традиционного человека (общества) перед лицом Левиафана?

- Недавно, в октябре 2006 г., состоялся Всероссийский конгресс политологов, на котором Вы вели секцию «Политическая лингвистика». Как бы Вы оценили итоги конгресса?

- Я считаю, что нынешний конгресс - это серьезный шаг вперед. Конгресс показал высокий уровень дискуссии по наиболее актуальным проблемам политической науки. Конечно, впечатления о конгрессе у меня сложились, прежде всего, на основе работы нашей секции, а также по итогам многочисленных контактов, встреч, заседаний. Главное достижение конгресса, которое хочется особенно отметить, это то, что была опробована

новая организационная форма проведения дискуссий, которая содержит возможности эффективного использования самоорганизации. На мой взгляд, это было реализовано продуктивно. Организация предыдущих конгрессов строилась на принципах централизации, оргкомитет конгресса выступал в качестве центра, от которого исходят все инициативы и руководство. В этот раз инициатива и разного рода предложения исходили из нескольких центров, или групп, т.е. работа конгресса подчинялась принципам децентрализации.

- По оценкам участников конгресса, власти не проявили достаточного внимания к этому событию

- А нужно ли такое внимание? Нужны ли дежурные приветствия Кремля сообществу политологов? Куда важнее практическое взаимодействие. Однако политики не могут напрямую воздействовать на ученых, участвовать в научных дискуссиях. Слишком уж это далекие друг от друга политические профессии. Достижения академического сообщества не могут транслироваться напрямую во властные структуры. Между сообществом политиков и политологическим сообществом существует масса посредников. Требуется советники, специалисты по PR и т.д. Должны ли эти профессии быть интегрированы в академическое сообщество? В определенной степени да, но, все же, их профессиональная деятельность остается особой. На стороне власти и на стороне научного сообщества существует множество профессий. Циркуляция идей должна осуществляться посредниками.

Однако тревожит меня, как и всех остальных коллег, устойчивый тренд - недооценка возможностей политической науки. Но этот тренд более распространен среди обывателей, чем среди специалистов.

- В свою бытность главным редактором «Полиса» Вы инициировали и поддерживали ряд исследовательских проектов: «Политический атлас современности», «Виртуальные мастерские», «Словарь языка политики» и другие. Как реализуются эти проекты?

- Сразу уточню: «Политический атлас» - проект МГИМО, а не «Полиса», хотя люди из той же кампании. Успешная реализация этого проекта показала, что отечественная политическая наука способна вписаться в науку мировую, более того, в некоторых областях знания мы можем задавать тон. Руководитель нашего коллектива А.Ю. Мельвиль делал презентацию результатов проекта в Гарвардском университете, мы вчетвером - М.Г.Миронюк, И.Н.Тимофеев, Е.Ю.Мелешкина и я - на XX Международном конгрессе политологов в Фукуоке (Япония). Был и еще ряд презентаций за рубежом и у нас в стране, в том числе здесь, в Екатеринбурге. Проект был встречен с большим вниманием и получил высокую профессиональную

оценку. Были отмечены новаторские способы оценки тех или иных политических режимов.

Надеюсь, что и новые «виртуальные мастерские» журнала «Полис» будут развиваться не менее успешно, чем прежние. Для этого есть необходимые ресурсы и поддержка со стороны РАПН, фонда Маккартуров.

- Одна из Ваших статей называется «Слуга двух господ» («Полис», 2004, №5). Вы писали о пересечении компетенций политической науки и международных исследований. Как Вы считаете, существуют ли четкие границы между политической философией и политической наукой?

- Проблематикой политической философии у нас успешно занимаются Т. Алексеева, Б. Капустин и некоторые другие исследователи. В их понимании политическая философия – не философская дисциплина, а способ философской рефлексии в самой политике. Философия и наука – это, на мой взгляд, две разные, хотя и во многом связанные сферы. Между ними множество переходных зон, которые могут и должны динамично развиваться.

У себя в МГИМО я читаю для магистрантов курс «Политическая философия современной демократии». Зачем, казалось бы, нужен подобный курс на отделении сравнительной политологии, которое всячески профилирует эмпирическое изучение политики. Да и я сам всем надоел, пожалуй, выступая на конгрессах, семинарах и совещаниях с призывами развернуть эмпирические исследования вместо пустого философствования. Дело в том, что, пользуясь исключительно эмпирическим аппаратом, невозможно ответить на вопрос о смысле политики. Можно анализировать политические институты, процессы, политические роли, игры и т.д. Но всегда возникает вопрос: зачем это нужно человеку? Так вот я начинаю свой курс с напоминания слушателям о бароне Мюнхаузене. Он попал как-то в трясину и, недолго думая, вытянул себя и своего коня за собственную косичку. Мы эмпирики тоже порой попадаем в болото. Выясняем, что происходит. А вот какой у происходящего смысл, с помощью эмпирического инструментария установить не можем. Чтобы выбраться из эмпирического болота, одной собственной косички в отличие от Мюнхаузена мало. Нужно опереться на что-то существенное. Ухватиться за ветку стоящего на берегу дерева. Внешней опорой для эмпириков являются философия, мораль, мировоззрение. Обращение эмпириков к внешним ресурсам понимания позволяет создавать что-то подобное «теневого» теории, дать нечто, что придает политической деятельности и ее исследованию общий смысл. Политическая философия – необходимый контрагент для политической науки. Но точно так же и политическая философия не может существовать без эмпирики. Иначе она завянет внутри себя. Следовательно, и политическая философия, и политическая наука

поддерживают друг друга, нуждаются во взаимном обмене идеями, методологией, материалом и т.д. У каждой области знания свои дискурсы. Можно попытаться создать общий дискурс. Можно развивать способности «полиглотии» и путешествовать из дискурса в дискурс. Пусть каждый выбирает, что больше отвечает его интересам и его стилю.

- Что Вы посоветуете соискателям, аспирантам, докторантам: как найти баланс в политическом исследовании, решение проблемы которого связано с учетом данных нескольких политологических дисциплин, и необходимостью четкого определения специальности в соответствии с перечнем специальностей ВАК?

- У меня неоднозначное отношение к вопросу о специальностях. Прежде, чем развивать междисциплинарный синтез, необходимо развить участвующие в этом синтезе дисциплины. Взаимодействие между отраслями политической науки необходимо. В мировой науке дифференциация отраслей действует в жесткой форме, политологи разной специализации не понимают друг друга. Г. Алмонд как-то обобщил опыт американских конгрессов в книге под названием «Сидя за разными столиками». Он отмечал избыточную профессионализацию политологии. Российских политологов дифференциация отраслей политической науки затронула в меньшей степени. Большинство из коллег вынуждены заниматься многими проблемами. Однако у нас тоже остро стоит проблема взаимного определения и соотношения разных специальностей. Специализацию надо преодолевать, но не ценой поверхностного соединения знаний из разных отраслей. Конвертирование одного в другое не всегда удается. Необходимо серьезное развитие каждой из отраслей. Надо стать специалистом в нескольких областях прежде, чем браться за их интеграцию. Иначе вместо междисциплинарности получится недодисциплинарность.

А с защитами я бы отметил следующее. Наша номенклатура специальностей носит анекдотический характер. Тем не менее, надо исходить из существующих условий. Есть специальность «Политические институты и процессы», ее рамки довольно широки, в них помещаются разные исследования.

- Начало Вашей научной карьеры было связано с анализом творческого метода В. Шекспира. Какую роль в Ваших сегодняшних исследованиях играют эстетические категории? Может ли рассматриваться современная российская политика как объект эстетики, в какой мере к ней применима метафора театра?

- Политика как игра – это значимая общеисторическая метафора. Й. Хейзинга говорил о «Человеке играющем». На мой взгляд, это один из обликов Иова. Все, что делается в политике и, шире, в жизни – игра, театр. Totus mundus fiat histrionem – было написано на шекспировском «Глобусе».

Одной из важнейших для осмысления этого аспекта политики является проблема исполнения ролей. Человек не может целиком отдаться политике. Он приходит туда, чтобы сыграть определенную роль. В «Сравнительной политике» Алмонда и Бингхема Пауэлла есть замечательная формулировка: общественные системы (я бы сказал политические системы) состоят не из людей, а из ролей. Я убежден, что В.Шекспир – политический писатель из-за своего обостренного интереса к тому, как соотносится человек и роль, которую он играет. Шекспир политический писатель не только в исторических хрониках, напрямую посвященных политике – «Ричард III», «Генрих IV», или «римских» трагедиях – «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра» и т.д., но и во всех произведениях без исключения. Везде Шекспира интересуют отношения людей и ролей, в том числе, людей, облеченных властью, с надеваемыми на себя масками.

Примером идеального героя для Шекспира является принц Гарри. Этот герой играет разные роли, меняя свои личины. Именно благодаря этому он и становится идеальным правителем. Усваивая разные роли, принц Гарри узнает народ, учитывает интересы разных участников драматического процесса собственного правления. Шекспир в своих пьесах испытывает героев – прежде всего, королей, помещая их в разные ситуации. А вот другой пример. Великий герой Макбет решается надеть на себя личину злодея. Эта маска прирастает к нему и, в конце концов, пожирает его. В результате Макбет исчерпывает, расходует собственную личность (персона – это и есть личина на латыни). Его жизнь, по собственному признанию оказывается «историей, рассказанной идиотом, исполненной шума и ярости».

Маска поглотила героя.

Так и в политике: какие-то роли и маски созидательны, какие-то разрушительны. Это роли и маски из которых сложен земной бог Левиафан. Однако и от Иова немало зависит. Примеряя ту или иную маску, каждый человек должен прежде уяснить для себя, в состоянии ли он ее носить, сможет ли он сыграть соответствующую роль? Иначе маска подавит его. Однако Иов может куда больше, чем просто приспособиться. Он может импровизировать. Он может лицедействовать и тем самым создавать новые личины. Создавать тем самым личность, себя самого. И одновременно изменять Левиафана.

Хочу обратить внимание еще на один мотив. Сказать вслед за лордом Актоном, что «абсолютная власть развращает абсолютно» – мало. Это слишком просто. Оказавшись во власти, то есть один на один с властными масками, можно с их помощью разыгрывать разные сюжеты или даже создавать новые. Можно разрушать все вокруг себя, угнетая близких и дальних, можно создавать пространства свободы, что-то развивать, преобразовывать. Рядом с ролями есть еще что-то важное. То или иное исполнение роли оказывается столь же существенным, как и сама роль, а может, и более значимо. Очень важно обрести мужество Иова, который рискует бросить вызов Левиафану, но осознает меру риска и меру возможностей самого вызова. Именно так можно найти способ конструктивного взаимодействия с Левиафаном. Но не раз и навсегда, а каждый день сызнова, каждый день иначе. Таким «сизифовым трудом» больна Современность, но именно этот труд и делает нас по-настоящему современными людьми.

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

О.Ф.Русакова, А.Е.Спасский

15-16 декабря 2006 г. в г. Екатеринбурге состоялась первая международная научно-практическая конференция «Дискурсология: методология, теория, практика», в работе которой приняли участие ученые, преподаватели и студенты из 24 вузов и научных центров России, а также исследователи из Швеции, Турции и США (всего более 120 чел.)

Организаторами конференции выступили: Институт философии и права УрО РАН, Уральский государственный университет им. А.М.Горького, Издательский Дом «Дискурс-Пи».

На сессиях «Современные теории дискурса», «Российский дискурс и метаморфозы демократии», «Дискурс цивилизационной, этнонациональной и региональной идентичности», «Дискурс молодежных

субкультур» были заслушаны и обсуждены доклады М.В.Ильина «Перспективы политического дискурс-анализа в России», Е.Ю.Мелешкиной «Идеологическое структурирование межпартийного соревнования в современной России», О.Ю.Малиновой «Оппозиция «западничества»/ «антизападничества» в России и проблемы конструирования национальной идентичности в контексте догоняющей модернизации», В.О.Лобовикова «Формально-аксиологические структуры дискурса и «*cogito ergo sum*» Р.Декарта», К.С.Романовой «Место дискурса в теории научного познания», О.В.Коркуновой «Дискурс в духовной жизни человека», А.Е.Спасского «Инновационный дискурс как стратегия ИД «Дискурс-Пи»,

А.Д.Трахтенберг «Дорогие мои, я очень люблю вас»: дискурс диффузных групп в романах Дарьи Донцовой», В.М.Русакова «Дискурс-анализ или о необходимости методологического сомнения», М.С.Ильченко «Одномерный универсум дискурса: механизмы конструирования», А.С.Чеснокова «Особенности формализации дискурса о мигрантах в русскоязычном и англоязычном сегментах Интернета»», Е.Г.Сахновской «Использование дискурс-анализа в исследовании образовательных систем» и др.

С большим интересом участники конференции выслушали и обсудили доклады М.В.Смирновой «Дискурсивный подход к социальным проблемам», М.Н.Булатовой «Медийное пространство и социальная реальность: дискурс-анализ сообщений иркутского интернет-издания «Бабр» по Байкальскому движению», В.Г.Богомякова «Земля Тюменская»: особенности дискурса региональной идентичности» и др.

В рамках конференции под руководством проф. факультета журналистики УрГУ Д.Л.Стровского прошел круглый стол «Современная журналистика: новые очертания или кончина профессии», в работе которого приняли участие проф. факультета массовых коммуникаций, зав. кафедрой PR Стамбульского университета Вейзель Батмаз (Турция), научный сотрудник факультета евразийских исследований университета г.Упсала Грегор Саймонс (Швеция), зав. кафедрой истории журналистики УрГУ, проф. М.М.Ковалева, доц факультета журналистики УрГУ Ю.В.Чемякин др.

В.Батмаз в выступлении на тему «СМИ – инструмент демократии? Почему это затруднительно

процесса могли заявить о своих интересах. Однако СМИ оказывают слабое воздействие на политическое поведение людей. Данный тезис был обоснован еще П.Лазарсфельдом, Б.Берельсоном и другими представителями Колумбийской школы (США). Подтверждением этому являются ход и результаты политических кампаний. СМИ, вовлеченные в данный процесс, становятся в большей мере «культиватором» представлений о политике (идеологии), нежели средством беспристрастной передачи политической информации. Реальная жизнь в этом случае трансформируется в мифологию, имеющую с ней мало общего. Вместо фактов мы имеем дело с политическими образами. Собственный интерес СМИ в этом случае преобладает над интересами аудитории, что приводит к искажению реальной картины мира. СМИ выглядят в этом случае (что еще не самое плохое!) инструментами PR, либо превращаются в инструменты пропаганды и агитации.СМИ усиленно формируют мифологию, будучи «агентами влияния». В большинстве стран «третьего мира», к которым относится и Турция, развивается именно этот медиа-сценарий.

Тема выступления Г.Саймонса - «Журналистика как инструмент войны, или Когда СМИ мало думают об общественных интересах». Медиа-пространство, по мнению докладчика, охвачено войной. СМИ представляют арену боевых действий. Особенно ярко заметна тема насилия. Она проявляет себя в разных лицах: в описании военных конфликтов, в повышенном интересе к криминальным вопросам и др. Помимо СМИ в круговорот насилия вовлечены политики, военные, массовая аудитория, которые далеко не всегда осознают степень своей

в современных политических условиях» обратил внимание на то, что масс-медийный процесс это улица с двухсторонним движением. В идеале движение информации от СМИ к аудитории и наоборот должно быть хорошо сбалансированным, открытым для того, чтобы все участники этого

ответственности за сказанное. Но наибольшую ответственность за интерпретацию событий все же несет журналистика, поскольку именно информационная сфера становится местом единения различных мнений и оценок и призвана формировать дискурсивность во всем ее многообразии.

На конференции также состоялись презентации мини-журнала «Медиа-Дискурс: Теория и практика массовых коммуникаций» (главный редактор Д.Л.Стровский), проекта МГИМО (У) МИД РФ «Политический атлас современности», представленного М.В.Ильиной и Е.Ю.Мелешкиной, проекта межкультурных коммуникаций ассоциации «Друзья Франции», представленного Л.М.Андрюхиной и Н.Ю.Фадеевой.

К началу конференции был издан сборник докладов общим объемом 21,5 п.л., который все желающие могут заказать по E-mail: dipi@nm.ru или по адресу: 620144 г.Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 68, Институт философии и права УрО РАН.

Далее читатели альманаха могут познакомиться с текстами докладов конференции, которые мы публикуем дополнительно к изданному сборнику.

ДОКЛАДЫ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В РОССИИ

М.В. Ильин

**Ильин Михаил
Васильевич**

доктор политических
наук, зав. кафедрой
сравнительной
политологии
МГИМО(У) МИД РФ,
профессор г.Москва

E-mail:
ilyin@politstudies.ru

Слова дискурс и дискурс-анализ получили в последнее время широкое хождение в университетской, академической среде. Однако в их трактовке существует большой разницей. Отчасти это связано с разрывами в усвоении латинского слова *discursus* в новоевропейских языках и с поверхностным усвоением концептной истории соответствующих понятий. Ситуация в отечественной традиции на порядок хуже.

Перспективы дискурс-анализа в России связаны, во-первых, с систематизацией научного аппарата и методологических подходов, во-вторых, с восстановлением отечественной традиции дискурс-анализа.

1. Научный аппарат. В прошлом веке происходит постепенное возвращение слова дискурс в новоевропейские языки для обозначения содержательной стороны человеческого общения в самом широком смысле или различных сторон и проявлений этого общения. Семиотический, а затем и лингвистический «повороты» в науке XX века способствовали как возрастанию интереса к смысловой стороне действительности.

До сих пор попытки выделить особую научную область изучения смысловой организации человеческой деятельности упираются в стойкие

дисциплинарные предрассудки и установки предпринимавших эти усилия специалистов. Поверхностное усвоение соответствующего понятия, его некритическое использование в различных предметных областях, что ведет не просто к так называемому «растяжению понятия» (*conceptual stretching*) [Sartori 1970; Сартори 2003], но и к его «разрыванию» на различные понятия. На практике это означает, что разные дисциплины, научные направления, школы, а то и отдельные исследователи создают свои особенные понятия, но обозначают их общим словом дискурс.

Фундаментальное различие реальности и действительности(1) лежит в основе информационно-энергетической онтологии человеческого мира, представленной, например, Т.Парсонсом в виде модели «социальной системы» [Parsons 1966]. Действительность создается людьми и потому «субъективна». Однако она также «интерсубъективна», образована соединением людских мечтаний, намерений и действий, а оттого не менее «объективна», чем самые прочные природные образования. Созданный поэтом памятник вполне может оказаться прочнее пирамид и горных кряжей. Действительность предстает перед нами в виде отдельных целостных образований. Это и события истории, и пушкинская «энциклопедия русской жизни», и весело проведенный праздник, и жаркие предвыборные дебаты, и судебные слушания, и политическая манифестация. Все эти явления при их очевидной разнородности объединяются тем, что представляют собой некие «фрагменты» действительности, которые обладают целостностью, благодаря своей смысловой или семиотической организации. Именно это общее свойство делает их дискурсами. Таким образом, дискурс в самом широком его понимании можно определить как целостный эпизод действительности, который объединен своим собственным содержанием, своей семиотической организацией и значим для

вовлеченных в этот эпизод людей.

В семиотике различаются два плана. Это синхрония или знаковые системы в их редукции к некому условному, «остановленному» времени, то есть рассматриваемые фактически вне времени. Это также диахрония или рассмотрение знаковых систем не просто в действительном времени, но как систем развертывающихся в этом времени.

Данное семиотическое различение хорошо конкретизируется на лингвистическом материале как фундаментальная оппозиция языка и речи. Эта оппозиция была разработана великим швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром. Язык во всей своей целостности или *langage* имеет две стороны: *parole* – речь, события общения, как они происходят во времени и *langue* – абстрактную систему языка, которую используют общающиеся в любой момент речи.

При уточнении сосюровской концепции бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс предложил называть дискурсом (*discours*) то, что позволяет соединить язык как систему (*langue*) и речь как деятельность (*parole*), но при этом конкретнее и уже языка в его целостности (*langage*) [Buysens 1943]. Предложенный Бюиссансом подход позволяет различить три типа дискурса: два взаимоисключающих и один интегрирующий. Во-первых, он может пониматься как дискурс-продукт – аналогичные речи эпизоды человеческой деятельности, развернутые в действительном времени и значимые для вовлеченных в них людей. Во-вторых, он может определяться как дискурс-программа – значимая для соответствующих групп людей система правил понимания (интерпретации) подобных эпизодов и/или их создания (порождения). В-третьих, его можно непосредственно связать со способностями группы и составляющих ее людей использовать систему правил для создания осмысленных эпизодов действительности, а также придавать эпизодам своей деятельности смысл путем выработки или уточнения правил их понимания. Иными словами дискурс в третьем смысле – назовем его дискурс-конвертор – отождествляется с творческими усилиями людей по созданию и пониманию своих эпизодов действительности.

Еще одна принципиальная особенность дискурса состоит в том, что он не сводим ни к тексту, ни к речевой деятельности. При всей важности языковых аспектов политики она не сводится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации, и политические дебаты, и всего рода процедуры и церемонии. Все они построены на определенных знаках. Эти знаки используются сознательно и систематически. Поэтому нельзя не признать, что дискурс охватывает всю символическую деятельность политиков и граждан. Это как раз это и составляет суть современного понимания дискурса.

Что касается текста, то классический авторский текст отличается от дискурса еще и тем, что у дискурса нет и не может быть автора. Он всегда охватывает эпизоды политического процесса, например, манифестации или политические дебаты. Эти дискурсы возникают в результате того, что столкнулись воли нескольких участников, каждый из которых продуцирует что-то в этом совместном дискурсе, а нечто целое возникает только в результате сложения воли и смыслов на первый взгляд непредсказуемым образом. В результате дискурс оказывается произведением многих авторов.

Для того, чтобы некий фрагмент действительности признать дискурсом, нужно, чтобы он состоял из элементов-знаков (словаря), чтобы они были логически друг с другом связаны кодом и образовывали сообщение от кого-то кому-то. Словарь, код и сообщение соответствуют трем семиотическим уровням – семантике, синтактике и прагматике. Применительно к политике это деление было развито Чарльзом Мерриамом и Гарольдом Лассуэллом. Чарльз Мерриам, прямо ссылаясь на одного из отцов семиотики Кларенса Льюиса, выделяет два существенных момента. Это символы или знаки власти, которые он называет миранда (*miranda*), т.е. “вещи, достойные восхищения” (иногда он также пользуется антиномическим понятием – *horrenda* или “вещи, вызывающие ужасание”). Затем он выделяет широкие комплексы, включающие миранда и хорренда, а такие объединяющие их политические функции. Эти комплексы он называет креденда (*credenda*) или “вещи, в которые надлежит верить” [Merriam].

Ученик и сотрудник Мерриама Гарольд Лассуэлл развил эту схему, положив в основу миф, понятый как “фундаментальное исходное мнение” (*fundamental assumption*). Затем он выделяет в мифе “символы чувства и идентификации” и вслед за Мерриамом называет их миранда. К ним он добавляет политическую формулу, которая представляет собой “часть политического мифа, описывающую и предписывающую в деталях социальную структуру”. Рационализированный таким образом изнутри миф превращается в креденда, которые в совокупности и целостности Лассуэлл предпочитает называть политической доктриной [Lasswell].

Американские политологи не просто усвоили начатки семиотики, но совершили открытие, дополнив три уровня семиотики – семантику (уровень содержания знаков), синтактику (уровень отношений между знаками) и прагматику (уровень отношений между взаимодействующими, использующими знаки и отношения субъектами) – еще одним уровнем мифа, где и смыслы, и отношения, и субъекты слиты в общей самоочевидности. Данная концепция была отчетливо сформулирована в семиотике лишь в конце века [Ильина 1994].

2. Отечественная традиция. В нашей стране

зачинателями дискурсного анализа стали так называемые русские филологи, составлявшие молодое поколение так называемой московской лингвистической школы, которую также нередко называют «формальной» или фортунаатовской. Сама эта школа сложилась в результате деятельности Ф.Ф.Фортунатова в Московском университете в 1876-1902 годах. Молодые представители школы образовали в 1915 году – примерно через год после смерти Ф.Ф.Фортунатова – так называемый Московский лингвистический кружок (МЛК), который действовал до 1924 года. Примерно тогда же, в 1916 году, но уже в Петрограде было создано Общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), просуществовавшее до конца 20-х годов. Последним программным документом ОПОЯЗа стали тезисы Ю.Н.Тынянова, примкнувшего к ОПОЯЗ в 1919 году, и Р.О.Якобсона, являвшегося основателем как ОПОЯЗа, так и МЛК - его председателя в 1915-1919 годах.

Крайне продуктивной была деятельность М.М.Бахтина, В.Я.Проппа и Г.Г.Шпета. Ключевое, хотя так до конца не оцененное значение для дискурс-анализа вышедшая в 1928 году книга Владимира Проппа о морфологии сказки.

Основные идеи русских формалистов были усвоены мировой наукой благодаря деятельности Пражского лингвистического кружка, действовавшего с середины 20-х до начала 50-х годов. Важна была также роль Копенгагенского лингвистического кружка, действовавшего с начала 30-х годов, а также более поздних структуралистов, прежде всего так называемой массачусетской ветви американских структуралистов, возглавлявшейся Р.О.Якобсоном.

В нашей стране проблематика политического дискурса с учетом «дискурсного поворота» стала осваиваться уже в 70-е и 80-е годы. Знакомству с достижениями мировой науки способствовали рефераты ИНИОН и переводы, например, издание в 1987 году «Прогрессом» сборника «Язык и моделирование социального взаимодействия», редакторами которого были В.М.Сергеев и П.Б.Паршин. Одним из первых центров исследований политического дискурса стала лаборатория, позднее Центр международных исследований в МГИМО. Здесь творчески взаимодействовали А.Н.Баранов, Н.И.Бирюков, А.В.Загорский, В.М.Сергеев, И.Г.Тюлин и др. Затем возникла Лаборатория структурного анализа и моделирования политических решений в ИСКАН, что позволило расширить круг исследователей за счет В.П.Акимова, А.А.Игнатьева, А.А.Кокошина, П.Б.Паршина, В.Л.Цымбурского и др. Результаты их деятельности были только частично отражены в ряде публикаций, например, в сборнике 1990 года «Язык и социальное познание».

Одной из первых попыток собрать вместе как российских исследователей политического дискурса, так и их зарубежных коллег стало проведение в 1988 году международной конференции по

неконфронтационному общению, организованной Советским комитетом защиты мира. О характере конференции дают представление материалы некоторых из советских участников, подготовленные к конференции, но опубликованные с опозданием [Пути к пониманию 1989]. На этой конференции возникла международная научная инициатива «Политические понятия на Востоке и Западе». В рамках этой международной инициативы была осуществлена серия научных разработок, часть которых опубликована в специальном выпуске журнала «Discourse & Society» (№1 за 1993 год), а также подготовлена монография о концептных переменах в ходе детоталитаризации политического дискурса на Востоке и на Западе [Chilton, Ilyin, Mey 1998].

За последние годы значительно оживился интерес к дискурсу анализу в отечественной науке. Появились многочисленные статьи и несколько десятков монографических работ и сборников статей. Среди них можно отметить некоторые работы только последних лет [Гаврилова, Карасик, Климова, Кубрякова, Томашевская, Чернявская, Чудинов, Шейгал, Юдина], хотя этим перечнем постоянно увеличивающийся ряд исследований дискурса далеко не исчерпывается. Особое направление философского дискурс-анализа сформировалось на Урале вокруг журнала «Дискурс Пи», главным редактором которого является О.Ф.Русакова. Хорошее представление об уральской школе дает сборник [Русакова 2004]. Локальная, но весьма заметная школа лингвистического дискурс-анализа сформировалась в Твери. Эта школа весьма успешно развивает подходы так называемого критического дискурс-анализа [Макаров, Миловидов]. Специальная кафедра во главе Т.Д.Венедиктовой создана в МГУ. Более широкая сеть исследователей дискурса сложилась вокруг журнала «Полис» (В.Акимов, Н.Бирюков, Л.Бляхер, К.Завершинский, А.Казанцев, М.Ильин, П.Паршин, В.Сергеев, В.Цымбурский и др.). Для этой исследовательской сети характерно преимущественное внимание к когнитивным схемам в дискурсе.

Важную роль играют периодические издания. В журнале «Полис» существует постоянная рубрика «Политический дискурс». В 2003 году был также осуществлен тематический выпуск другого журнала – «Политическая наука» (№ 3). Важнейшим центром дискурсологии стал альманах «Дискурс Пи», пять выпусков которого стали заметным вкладом в развитие дискурс-анализа.

В рамках Третьего всероссийского конгресса политологов (2003 г.) был проведен специальный круглый стол по политическому дискурсу, а в рамках Четвертого конгресса (2006 г.) – специальная сессия. Есть все основания полагать, что эта отрасль политической науки будет успешно развиваться.

1. Двойственная онтология реальности и

действительности имеет не только философское и научное выражение – она лежит в самой основе обыденного языка, а значит, и фундаментальных, спонтанно действующих начал мысли. Обыденный язык, точнее, многие новоевропейские языки, отличает вещную реальность (от лат. *res* – «вещь») и, соответственно, *reality*, *realité*, *die Realität*, etc. от энергийной действительности – *actuality*, *actualité*, etc. (от лат. *actio* – «действие»), *die Wirklichkeit* (от *wirken* – «действовать»).

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В.Путина и Б.Н.Ельцина). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Ильина Н.А. Геогностика сквозь призму языка. М.: МГУ, 1994.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

Климова И.И. Дискурс и его истоки. М., 2000.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. – Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике

дискурса. Тверь, 2000.

Пути к пониманию. Вып. 1, 2, М.: СКЗМ, Внешторгиздат, 1989.

Сартори Дж. Искажение понятий в сравнительной политологии. – «Полис», 2003, №№ 3, 4, 5.

Русакова О.Ф. (ред.). Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИфиП УрО РАН, 2004.

Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современности. СПб., 2000.

Чернявская В.Е. Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000 (второе издание М., 2004).

Buyssens E. Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité, 1943.

Chilton P., Ilyin M. & Mey J. (eds.). Political Discourse in Transition in Europe 1989 - 1991. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998.

Lasswell H.D. Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. Camb. (Mass.): MIT Press, 1949.

Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspective. Englewood Cliffs., 1966.

Sartori J. Concept Misformation in Comparative Politics. – «American Political Science Review», 1970, № 4.

ТЕОРИЯ Н. ФЭРКЛОУ И ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В ТРИАДЕ «ТЕКСТ – ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА – СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА»

А.Г. Пастухов

**Пастухов Александр
Гаврилович**
кандидат
филологических наук,
доцент Орловского
государственного
института искусств и
культуры, зав.кафедрой
иностраных языков.

E-mail:
pastalex@orel.ru

Центральным вопросом в теории Н. Фэрклоу является изучение различий между критическим дискурс-анализом и постструктуралистской теорией дискурса. В своей работе Н. Фэрклоу показывает дискурс не только как созидательный, но и как создаваемый, как важную форму социальной практики, которая не только представляет, изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения, но и рассматривается как арена действия социальных практик и структур. Таким образом, дискурс находится в множественных диалектических отношениях с другими социальными измерениями, а медиа (журналистика, связи с общественностью и т.п.) являются примером дискурсивных практик

(Fairclough 1992: 66).

Дискурсивная практика не только представляет дискурсивные структуры, но и оспаривает те, которые находятся вне его структуры (Fairclough 1992: 66). Исследование разговорной и письменной речи в повседневном социальном взаимодействии (по Н. Фэрклоу – форма дискурс-анализа) (Fairclough 1992: 72), позволяет с позиций лингвистики проследить, как в отдельных текстах протекают дискурсивные процессы. Критикуя лингвистические подходы за их концентрацию исключительно на текстовом анализе, а также за упрощенно-поверхностное понимание отношений между текстом и обществом, Н. Фэрклоу называет их не достаточными, т.к. они не проясняют связь между текстами, социальными и культурными процессами. Необходима, – пишет он, междисциплинарная точка зрения, сочетающая в себе текстовый и социальный анализ.

Применение макросоциологической традиции к дискурс-анализу учитывает то, как социальные практики формируются на основе социальных структур и отношений власти. Вклад интерпретационной традиции обеспечивает понимание того, как в повседневной жизни люди управляют миром. Поэтому в наиболее абстрактном смысле дискурс понимается как: 1) социальная практика, 2) разновидность языка, используемого в пределах определенной области, 3) исчисляемое существительное (отдельный дискурс, этот дискурс,

а также феминистский, марксистский дискурс и т.п.).

Центральным моментом в теории Н.Фэрклоу являются т.н. измерения дискурса: коммуникативное событие — отдельный случай использования языка (газетная статья, фильм, интервью или политическое выступление) и порядок дискурса — конфигурация всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо социальном пласте или социальной области. Типы дискурсов состоят из дискурсов и жанров (Fairclough 1995: 66), где жанр — специфическое использование языка, составляющее часть отдельной социальной практики (Там же: 56). Внутри определенного порядка дискурса существуют дискурсивные практики, посредством которых продуцируются, воспринимаются или интерпретируются текст и речь (Fairclough 1998: 145). В каждой дискурсивной практике, а именно, в процессе производства и восприятия текста, различные типы дискурсов (дискурсы и жанры) используются особым образом.

Суммируя эти три измерения, привлекаемые для анализа коммуникативного события, собственно лингвистический анализ должен учитывать особенности: (1) текста (речь, письмо, визуальное изображение или их сочетание), (2) дискурсивной практики (процесс производства и восприятия текстов), (3) социальной практики (широкой социокультурный контекст, в котором происходит коммуникативное событие).

Данная триада, кроме собственно анализа лингвистических особенностей, неизбежно влечет за собой и анализ дискурсивных практик, представляя собой два разных измерения. Анализ дискурсивной практики сконцентрирован на том, как авторы текстов используют уже существующие дискурсы и жанры, чтобы создать текст. С точки зрения получателей текстов они обеспечивают доступные дискурсы и жанры при их восприятии и интерпретации (Филлипс, Йоргенсен 2004: 111). Так, некоторые из них, напр. новости, могут образовывать амальгамы дискурсов, формировать их интерпретацию и обсуждение в социуме, применять те дискурсы и жанры, которые использовались ранее, а также объединять их с другими в новых гибридных формах.

Дискурсы и жанры, которые артикулируются при производстве, восприятии и интерпретации текста, имеют некую лингвистическую структуру, которая влияет на эти процессы, вырастая до коммуникативного события, опосредованного специфическим использованием языка (будучи одновременно и структурой, и практикой). Использование дискурсов и жанров как источников коммуникации управляется при помощи некоторой соразмерности, детерминированной стратегиями составления текстов, в особенности типичные для медиа-текстов. Т.н. *artum decogum* может выступать как особое свойство стилистики текста, дополняемой

требованиями правильности, ясности и внешней привлекательности, воспринимаемые не абстрактно, а практически ориентированно. К категории соразмерности относятся средства языковой изобразительности, образующие т.н. внутренний *artum*, а также ощущаемые интуитивно и ситуативно опосредованные — внешний *artum*. В условиях жесткой социальной иерархии формируется и некий третий *artum*, соразмерность которого определенно базируется на принятых в обществе нормах.

Вместо застывших норм все чаще выбирается индивидуальность; вместе с ней меняется и сама категория соразмерности. Точнее говоря, понятие соразмерности теряет свою оценочную силу, как только в ее основу закладывается фактор индивидуального. Практика показывает, что рассуждения относительно единства текста вовсе не устарели, как и рассуждения о его ситуативности. Различные рубрики в прессе подтверждают это: ни одна из существующих ныне речевых норм не действует по одинаковому шаблону. Покажем это на примере жанра «фельетон», имеющего вполне самостоятельное значение. Появившиеся впервые в 18 в. во Франции под названием *Feuilleton* (от фр. *feuille* «листок»), они активно были подхвачены прессой как дополнение к основной политической части газеты. В Германии эта «французская болезнь» впервые появилась в *Kölnische Zeitung* (1838), где фельетон соседствовал с такими жанрами как рецензия, критика, интервью, репортаж и т.д.

В течение исторического развития полемических видов журналистики, общим местом этих «малых форм» стало понимание фельетона как культурного ресурса. Здесь авторы, продвигая тот или иной тезис, получили возможность представить опосредованно фактическое знание и, что важно, в отдельных случаях отказаться от идеологии, но не от средств выразительности. По этой причине стилистика фельетона, победив риторику, высвободила художественные средства, необходимые для выражения 'правды' (Göttert, Jungen 2004: 271).

В настоящее время использование жанра «фельетон» очень распространено. Эта «элегантная», острая и легкая манера письма во всей её стилистической отточенности достигла популярности у читателей. Формально в фельетоне речь идет о лично пережитом событии в его ироничном и философско-задумчивом понимании. По мнению Г. Штегерта, две основные стратегии этого жанра могут квалифицироваться как «семантическая компримация» (сжатие), и, одновременно, как «кулинаризация» жанра (Stegert 1998), особую «приправу» к которому добавляют острый анекдот, ирония или шутка. Важно, что материал фельетона дает материал для дальнейших интерпретаций его текста или заголовка.

Современная тенденция к колумнизму отражает новые условия письма критически для настроенных и поучительно аргументирующих

авторов, работающих в жанре фельетона. Накал, связываемый с революционными преобразованиями или консервативным академизмом 90-х гг., заметно снизился, однако стилистика этого подчеркнуто свободного письма получает новый, современный импульс. Так, например, жанр еженедельных фельетонов Максима Соколова, кolumnиста газеты «Известия», позволяет и сегодня «людям с умом острым и нетривиальным находить глубокие загадки в том, что людям не столь пронизательным представляется очевидным» («Известия» 07.07.06, с.8).

1. Филлипс, Л. Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, – 336 с.
2. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press
3. Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
4. Fairclough, N. (1998) *Political Discourse in the Media: An analytical Framework*, in: A. Bell and P. Garrert (eds.) *Approaches to Media Discourse*. Oxford: Blackwell.
5. Göttert, K.-H., Jungen, O. *Einführung in die Stilistik* München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. – 288 S.
6. Stegert, G. *Feuilleton für alle. Strategien für Kulturjournalismus der Presse*. Tübingen, 1998.

«ЗЕМЛЯ ТЮМЕНСКАЯ»: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Г. Богомяков

Богомяков Владимир Геннадьевич
доктор философских наук, зав. кафедрой Тюменского государственного университета, профессор

E-mail:
boga@tyumen.ru

Региональный политический дискурс формируется социокультурной средой региона и, в свою очередь, активно воздействует на неё, формирует её. Компонентами регионального политического дискурса являются образы региона, коммуникативные стратегии и интенции, установки, ценности, мнения и т.п. Важнейшим социокогнитивным компонентом региональной политической идентичности являются ментальные структуры, связанные с формированием региональной идентичности. Посмотрим как конструируется в пространстве социума и культуры идентичность «земли тюменской», центром которой выступает город Тюмень.

«Земля тюменская» всегда считалась Сибирью. В 1803 году для всех земель к востоку от Уральских гор было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство. После реформы М.М. Сперанского начинают различать Западную и Восточную Сибирь (граница их проходила по реке Енисей). К Западной Сибири всегда относили Тобольскую, Омскую и Томскую область. Западная Сибирь – это, как сказал в своё время В.П. Семёнов-Тян-Шанский, «коренная Сибирь». Но недаром Н.В. Кюнер, выступая в 1918 году во Владивостоке, произнёс: «О Сибири

можно мыслить различно!». К маю 2003 года о Тюменской области Центр стал мыслить так, что сделал её частью Уральского федерального округа. А Урал – это совсем не Сибирь: другой мир, другое пространство, другая жизнь (несмотря на то, что от Тюмени до Екатеринбурга всего 300 километров).

В России ли «земля тюменская»? До конца XIX века говорилось о «стране Сибири»; а в блатных песнях и позднее пели: «Перемахнули за Урал, прощай Европа, я удрал в далёкую страну Хамардабан». Страна эта – не привычная Россия, а свободное малообжитое пространство, куда с трудом дотягивает свои щупальца государство, но, с другой стороны, это мрачный край каторги и ссылки на задворках русского orbis terrarum. В конце XIX века прочно утверждается понятие «азиатская Россия» (равноправная во всём русская земля). О единстве России европейской и азиатской много писали В.П. Семёнов-Тян-Шанский, затем – евразийцы. Но, одновременно, живёт в сознании части народонаселения представление о Сибири автономной, отделившейся от России. М.А. Бакунин, один из властителей умов радикальной интеллигенции, считал, что независимость Сибири – дело времени. К началу XX века в спорах централистов с регионалистами и областниками рождаются формула «Россия и Сибирь», лозунг «Сибирь для сибиряков», претензии к метрополии, которая «лишь тормозит развитие Сибири» (Н.М. Ядринцев). Во время существования ССР, настроения сибирского сепаратизма были вытеснены из дневного сознания в глубинное общественное подсознание, но в последние годы находятся влиятельные разжигатели таких настроений, вроде Збигнева Бжезинского (предрекающего образование на постсоветском пространстве России московской, России петербургской, России сибирской и ещё некоторого количества разного рода Россий), а также самого Б.Н. Ельцина, предложившего в свое

время брать суверенитета, кто сколько сможет унести, (что в условиях ослабления государства и падения его авторитета во всех сферах жизни навевает региональной элите сладостные мечты о возможности построения самостийного, сказочно богатого нефтью и газом, княжества). Конечно, сепаратизм – это крайняя позиция, которую разделяют (тайно или явно) лишь незначительное число обитателей «земли тюменской». Однако, всем им, конечно, понятны слова дореволюционного автора М.Г. Гребенщикова о существовании многих России (не в политическом, а в социо-культурном смысле).

Провинциальна ли «земля тюменская»? Если бы этот вопрос задали столичному жителю и попросили бы ответить на него на основании анализа средств массовой информации Тюмени, ее телевидения, или, к примеру, «глянцевых» журналов типа «Я покупаю», то ответ был бы однозначен: да, провинциален. Ибо во всем – чрезмерность, граничащая с китчем, и развязность, проистекающая, видимо, от глубинных подозрений самих себя в провинциальности, и от стремления эту свою провинциальность завуалировать. Однако, ответ на вопрос о провинциальности не столь прост, как это кажется на первый взгляд, ибо дуальная схема «столица – провинция», рождающая сентенции вроде приснопамятной «Москва говорит – Россия слушает!» давно уже не работает: и столица уже не столь столична, и провинция уже не столь провинциальна; к тому же столиц оказывается несколько, а присущая им столичность – различной. Провинция зачастую понимается как территория истинности и сокровенности; лоно плодоносящее и рождающее; место самое близкое к земле; место, где не перестаёт свершаться нечто промыслительное, где хранятся вечные ценности и абсолютные смыслы. Однако тюменская жизнь очень часто бывает по-столичному неподлинной, рождая в мятущихся умах так называемый люкримакс – тягу к настоящему и истинному, которое далеко, – уж никак не здесь, в этом месте, где всё кажется неглубоким, случайным и не имеющим особого смысла. А иногда бывает тюменская жизнь по-плохому провинциальной, обнаруживая болотную аморфную зыбкость, аполитичность, позу некоего вечного жалобщика на притеснения со стороны Москвы. Центр и периферия, друг без друга невозможные, друг друга держат и бросают, друг друга обуславливают и опровергают, растут за счёт друг друга, и терзаются от недостаточности.

Что такое Тюмень: «столица деревень» или центр района нового промышленного освоения? Нефтяной и газовый бум изменил не только облик Тюмени, но и сам её дух. Уже сам глагол «освоение» имеет противоречивые смысловые оттенки: с одной стороны, субъект овладевает чем-то, а, с другой стороны, вынужден изменяться для того, чтобы овладевать. Тюмень, став центром создания нефте-

газового комплекса, утратила прежнюю захолустную целостность, обнаружила в себе нечто совершенно не свойственное ей ранее, нечто незнакомое и чужое; стало происходить глубинное её переустройство. Каков основной отличительный (не административный, но социо-культурный) признак, отличающий «землю тюменскую» от иных краёв и областей? Лет 20 назад титул столицы нефтяного края, как считали многие, выражал специфику Тюмени. А сама «земля тюменская» раскинувшаяся от степей Казахстана до Северного Ледовитого Океана и соединившая в себе несоединимое, казалось, объединена была важнейшей хозяйственной задачей освоения нефти и газа.

Сегодня в Тюменской области автономные округа, входящие в область, стали равноправными с областью субъектами Федерации, в которых идёт освоение месторождений нефти и газа. А Тюмени остался юг области: она уже не «столица деревень» и не «столица нефтяного края», а город с неясным образом и неясной судьбой. Затрудняет региональную идентификацию и большой поток мигрантов (с иными региональными идентичностями). Сегодняшняя идентичность Тюменской земли для многих, приехавших сюда, ассоциируется только с возможностью заработать неплохие деньги, что, естественно, ни в коей мере не передает специфику региона. Внутреннюю идентичность региона выявить сложно; на поверхности – лишь внешние идентификационные образы, преимущественно, экономического содержания.

Мы видим, что налицо феномен, называемый «кризисом идентификации» и характеризующий психологическую сферу эпохи Постмодерна (Дж. Уард). При кризисе идентификации у субъекта разрушается целостное самовосприятие, жизнь уже не кажется идентичной сама себе, наступает кризис мировоззренческой универсалии «судьба». Кризис идентификации связан с ацентризмом, то есть отсутствием фундамента и центра, исчезновением приоритетных осей и точек, что даёт дорогу плюральным аксиологиям, плюральным социальным и культурным контекстам.

На наш взгляд, было бы совершенно неверным рассматривать кризис региональной идентификации лишь в негативном плане. Здесь вспоминается очень интересное понятие «внеаходимость», предложенное в своё время М.Бахтиным. Бахтин употреблял его по отношению к человеку, но внеаходимым может становиться любой субъект, в том числе и регион. В ситуации внеаходимости своя подлинная сущность обнаруживается субъектом в точках несовпадения с самим собой. Внеаходимость – это всегда противоядие против слияния с внешними смыслами и сиюминутными состояниями. Это толчок к удивительной внесмысловой активности, позволяющей внесоциально объективировать жизнь, взглянуть за грань унылого коллективно-общинного и унылого анархически-зооморфического жителя-

быть.

И вот когда бережно-созерцательный взгляд уходит от внешних отношений с социумом, то «земля тюменская» открывается ему как пространство и воля; как незанятость, незакреплённость, незаполненность, как место для будущего и

будущей свободы; как место где «всё возможно» (М.М. Пришвин), где «бесформенность, хаос, но всё же лик». И гораздо понятнее становятся слова О.Шпенглера о восходе сибирской цивилизации или рассуждения В.Шубарта об исповедании русско-сибирской оценки мира.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ЧТО ПРОИЗОШЛО, КОГДА НЕ СТАЛО ДИСКУРСА «МЫ» И «ОНИ»?

Б.В. Емельянов

Емельянов Борис Владимирович
доктор философских наук, профессор Уральского государственного университета им. А.М.Горького

E-mail:
emeljan@r66.ru

Считается, что в менталитете русского народа общее (общинное), соборное, хоровое начало превалирует. Сильны в нем были и диалоговые традиции. Именно эта сторона духовной культуры русского народа наиболее исследована и является в настоящее время в какой-то степени модной исследовательской проблемой. Однако существовала и другая традиция, линия мировосприятия, в основе которой лежало деление на «Мы» («свои») и «они» («Чужие»). И это был уже не диалог, а противостояние.

Это противостояние имело как политические, так и мировоззренческие основания. Хотя началось оно с принятием христианства, которое в основе своей было насильственной заменой веками бытовавшей языческой веры и культуры новой, «чужой», пришедшей из Византии верой и культурой, это сторона отечественной культуры мало изучена. И понятно, почему: она не делает чести русской культуре, мы ее стыдимся, поскольку это противостояние, политические судьбы русской культуры вписали в ее историю печальные а порой - трагические страницы. Считаю возможным утверждать, что история отечественной культуры в дискурсе «мы» и «они» является актуальной, малоизученной проблемой.

Наиболее выпукло и бескомпромиссно этот дискурс проявил себя в русской культуре первой четверти XX века, приобретя публицистическое выражение в формуле «от серебряного века к железному».

Еще до революции 1917 г. в стране противостояние различных идейных, и философских направлений общественной мысли приобрело непримиримых антагонизмов. Самодержавие и православная церковь силой принадлежащей им государственной машины отстаивали незыблемость постулатов своего существования. Любые посягательства на них жесточайше преследовались. Одним из ярких примеров такого противостояния являлось отлучение в 1901 г. от церкви Л.Н. Толстого (См.: Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979). Борьба церкви с «инакомыслием» на поле отечественной культуры - это особая и во многом еще малоисследованная тема. Кредо церкви «веровать, но не умствовать» означало неприятие любого свободомыслия, любого недогматического толкования ее постулатов. Неудивительно, что церковь не просто потеряла авторитет, от нее отвернулись, ушли, кто в марксизм, кто в мистику и масонство лучшие представители русской культуры.

С другой стороны баррикад, разделявших русскую культуру на «своих и «чужих», были радикальные силы русской интеллигенции, объединившие в своих рядах талантливейших представителей русской культуры. Им была присущая уверенность, что только они обладают знанием того, что нужно России, ее народу и культуре. Их радикализм по отношению к официальной идеологии и культуре выражался в бескомпромиссных суждениях по отношению к идейным противникам. Как писал А.И. Герцен еще в 1850 г., «из них учреждена своя радикальная инквизиция, свой ценз для идей» (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т.5. С.202). Леворадикальная линия развития отечественной культуры (революционные демократы, народники, большевики) отличалась критикой и неприятием официальной культуры. Ее кредо «кто не с нами, тот против нас» сформулировано В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), а картина воплощения его на практике представляла мозаику лозунгов «долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию» (Маяковский В.В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 12. С.7). Эти лозунги «левых» деятелей культуры

пытались воплотить в жизнь после революции пролеткультовцы, которые начали диктовать обществу свое понимание путей развития культуры, связывая их с требованием «искусство для народа». Любые иные, даже классические формы проявления культуры, не отвечающие этим требованиям, отменялись. Установленное ими противостояние «мы» (победившие) и «они» (проигравшие) было на руку идеологам большевизма, установивших, в конце концов, жесткий авторитаризм «диктатуры пролетариата в искусстве». Отечественная культура потеряла свою цельность, стала однолинейно-партийной.

Как это ни парадоксально, в отечественной культуре поменялись знаки: то, что до революции утверждалось, стало отрицаться. И наоборот. Как писал Н.А. Бердяев, «революция слишком часто заражается тем духом, против которого борется, один деспотизм порождает другой деспотизм, одна полиция - другую, вандализм реакции порождает вандализм революции» (Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С. 255).

После революции «воинствующий коммунизм и марксизм» (формула М.Н. Покровского) начал наступление на «буржуазную культуру» по всему фронту, включив в борьбу с ней репрессивный аппарат государственной власти в лице цензуры. К примеру, тотальной чистке были подвергнуты фонды всех библиотек. Из них были изъяты произведения, не соответствующие марксистской идеологии. Дело доходило до парадоксов. По приказу Н.К. Крупской, отвечавшей в Наркомпросе за чистку библиотек, чтобы оградить детей от чуждой идеологии, из библиотек были изъяты сказки, потому что «в сказках бывает так много недоговоренного, намеков, и то, на что намекается, может казаться таким красивым, заманчивым, а на деле является ядовитой и вредной пищей для детского ума!» (Крупская Н.К. О библиотечном деле. М., 1983. Т.2. С. 285).

В высших учебных заведениях началась повсеместная чистка преподавательского состава. От преподавания была отстранена большая часть «старой» профессуры, иные покинули страну добровольно, несколько десятков человек выслали за пределы России. Оставшихся решили «перековать», заставив сдавать «партминимум».

Аналогичные процессы происходили в литературе, где также начали навешивать ярлыки «не нужных революции» писателей. Такие ярлыки получили Ю. Айхенвальд, О. Мандельштам, В.

Лидин. А рупор партии В. Маяковский объявил «нулями», «никчемными, жалкими и смешными анахронизмами» А. Ахматову, Вяч. Иванова и других поэтов. Культура превратилась в арену классовой борьбы, которую возглавляла партия. По стране прокатилась «культурная революция», которая окончательно «подписала смертный приговор» всей «непролетарской» культуре. Позицию партии хорошо выразил все тот же В. Маяковский: «сейчас лозунг культурной революции становится одним из основных наших лозунгов. В слове «культура» и в слове «революция» имеется одно важное значение для вас: что революции нет без насилия, нет революции без насилия над старой системой понимания задач в области культуры, и вы, которые идете по проторенной дорожке старой культуры... вы себе подписываете смертный приговор» (Маяковский В.В. Поли. собр. соч. М., 1959. Т. 12. С. 458).

Но «рукописи не горят» и в дискурсе «мы» и «они» не может быть окончательной победы одной из сторон. Казалось, уничтоженные ростки отечественной культуры ожили и стали развиваться в зарубежье, а в России появилась «катакомбная» (В. Брюсов) культура. Хотя и «в стол», но продолжали писать статьи и книги Я. Голосовкер, М. Бахтин, А. Платонов, Б. Пастернак, М. Булгаков, А. Ахматова, М. Пришвин и многие другие. Эти деятели русской культуры не просто продолжали творить. Их особенность состояла в том, что «они не нуждались ни в эзоповом языке, ни, тем более, в официальном новоязе». Они строили объективно противостоящую официозу науку, философию, искусство. Развитие русской культуры, несмотря на все катаклизмы революционных преобразований, продолжалось.

А затем наступила перестройка, рухнула марксистская моноидеология, выкованная «из единого куска стали» и расцвели все цветы. Дискурс «мы» («свои») и «они» («чужие») потускнел. Повсеместно - в монографиях и учебных курсах, статьях и диссертациях стала демонстрироваться концептуальная всеядность, нарочитая безыдейность, агрессивное дилетанство.

Былая идейность и прокламируемая партийность в философии, в которых была своя правда, ушла в прошлое, уступив место эклектизму. Своеобразный дискурс «принципа дополнительности», взятый сегодня на вооружение, означает, что каждый волен взять в качестве утверждения и дополнения своей позиции любое мировоззренческое утверждение, соединяя несоединимое.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ОСОЗНАВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ «Я-ОБРАЗА»

Т.В. Белых

Белых Татьяна Викторовна

доктор психологических наук, зав. кафедрой
социальной и политической психологии
Ставропольского государственного университета

E-mail: tanya69@mail.ru

В современной психологии меняется представление о взаимосвязи личности и социума, личности и власти, что находит отражение в новых подходах к изучению психологии личности, участвующей в политической, управленческой, профессиональной деятельности, организации условий ее оптимального осуществления, ориентирующихся на развитие личности профессионала, его субъектных характеристик.

Проблема исследования субъектной активности личности, по мнению многих психологов, продолжает оставаться значимой в настоящее время, хотя уже в 90-х годах двадцатого столетия появились работы направленные на исследование: онтогенетического развития субъекта (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.А. Деркач, В.Т. Кудрявцев, Е.А. Сергиенко, В.И. Слободчиков, Д.И. Фельдштейн, Г.А. Цукерман и др.); элементов опыта субъектной активности (ценностный, рефлексивный, привычная активация, операциональный, сотрудничество) (А.К. Осницкий); существования субъектного взаимодействия между человеком и природой в рамках экпсихологии, (В.И. Панов); закономерности развития личности как субъекта понимания (В.В. Знаков); способностей как качеств и свойств, обеспечивающих успешное (оптимальное) функционирование психических процессов (В.Д. Шадриков, В.Н. Дружинин); восприятия как исходно субъектного и личностного процесса, который представляет собой перцептивную систему, состоящую из чувственного образа, внутренних условий субъекта (перцептивного комплекса) и формы жизнедеятельности в пространстве и времени (В.А. Барабанщиков); субъектных параметров личности в использовании языковых феноменов с помощью методов психосемантики (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др.).

В настоящее время предложен новый вид педагогики — субъектная педагогика и новый вид психотерапии — субъектная психотерапия.

При всем многообразии полученных в отечественной психологии эмпирических фактов относительно механизмов развития субъекта, на наш взгляд, остается открытым вопрос о субъективном восприятии личностью «границ» собственной

субъектной активности, ее представлений о возможности или невозможности их преодоления, что, несомненно является одним из факторов оптимальной реализации субъектом таких видов деятельности, которые требуют максимальной самоактуализации, использования и развития психологического ресурса личности (политическая деятельность, управленческая, творческая и др.).

Мы намеренно не касаемся вопроса об исследовании асубъектности личности, когда человек при различных видах патогенной личностной изменчивости становится неспособным к оценке меры собственного влияния на свою жизнедеятельность. При некоторых видах поведенческих расстройств личности субъектная психотерапия, на наш взгляд может быть эффективной.

В нашем исследовании нас интересовала проблема исследования восприятия образа «Я» относительно возможности оценки личностью границ собственной субъектной активности.

С точки зрения М. Мамардашвили, анализирующего тексты Р. Декарта «Я»-феноменально, т. е. мы имеем дело с сознанием в смысле феномена осознания. А оно обладает следующим признаком: совпадением события и факта концептуального осознания этого события. Когитальное «Я» («Я» возникшее в результате акта «когито» по Р. Декарту) должно само себя сотворить. Т.е. «Я» развертывается, осуществляется, создается в феномене осознания.

В нашем исследовании мы попытались обнаружить индикаторы, позволяющие проанализировать границы образа «Я» относительно возможности осуществления такого «самосозидания» личности.

Для описания образа мира или образа «Я» субъекта, его имплицитной модели можно реконструировать категориальную структуру индивидуального сознания, размещения в ней индивидуальной системы значений.

В нашем исследовании использовался тест репертуарных решеток (Дж. Келли) именно в целях реконструкции имплицитной картины мира, выявления особенностей восприятия места «Я» в общей системе «Я - окружающий мир». Конструкты вызывались методом самоперсонификации — одним из вариантов метода триад.

На наш взгляд, изучение области индивидуального опыта проявления субъектной активности (активности, направленной на саморазвитие, самосозидание) возможно через анализ структурных отношений между образами, связанными с различными аспектами представления о себе, и образами, непосредственно раскрывающих два аспекта субъектности: принятие собственной

ответственности и реализация желаемых изменений в жизни. Для изучения этих аспектов, помимо стандартного набора ролей, введены две роли: «Человек, осознающий свою причастность ко всему происходящему в его жизни» и «Человек, способный повлиять на свою жизнь или измениться сам». Особенности идентификации, дистанция между образами в личном семантическом пространстве выступали в качестве определителей экзистенциальных границ, связанных с переживанием перспективности или бесперспективности дальнейшего личностного развития.

Полученные эмпирические факты позволили вскрыть внутреннее пространство границ образа «Я» и обнаружить наличие или отсутствие препятствий относительно развития собственной личности.

В нашем исследовании субъектность раскрывалась через два аспекта: 1) осознание собственной причастности ко всему происходящему в собственной жизни, связанное с определением позитивного самоотношения; 2) развитие способности к преобразованию своего места в мире, требующее проявления активности со стороны личности, выступающей в качестве инициатора изменений.

Рассмотрение двух аспектов субъектности привело к следующим выводам: осознание причастности ко всему происходящему в жизни связано с формированием позитивного самоотношения, включением в свою Я-концепцию социально-значимых качеств — тех из них, которые способствуют развитию межличностных отношений, открытостью по отношению к своему будущему (большая интегрированность образов «Я-идеал» и «Я через 10 лет»).

Способность влиять на свою жизнь или изменяться самому, связана с осознанием способности к реализации жизненных планов человека, с осознанием его адаптированности в обществе, желанием повышения уровня независимости, актуализацией стремления к реализации свободы выбора.

В исследуемых случаях внутриличностный конфликт (разотождествление образов «Я сам», «Я через 10 лет» с одной стороны и образом «Я-идеал» с другой) оказался связанным непосредственно с переживаемой бесперспективностью дальнейшего развития «Я».

Д.Е. Москвин

МОЛОДЁЖЬ В ПОЛИТИКЕ – ДА! МОЛОДЁЖЬ ВО ВЛАСТИ – НЕТ!

**Москвин Дмитрий
Евгеньевич**
ассистент кафедры
истории политических
учений Уральского
государственного
университета
им. А.М. Горького

dmitry_moskvina@mail.ru

Дискурс молодёжных политических движений, складывающийся в последние годы, ставит много вопросов относительно политической мотивации молодёжи, используемых ею средств, стоящих за ней субъектов реального политического процесса. Наибольший методологический интерес вызывает вопрос: должна ли молодёжь быть в политике и должна ли она участвовать в борьбе за власть?¹

Мы исходим из того, что молодёжь — это социальная группа, характеризующаяся вынужденным «скоплением» в различных сегментах общественной жизни (школа, вузы, армия, клубы и пр.) и наличием возможности самостоятельного выбора дальнейшей жизненной траектории. Выбор возможен в ситуации

альтернативности, но обуславливается различного рода стереотипами. Принципиальным является понимание молодёжи как социальной группы (т.е. занятие ею определённых социальных ролей в обществе) и её отличие от «молодых людей», т.е. возрастной группы, как правило, 16-30 лет. Не каждый «молодой человек» есть представитель молодёжи!

Участие молодёжи в общественно-политической жизни обуславливается спецификой последней: общественно-политическая сфера — это дискурсивное пространство выработки общих для всех политических смыслов, в которое втянуты посредством различных организационных форм все социальные группы. Политика в этом плане — это 1) внедрение организационных форм, способствующих 2) совместному «обсуждению» стратегии развития общества, решению стоящих перед ним проблем. Это означает, что наличие искусственных и самостоятельно создаваемых молодёжью организаций, движений, клубов позволяет ей выступать смыслозадающим актором политического процесса, однако не даёт оснований участвовать во «взрослой игре» за обладание государственной властью.

Сегодня в России, а после саммита «Юношеской восьмёрки» в июле 2006 г. и во всём мире, наиболее

популярен стереотип, будто бы молодёжь должна участвовать в политическом процессе, ибо за нею будущее, она однажды заменит правящую элиту или окажет влияние на её формирование. Однако ж данное утверждение есть всего лишь констатация неизбежного, ибо смена поколений необратима. В этой связи следует говорить о целенаправленно распространяемой мифологеме, лишь заявляющей необходимость участия молодёжи во всех политических процессах, но не дающей рационального объяснения этой необходимости. Более того, данный миф оказался наиболее востребован в ряде пост-социалистических государств, где в недавнем прошлом именно при активном участии молодёжи произошли «цветные революции». Существуют основания утверждать, что целенаправленная организация молодёжных движений антиправительственной ориентации есть политическая технология, активно применяемая внешними акторами в собственных геополитических интересах.

Найти исторические примеры успешных государств и политических проектов, осуществлённых с оглядкой на молодёжь, вряд ли удастся. Есть стратегическое мышление, есть понимание, какой должна быть страна через 10-15 лет, и молодёжь в данной ситуации вынужденно встраивается в общую для всех схему организации жизни.

Однако можно привести различные примеры, когда молодёжь выступала средством борьбы за власть, инструментом реализации частных политических амбиций и интересов. Так, более 160 лет назад в Великобритании была создана фракция в парламенте (и по случайному совпадению интересов участников – литературный кружок) «Молодая Англия», возглавил которую Бенджамин Дизраэли. Объектом атаки был выбран премьер-министр Роберт Пиль, чьи выступления члены «Молодой Англии» регулярно срывали своими громко озвучиваемыми комментариями. Чуть позже, обосновывая право молодых (членам фракции за исключением лидера не было и 30 лет) на властные притязания, Б. Дизраэли в романе «Кониингсби», или «Новое поколение» напишет: «Какую цель должна преследовать юность? Она должна пытаться вновь создать такую форму правления, которую народ любил бы, а не только терпел. Юность должна обладать героическим честолюбием» (курсив мой – Д.Е.)².

В истории были примеры, когда именно молодёжь радикально меняла ход и характер политической жизни. Если посмотреть биографии главных «героев» Французской революции конца XVIII века, то обнаруживается интересная закономерность: революционерами они стали в возрасте до 30 лет, а на гильотину шли, не достигши и 35 лет. Но если вспомнить, каким образом и в какой обстановке шло идейное обоснование революции, кто и как тиражировал идеи французских просветителей,

то всё становится на свои места. Огюстен Кошен характеризовал предреволюционный период как «республику словесности», где «собираются, чтобы говорить, но отнюдь не делать», где «каждое умственное усилие направлено на получение отзыва, одобрения»³. А если вспомнить «игровой» характер философских концепций того времени, их эпатажность, то становится понятным, что молодёжь нашла в этой среде всё необходимое для реализации своего максимализма, бескомпромиссности, нетерпимости, и только подогреваемая личными амбициями могла пойти на все те действия, коими столь богата история революции.

Луи Антуан Сен-Жюст – в 25 лет депутат Конвента; ярчайший деятель периода якобинской диктатуры; становится известным благодаря безапелляционному заявлению о немедленной казни короля без суда; именно он вводит понятие «враг революции/ народа», в 27 лет гильотинирован. Жан-Ламбер Тальен, начавший революционную карьеру в 22 года, в 25 прославился «сентябрьскими убийствами» в парижских тюрьмах... Почти все лидеры якобинского клуба были едва 30 лет, кроме разве что 45-летнего Марата, в итоге убитого 24-летней Шарлоттой Корде...

Примеры попыток молодёжи побороться за власть есть и в российской истории. Например, исследование биографий участников декабристских кружков наглядно показывает, что большинство их членов были в возрасте 20-30 лет. Уже с 1817 г. появились идеи силового устранения государя императора Александра I – проект 34-летнего М. Лунина, в дальнейшем поддержанный 25-летним П. Пестелем. А в 1825 г. с этими же идеями выступал 30-летний И. Якушкин. Сам характер декабристского мятежа, максимализм целей и героизм в выборе средств свидетельствуют об особой роли психологического фактора, свойственного молодёжи.

Весьма показательна ситуация в России 1870-90-х гг., когда, по словам одного из первых советских исследователей молодёжного движения пореформенной России Б.В. Титлинова, понятия «студент» и «революционер» были почти синонимами, и тот не считался настоящим студентом, кого не били полицейские и жандармы, кто не отсидел своей порции в участке или тюрьме. Примечательно, что среди радикально настроенных студентов численный перевес был за выпускниками духовных семинарий. Как писал в 1879 г. харьковский губернатор М.Т. Лорис-Меликов министру народного просвещения Д.А. Толстому, «наплыв в число студентов преимущественно воспитанников духовных семинарий, без достаточной научной подготовки, без твердых нравственных принципов, даваемых только воспитанием в семье, без материального обеспечения... ставят их в такое положение, которое лишает их возможности и посещать добропорядочное общество. Отсюда, естественно, являются оскорбленное молодое самолюбие,

отчуждение от общества, стремление рисоваться этим отчуждением, обращать на себя внимание своеобразною внешностью и костюмом в виде протеста против установленных правил приличия, пребывание по разным углам, в дешевых пивных и т. п. заведениях, сообщество с темными людьми, тяжелая борьба с бедностью, постоянное раздражение, недовольство существующими порядками и, наконец, усвоение противоправительственных и противогосударственных учений»⁴. Здесь стоит вспомнить, что разгул народовольческого террора приходится на эти же годы. Его итоги для страны в целом оцениваются по-разному, но, с нашей точки зрения, не могут рассматриваться как позитивные. Россия стремительно неслась к революции, истребление элиты и её ответное ожесточение привели страну к длительному хаосу и попыткам реализации утопических проектов.

Приведённые примеры показывают, что стремления молодёжи организованно влиять на власть, а уж тем более бороться за её получение, в итоге негативно сказываются на общественно-политической сфере и приводят зачастую к непредсказуемым последствиям. В этой связи вполне обоснованными кажутся действия российских властей по минимизации неподконтрольного участия молодёжи в политике, сознательной маргинализации тех движений, которые потенциально могут

использоваться для борьбы за властные ресурсы. Однако сам характер политической жизни диктует необходимость организованного вовлечения молодёжи в политику, целенаправленную, а не стихийную политическую социализацию. Попытки монстризировать молодёжь, вытеснить её из общественно-политической сферы лишь провоцируют её маргинализацию и создают условия для эффектного и, возможно, результативного бунта. Учитывая, что политическая история нарабатала опыт различных дисциплинарных практик встраивания молодёжи в политический процесс, российским властям необходимо лишь подойти к данной проблеме как решаемой технологически, а не философски и демагогически.

1. Обычно проблема сводится к вопросу «Молодежь и политика» (на 25.11.2006 поисковая система Google.ru даёт 32 тыс. ссылок на сочетание «молодёжь и политика»). В то же время наивно сводить данную проблему к традиционной метафорической конструкции – «конфликт отцов и детей».
2. Цит. по Моруа А. Жизнь Дизраэли. – М.: Согласие, 2001 – с. 167.
3. Кошен О. Малый народ и революция. – М.: Айрис-пресс, 2004. – с. 28.
4. Цит по. Филиппов Ю. Участие семинаристов в либерально-демократическом движении 1861-1884 - гг. – сайт «Русская цивилизация» <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=21700> (22.11.2006.)

Дискурс межкультурной коммуникации: проекты Свердловской региональной Ассоциации «Друзья Франции»

Л.М.Андрюхина, Н.Ю.Фадеева

Андрюхина Людмила Михайловна

доктор философских наук, профессор Уральского гуманитарного института

E-mail:
andrLM@yandex.ru

Фадеева Наталья Ювеналиевна

президент региональной ассоциации «Друзья Франции»

E-mail:
chk@mail.ur.ru

В Европе сегодня все активнее говорят о транснациональной компетентности - trans-national competence - уровне языковой и общей культуры, превосходящей национальные рамки. Значение в малом, локальном обществе и глобализованном обществе придается существованию в них понимания, а не только коммуникации. Роль изучения иностранного языка справедливо рассматривается в этом ключе как средства не столько для работы, интеракции с людьми, для жизни в сообществе, в обществе, для участия в транскультурной коммуникации и деятельности ТНК, сколько для понимания своей социальной идентичности, развития собственного интеллекта (как меры понимания окружающей действительности).

Интеллектуальные (в противоположность прагматическим, инструментальным) эффекты межкультурной коммуникации (формируемой не в последнюю очередь языковым обучением) один из ведущих специалистов в области межкультурной компетенции британский профессор Майкл Байрам видит следующими:

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ - понимание верований, ценностей, практик, парадоксов другой культуры и общества - включая этническое, политическое понимание, способность установления связей, осознания условий инакости.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ - способность раскрытия (эмпатии) к разнообразным культурным опытам и влияниям, интерес и уважение к чужим культурам, ценностям, традициям, опытам - транснациональная межкультурная эмпатия.

КРЕАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ - осуществление синтеза культур, транснациональный синтез, видение альтернатив, приемлемых вариантов, способность использовать различные культурные источники для вдохновения.

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ - не только владение (proficiency) языком, но и выступление в качестве переводчика, свободное использование межкультурных невербальных кодов (естественность), способность к избеганию коммуникативного непонимания при различных коммуникативных стилях, способность поддержания межперсональных отношений, ответы на транснациональные вызовы, давление глобализации (унификация, миграция).

Сюда же относится преодоление разделения «нас» и «их», способность к рефлексии, способность к самоанализу, деконструкция динамичного социального дискурса. Происходит понимание того, что общение с другими сложнее, чем лингвистическая коммуникация. Прагматические, инструментальные цели изучения языка явно недостаточны. Целью языкового обучения выступает межкультурная коммуникация. Акцент смещается с языка на язык и культуру. Подчеркивается, что это полезно для обучаемого, когда он/она подчас и не планируют использовать иностранный язык в повседневности. Иноязычные пути выражения менталитета способствуют выработке критической рефлексии, пониманию границ «свой-чужой».

Обучение языку в ЕС преследует такие цели, как мультилингвальная и межкультурная компетенция для мобильности, взаимопонимания, формирования европейской идентичности. Формулируется проблематика международного гражданского общества, включающая понимание социальных, культурных, политических перспектив, требование социального действия и вовлеченности (involvement). Все это согласуется с «беспокоящей задачей обучения» (disturbing and liberating education).

В отечественной науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной

коммуникации стали преподаватели иностранных языков, которые первыми осознали, что для эффективного общения с представителями других культур недостаточно одного владения иностранным языком. Практика общения с иностранцами показала, что даже глубокие знания иностранного языка не исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка. Требуется интегрированное обучение языку и особенностям культурной среды его носителей, то есть развитие межкультурной компетенции.

Дискурс межкультурной коммуникации изначально проективен. Он не возникает сам по себе, но только на основе креативных практик и креативного пространства взаимодействия, что смещает его с полюса анонимности на полюс креативности (С.С. Неретина). О.И. Генисаретский назвал такого рода пространства креативными платформами или местами, в которые может быть инсталлирована и на которых может быть разыграно то или иное событие коммуникации. Когда платформы проектируются, они актуализированы в рамках проектного дискурса: представляются и «прорабатываются» в нем. «Креативными, - пишет О.И. Генисаретский, - будем называть платформы, - по умыслу - предназначенные для того, чтобы про-из-водить на них события, удовлетворяющие нашей интуиции (и критериям) креативности... Согласно этому определению, концепт «креативные платформы» сопрягает проектную и креативную реальности» (<http://www.procept.ru/>).

Именно проекты межкультурной коммуникации в наибольшей мере позволяют предъявить ее интеллектуальные эффекты и выразить потенциальные, и в этом смысле, анонимные возможности дискурса в формах межкультурных компетенций.

Этой осенью региональная Ассоциация «Друзья Франции» реализовала культурно-образовательный проект международного масштаба.

Региональная общественная ассоциация «ДРУЗЬЯ ФРАНЦИИ» при Областном Доме Мира и Дружбы (ранее «СССР – Франция») существует с 1989 года.

Ассоциация объединяет знатоков и любителей культуры Франции и стран франкофонии: учителей, служащих, деятелей науки и культуры, студентов, учащихся старших классов.

Цели Ассоциации:

- Устанавливать и расширять контакты с ассоциациями, клубами и творческими коллективами.
- Реализовывать программы культурных обменов преподавателей, студентов и школьников.
- Способствовать распространению французской культуры и французского языка, а также новых педагогических методов его преподавания на Урале.

- Осуществлять деятельность, направленную на приобщение к культурным ценностям стран франкофонии.

Протокол о намерениях, направленных на развитие дружеских связей в области культуры и образования был подписан более 10 лет назад представителями городского Управления образования (В. Назаров), Ассоциации «СССР – Франция» (Л. Новиков), Генерального Совета департамента Жиронда Франции (Ж-И. Лавуар) и Академии образования г.Бордо (Ж-М. Дю Валь).

В августе 2003 года во время официального визита французской делегации в Екатеринбург, в соответствии с Протоколом о намерениях и принимая во внимание возрастающую важность этого культурного партнерства, представители Мэрии г. Екатеринбурга (М. Матвеев – заместитель Мэра), Правления Ассоциации «Друзья Франции» (Н. Фадеева – Президент Ассоциации), Мэрии г. Бассенс (Ж-П. Тюрон – Мэр города и М. Ибон – заместитель Мэра) подписали Договор о сотрудничестве.

Главным творческим проектом Ассоциации является ставший традиционным семинар по вопросам лингвистики и методики преподавания французского языка, проводимый для преподавателей, студентов и школьников. Семинар с 1993 года ежегодно проводится при активном участии преподавателей Академии г. Бордо (Департамент Жиронда, Франция). Команда французских профессоров помогает слушателям семинара погрузиться в атмосферу живого общения с носителями языка и умения владения иноязычной речью, осуществить диалог культур.

XIII уже традиционный для учителей французского языка семинар по проблемам лингвистики и методики преподавания иностранного языка прошел в ноябре во Франции.

В этом большом педагогическом форуме приняли участие 40 преподавателей учебных заведений Урала: представители 15 городов, в том числе Челябинска, Нижнего Тагила, Асбеста, Сухого Лога, Богдановича и др. Это два доктора наук, 9 преподавателей ВУЗов, 2 представителя ССПУ, 7 преподавателей гимназий, учителя школ.

Приглашение приехать во Францию участникам семинара поступило от наших постоянных друзей и партнеров из г. Бассенс (Г-н Жан-Пьер Тюрон – Мэр города и Г-н Мишель Ибон – заместитель Мэра по вопросам культуры и внешних связей). Основная образовательная часть проекта состоялась в департаменте Жиронда на берегах Атлантики. Недаром эмблемой семинара стали мосты – в Екатеринбурге и Бордо. Это также символические мосты дружбы и сотрудничества, которые предсказывал еще Шарль де Голль.

Учителя имели возможность посетить 25 городов: Брюссель, Париж, Сен-Мишель, Сен-Мало, Бордо, Ля Рошель, Каркассон, Монпелье, Ниццу, Монако, Анси, Страсбург, Дрезден и др. Участники

проекта повидали водные просторы всех трех морских границ: Ла Манш на севере, Атлантику на западе и Средиземное море на юге. Они пересекли все основные реки Франции (Рейн, Сену, Луару, Гаронну, Рону) и увидели все ее горные массивы (Армориканский массив, Центральный массив, Пиренеи, Альпы, Юру и Вогезы). Путешествие на автобусе дало возможность познакомиться с архитектурными, гастрономическими особенностями и традициями почти всех исторических провинций и экономических регионов Французской Республики (Парижский регион, Нормандия, Бретань, Жиронда, Лазурный Берег, Франш Конте, Верхняя Савойя и многие другие).

В программу семинара входили лекции и занятия в учебных мастерских, а также самое непосредственное знакомство с культурой страны преподаваемого языка. Учителя посетили замок – родовое поместье Монтестье, известные во всем мире католические храмы и аббатства, побывали на старинной канатной фабрике в г. Рошфор, стали свидетелями восстановления древнего военного фрегата, готовящегося к отплытию в США, увидели картины М. Шагала, попробовали вина частных подвалов Оберне и продукцию Союза объединенных производителей славного напитка региона Бордо.

Состоялась плодотворная встреча по налаживанию контактов преподавателей высшей школы с представителями Университета им. М. Монтеня в г. Бордо.

Делегация преподавателей в полном составе была принята в Совете Европы (г. Страсбург).

На протяжении всего маршрута делегация преподавателей встречалась с руководителями и представителями многочисленных культурных и образовательных Ассоциаций и обществ – партнеров Ассоциации Друзья Франции (Объединение Ассоциаций «Россия-Франция-СНГ» - Президент Г-н Марк Дрюэн, Генеральный Секретарь – Серж Пети; Ассоциация «Франция-Урал» - Президент Г-н Дмитрий де Кошко; Ассоциация бельгийских преподавателей французского языка – Президент Г-н Жак Лефебвр; представитель Всемирного Комитета Ассоциативных школ ЮНЕСКО Г-н Дени Бонур; представитель Ассоциации преподавателей истории

и географии Академии образования провинции Шампань Арденн (ныне проживающий в Монпелье) - Г-н Пьер Жируссенс; Ассоциация детских хоров во Франции - Г-н Жан-Клод Бернар. Состоялись также встречи с бывшими учениками, в настоящее время проживающими во Франции, и их семьями: Чамбуркина-Комбо Елена и Ястребкова Ольга.

Делегация была официально принята в мэриях 4-х городов (Бассенс, Кастельнодари, Анси, Маринье) и в Генеральном Совете Объединения городов-спутников Бордо. Об этой поездке рассказали многие французские газеты.

Участники семинара организовали во Франции выставку «Россия глазами детей» из почти 300 фоторабот, выполненных школьниками.

В рамках семинара был подготовлен и проведен конкурс для его участников под девизом «Зачем нужен такой семинар?». Ответы были разными: и в прозе, и в стихах. Он нужен, чтобы множить наши профессиональные знания, чтобы помочь взрослым и детям увидеть другие страны, узнать их культурные особенности, традиции, чтобы ширить круг друзей и крепить дружбу между народами.

Семинар завершился вручением сертификатов и концертной программой прощального капустника. Его отличительными чертами были национальные русские и уральские костюмы, элементы русской кухни, беспроигрышная лотерея сувениров, песни и танцы друзей – русских и французов.

В программу путешествия вошло посещение Бельгии (Брюссель) и Германии (Дрезден).

Ставший традиционным, семинар в течение многих лет организуется при активном участии и поддержке управления образования Екатеринбурга и ИРРО

А сегодня Ассоциация шлет рождественские подарки и электронные письма со словами благодарности своим зарубежным партнерам и друзьям. В ответ приходит почта из разных концов ставшей более знакомой и любимой Франции. И, конечно, рождаются новые планы и проекты, разрабатываются новые программы, дающие возможность появиться на свет новым друзьям. Появятся новые мосты.

ЭВТАНАЗИЯ: ПОПУЛЯРНЫЕ МИФЫ И РЕАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АЛГЕБРЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

В.О. Лобовиков

**(Алгебра естественного права как математическая модель
формальной аксиологии бытия и небытия, жизни и смерти)**

**Лобовиков Владимир
Олегович**

доктор философских
наук, профессор,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

E-mail:
lobovikov@instlaw.uran.

Естественное право на жизнь (и уклонение от смерти) объединяет все живое: борьба за существование, инстинкт самосохранения, т.е. воля к жизни, стремление к сохранению своей жизни и жизни своих близких, объединяет человека и животных. На этом совершенно реальном основании А. Швейцер и другие оптимисты (биофилы) создали классицистский миф об абсолютно (неизменно) положительной ценности бытия (жизни) и об абсолютно (неизменно) отрицательной ценности небытия (смерти). Следуя А. Швейцеру, будем называть этот миф «благоговением перед жизнью». В свою очередь пессимисты (некрофилы) создали романтический миф об абсолютно (неизменно) отрицательной ценности бытия (жизни) и об абсолютно (неизменно) положительной ценности небытия (смерти). В нравственно-метафизической основе доминирующего в наше время отрицательного морально-правового отношения к эвтаназии лежит первый из упомянутых выше мифов. Это именно миф, а не истинное отражение ценности жизни, так как в реальном мире нравственная ценность жизни является функцией от нравственных переменных. Эта функция (если рассуждать в самом общем виде) не является константой (все время хорошей или все время плохой). Бытие и небытие, жизнь и смерть – не константы (положительная и отрицательная, соответственно), а ценностные функции, могущие принимать значения из множества {хорошо, плохо}. Если жизнь приобретает значение «плохо», то ее прекращение получает значение «хорошо». Эвтаназия есть соучастие (содействие, помощь) в прекращении жизни. Помощь в хорошем деле есть дело хорошее. Следовательно, если (и только если) жизнь (чего, кого) а есть зло для а, то

эвтаназия (чего, кого) а есть дело хорошее для а. Отсюда возникает естественное право (для а) на эвтаназию. Погрязшие в мифотворчестве оптимисты-классицисты и пессимисты-романтики (романтизм – эстетическая форма реализации человеком инстинкта смерти, присущего всем животным) подменяют действительно существующие ценностные функции на соответствующие мифы. Жаркие споры сторонников и противников разрешения эвтаназии осуществляются не на научном уровне естественно-правового мышления, а на уровне эмоционального противопоставления мифов.

Этому современному мифотворчеству и неизбежно заходящему в тупик противоборству мифов изрядно способствует используемый противоположными сторонами обычный естественный язык. Он может с достаточной степенью точности выражать значения, являющиеся константами, но для достаточно точного выражения значений, являющихся переменными или функциями от некоторого числа переменных, он почти непригоден (малоэффективен). Таким образом, естественный язык ограничивает мыслительные способности не только того или иного конкретного человека, но и возможности всего человечества. Относится это и к возможностям человеческого постижения ценности жизни и смерти. Очень многие аксиологические (ценностные) значения слов и словосочетаний естественного языка представляют собой ценностные функции, не являющиеся константами. В настоящей статье обосновывается тезис о том, что аксиологические значения слов «жизнь (бытие)» и «смерть (небытие)» суть именно такого рода ценностные функции. Чтобы выразить их адекватно, необходим некий искусственный язык математики, ибо функции адекватно определяются или графиками, или уравнениями (формул), или таблицами. Естественный язык не предназначен для достаточно точного выражения и эффективного мысленного оперирования такими объектами. Согласно доктрине естественного права, и в свете традиции, пришедшей к нам из античности, математика и добро находятся в единстве. Теория добра не только может, но и должна быть математизирована. (См. по этому поводу интересную статью А.Н. Уайтхеда «Математика и добро»¹). Юристы-позитивисты могут заметить, что «добро» – понятие этики, а не права. Действительно, согласно одному из респектабельных определений, этика – наука о добре. Однако никакой проблемы здесь

нет. В рамках естественно-правовой доктрины различие между моралью и правом отсутствует, или принципиально игнорируется (принимается соответствующая научная абстракция). Этика (наука о морали) и право естественное (наука о добром и справедливом) сливаются в одну науку (о добре). Поэтому, согласно традиции, пришедшей к нам от Платона, в идеале этика (теория добра и зла) должна быть математической этикой, а теория естественного права – математическим правоведением.² Математическая этика и математическая юриспруденция естественного права означают не конец выражающейся на естественном языке содержательной этики и теории права, а начало и систематическое использование в этике и праве метода математического моделирования формы нравственной деятельности. Будучи формальным, т.е. абстрагирующимся от содержания деятельности, математическое моделирование в этике и праве не может полностью исключить (подменить собой) содержательное этическое и правовое исследование поведения, а наоборот, предполагает такое исследование (и его адекватность) в качестве исходной предпосылки и усиливает его эффективность.

В данной статье для точного определения и изучения ценностных функций «жизнь (бытие)» и «смерть (небытие)» используется простейший вариант математической модели этики и (естественного) права – двузначная алгебра добра и зла.³ В качестве синонимов для названия «алгебра добра и зла» будем использовать словосочетания «алгебра (формальной) этики», «алгебра естественного права» и «алгебра поступков». Алгебра формальной этики строится на множестве поступков. Поступками называются любые (индивидуальные или коллективные – неважно) свободные действия, являющиеся либо хорошими (добром), либо плохими (злом). Нравственно нейтральные действия множеству поступков не принадлежат. От факта существования нейтральных действий алгебра поступков абстрагируется. Алгебра формальной этики – математика свободы, ибо ее предметом являются только свободные действия. На множестве поступков определяется множество унарных и бинарных алгебраических операций, представляющих собой морально-правовые ценностные функции. Областью допустимых значений (ОДЗ) переменных этих функций является двухэлементное множество $\{x, p\}$. Оно же является областью изменения значений этих функций. Символы x и p обозначают морально-правовые значения поступков, соответственно, «хорошо (добро)» и «плохо (зло)». Буквы a, b, c обозначают морально-правовые формы (поступков), отвлеченные от их конкретного содержания. Простые морально-правовые формы – независимые нравственные переменные, а сложные формы – морально-правовые ценностные функции от этих переменных. Рассмотрим следующее ниже

множество унарных морально-правовых операций (ценностных функций) алгебры формальной этики.

Глоссарий (словарь терминов) для первой части следующей ниже таблицы. Договоримся символом Ba обозначать ценностную функцию «бытие (чего, кого) a ». Символ Ea будет обозначать ценностную функцию «бытие (в связи) с (чем, кем) a ». Символ Na – «небытие (чего, кого) a ». Na – «небытие (в связи) с (чем, кем) a ». Символ Ja – «жизнь (чего, кого) a ». Символ La – «жизнь (в связи, наряду) с (чем, кем) a ». Da – «смерть (чего, кого) a ». D^1a – «смерть (в связи) с (чем, кем) a ». Pa – «помощь, содействие (чему, кому) a ». Ra – «противодействие, сопротивление (чему, кому) a ». Ya – «участие, соучастие в (чем) a ». U^1a – «уклонение, отклонение, увильвание от (чего) a ». Ia – «избегание (чего) a ». Va – «воздержание от (чего) a ». Fa – «прекращение, окончание, конец (чего) a ». F^1a – «запрещение (чего) a ». Oa – «осуждение (чего, кого) a ».

Глоссарий для второй части следующей ниже таблицы. Da – «одобрение (чего, кого) a ». Ra – «разрешение, дозволение (чего) a ». D^1a – «продолжение (чего) a ». Ha – «сохранение (чего) a ». O^1a – «ответственность (бытие ответственным) за (что, кого) a ». Pa – «бесконечность (чего), бесконечное (что) a ». Ca – «непрерывность, постоянство (чего), непрерывное, постоянное (что) a ». Ya – «прерывность, непостоянство (чего), прерывное, непостоянное (что) a ». Ma – «мучение, страдание, боль (чего, кого) a ». P^1a – «невыносимое, нестерпимое (что) a ». Ba – «жалость к (чему, кому) a ». Ja – «сострадание (чему, кому) a ». La – «любовь к (чему, кому) a ». Ta – «безжалостность к (чему, кому) a ».

Глоссарий для третьей части следующей ниже таблицы. Ca – «жестокость по отношению к (чему, кому) a ». B^1a – «смысл (чего, кого, чей) a ». Ya – «свобода (чего, кого, чья) a ». Ca – «счастье, радость (чего, кого, чье) a ». Ca – «старость (дряхласть, немощь, бессилие) a ». D^2a – «достоинство, честь (чего, кого), достойное, достойная (что) a ». Za – «потеря, лишение (чего) a ». Aa – «убийство (что) a ». Ca – «самоубийство (чего, кого, чье) a ». Za – «возможность, способность (чего, кого, чья) a ». P^2a – «невозможность (чего, кого, чья) a ». Ua – «необходимость, неизбежность, неустранимость (чего, кого, чья) a ». Ea – «эвтаназия (чего, кого) a ». Ya – «незначительность, несущественность (чего) a ». Wa – «терпение, перенесение, вынесение (чего) a ».

Глоссарий для четвертой части следующей ниже таблицы. Ga – «надежда на (что) a ». Ja – «желание (чего) a ». Va – «стремление, влечение к (чему) a ». Qa – «оскорбление, унижение (чего, кого) a ». O^2a – «обязательность, долг (чего) a ». V^1a – «пожертвование, жертвование (чего, кого) a ». J^1a – «самопожертвование (чего, кого, чье) a ». X^1a – «страх перед (чем, кем) a ». J^2a – «жертвование

за, ради (чего, кого) а». L^1a – «любовь (чья) а». P^1a – «реализация, осуществление, производство, творчество (чего) а». $\mathcal{E}^2a$ – «причинение (чего) а». S^1a – «субъект (чего) а». V^2a – «наказание за (что) а». Перечисленные ценностные функции строго

«есть») в этих переводах обозначает не формально-логическую связку, а определенное выше отношение « $=+=$ ». Приведенный ниже список уравнений алгебры поступков представляет собой модель естественно-правового (формально-этического)

Часть 1															
а	Ба	Еа	На	На	Жа	Ла	Да	D ¹ а	Па	Ра	Уа	У ¹ а	Иа	Фа	F ¹ а
х	х	х	п	п	х	х	п	п	х	п	х	п	п	п	п
п	п	п	х	х	п	п	х	х	п	х	п	х	х	х	х

Часть 2															
а	Оа	Да	Ра	D ¹ а	Ха	O ¹ а	Фа	Ка	Йа	Ма	I ¹ а	Ба	Яа	Ла	Та
х	п	х	х	х	х	х	х	х	п	п	п	х	х	х	п
п	х	п	п	п	п	п	п	п	х	х	х	п	п	п	х

Часть 3															
а	Ца	Ба	Юа	Ча	Са	D ² а	За	Аа	Са	За	I ² а	Уа	Эа	Ya	Wa
х	п	х	х	х	п	х	п	п	х	х	п	х	х	п	х
п	х	п	п	п	х	п	х	х	п	п	х	п	п	х	п

Часть 4															
а	Gа	Ja	Vа	Qа	O ² а	V ¹ а	J ¹ а	Э ¹ а	J ² а	Л ¹ а	P ¹ а	Э ² а	S ¹ а	V ² а	
х	х	х	х	п	х	п	х	х	х	х	х	х	х	п	
п	п	п	п	х	п	х	п	п	п	п	п	п	п	х	

определяются таблицей.

Алгебра естественного права не сводится к множеству морально-правовых форм поступков с определенными на нем унарными и бинарными морально-правовыми операциями. Она включает в себя также некоторое специфическое отношение тождества, а именно, отношение формально-этической эквивалентности, определенное на множестве поступков и морально-правовых ценностных функций (морально-правовых форм поступков). Пусть символ « $a=+=b$ » обозначает отношение: «поступок, имеющий морально-правовую форму а, формально-этически равноценен поступку, имеющему морально-правовую форму в». Согласно определению, принятому в алгебре поступков, поступки - называются формально этически равноценными, если и только если формально этически равноценными являются их морально-правовые формы. В свою очередь, морально-правовая форма а называется формально-этически равноценной морально-правовой форме в, если и только если эти морально-правовые формы (а и в) принимают одинаковые морально-правовые значения – х (хорошо) или п (плохо) – при любой возможной комбинации морально-правовых значений переменных, входящих в эти морально-правовые формы. С помощью данных выше определений нетрудно получить в качестве логических следствий следующие ниже уравнения алгебры формальной этики. Справа от уравнений дается их перевод на естественный язык. Тире (заменяющее слово

статуса эвтаназии.

- 1) $Sa=+=HAa$: самоубийство (чего, кого, чье) а – отсутствие убийства (чего, кого) а.
- 2) $Aa=+=HSA$: убийство (чего, кого) а – отсутствие самоубийства (чего, кого, чье) а.
- 3) $\mathcal{E}a=+=PP^1Sa=+=PSa$: эвтаназия (чего, кого) а – помощь в реализации самоубийства (чего, кого, чье) а.
- 4) $\mathcal{E}a=+=HAa$: эвтаназия (чего, кого) а – отсутствие убийства (чего, кого) а.
- 5) $Aa=+=H\mathcal{E}a$: убийство (чего, кого) а – отсутствие эвтаназии (чего, кого) а.
- 6) $\mathcal{E}a=+=Sa$: эвтаназия (чего, кого) а – самоубийство (чего, кого, чье) а.
- 7) $Sa=+=\mathcal{E}a$: самоубийство (чего, кого, чье) а – эвтаназия (чего, кого) а.
- 8) $Ja=+=Юa$: жизнь (чего, кого, чья) а – свобода (чего, кого, чья) а.
- 9) $Юa=+=Ja$: свобода (чего, кого, чья) а – жизнь (чего, кого, чья) а.
- 10) $Юa=+=3Sa$: свобода (чего, кого, чья) а – возможность самоубийства (кого, чье) а.
- 11) $F^1\mathcal{E}a=+=ZЮa$: запрет эвтаназии (чего, кого) а – лишение свободы (чего, кого, чьей) а.
- 12) $F^1\mathcal{E}a=+=ZJa$: запрет эвтаназии (чего, кого) а – лишение жизни (чего, кого, чьей) а.
- 13) $F^1\mathcal{E}a=+=Y\mathcal{E}^2Ma=+=YQD^2a$: запрещение эвтаназии (чего, кого) а – соучастие в причинении мучений, унижении и оскорблении достоинства (чего, кого) а.
- 14) $F^1\mathcal{E}a=+=Цa=+=H\mathcal{E}a$: запрещение эвтаназии

(чего, кого) а – жестокость, безжалостность по отношению к (чему, кому) а.

15) F¹Эа=+=НЛа: запрещение эвтаназии (чего, кого) а – небытие любви (милосердия) к а.

16) Ла=+=Ба=+=РЭа: любовь (милосердие) к а – жалость к а – разрешение (дозволение) эвтаназии (чего, кого) а.

17) Ла=+=О2V2Эа: любовь (милосердие) к а – обязательность (долг) эвтаназии (кого) а.

18) Ла=+=НХ¹V2Эа: любовь к а – небытие страха перед наказанием за эвтаназию (кого) а.

19) ВЭа=+=НЛа: воздержание от эвтаназии (кого) а – небытие любви (милосердия) к а.

20) ВЭа=+=Ца=+=НБа: воздержание от эвтаназии (кого) а – жестокость, безжалостность по отношению к (чему, кому) а.

Читатель может самостоятельно продолжить этот открытый (потенциально бесконечный) список ценностных суждений об эвтаназии, уточняя тем самым с помощью данной модели все новые и новые аспекты обсуждаемой проблемы. Однако, завершая настоящую статью, следует затронуть важный вопрос о практических рекомендациях и выводах, следующих из исследования модели. Выводы и рекомендации эти неоднозначны. В одних конкретных условиях законодатель может использовать это исследование для естественно-правовой поддержки своего позитивно-правового решения о дозволении эвтаназии (в рамках должным

образом определенной юридической процедуры). Однако в других исторических условиях, учитывая конкретную ситуацию в обществе (например, в России сегодня), законодатель может не разрешить, т.е. запретить, осуществление эвтаназии. Основанием для такого позитивно-правового решения может быть принятие им юридической фикции, согласно которой эвтаназия равноценна убийству. Согласно рассмотренной выше модели, эквивалентность эвтаназии и убийства есть явная, заведомая, очевидная ложь. Да, конечно. Но именно поэтому речь идет о введении в систему права юридической фикции. Бесспорно, что введение любой фикции должно иметь серьезное основание (благую цель). Такой целью может быть исключение реальной возможности представления умышленных убийств в виде актов эвтаназии.

1. Уайтхед А.Н. Математика и добро // Избранные работы по философии. М., 1990. С.322-336.

2. См.: Лобовиков В.О. Искусственный интеллект, формальная этика и морально-правовой выбор. Свердловск, 1988; Он же. Математическое правоведение. Часть 1: Естественное право. Екатеринбург, 1998; Он же. Математическая логика естественного права и политической экономики. Екатеринбург, 2005.

3. См.: Лобовиков В.О. Там же.

МИФЫ КОРПОРАТИВНОЙ ПРЕССЫ И ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ ИЗДАНИЙ ПОДОБНОГО ТИПА В РОССИИ

Ю.В. Чемякин

**Чемякин Юрий
Владимирович**

кандидат политических наук, доцент кафедры истории журналистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М.Горького

E-mail:
chemyakin1977@yandex.ru

С бурно развивающейся ныне в нашей стране корпоративной прессой¹ связан целый ряд устойчивых мифов.

Первый важнейший миф заключается в том, что корпоративная пресса в России появилась в эпоху Ельцинских преобразований, причем она была «привнесена» с Запада. Поначалу, дескать, она появилась в представительствах, филиалах западных

компаний, а потом - с середины 90-х гг. XX века, подобные издания начали издавать и собственно российские фирмы. При этом, правда, обычно отмечается, что предшественницей корпоративной прессы в нашей стране в той или иной мере может считаться советская фабрично-заводская («многотиражная») пресса, появившаяся в 20-х годах прошлого века. Принято считать, что до этого времени в России, в отличие от западноевропейских стран, ничего похожего на корпоративную прессу практически не было.

С этим основным мифом связаны и некоторые другие. В частности:

- Клиентские издания (то есть корпоративные СМИ, ориентированные не на внутреннюю, а на внешнюю аудиторию) появились в России и стали активно развиваться только в последнее десятилетие, а до этого у нас о таких изданиях ничего не слыхали.

- Коммерческая реклама в российской корпоративной прессе - «веяние» последнего времени, до XXI века ее не существовало.

- Различные формы продвижения издания на

рынок, маркетинговые приемы, технологии - все это тоже нечто абсолютно новое, пришедшее к нам с Запада в постсоветскую эпоху.

Перечисленные выше утверждения относятся к категории таких мифов, которые нуждаются в разоблачении. С этой целью приведем следующие факты.

В XIX и начале XX века в России было множество журналов, газет, бюллетеней, которые можно считать предшественниками современных корпоративных СМИ. Это издания разных коммерческих компаний, обществ, клубов, учебных заведений и т.д. В одной только брошюре, изданной Свердловской областной библиотекой им. Белинского «Периодика Белинки за 100 лет. В 2-х ч. 4.1. Дореволюционная периодика» (Екатеринбург, 1999) упомянуты десятки подобных изданий.

«Известия книжных магазинов товарищества М.О. Вольф», (издавались ежемесячно с октября 1897 г.) имеют полное право быть отнесены к категории клиентских изданий, так как их целевой аудиторией были реальные и потенциальные клиенты книжных магазинов, входящих в Товарищество. Более того, это издание во многих отношениях может служить образцом, примером для современных клиентских СМИ! Оно отличается очень продуманной и стройной содержательно-тематической моделью, прекрасным стилем изложения, качественными иллюстрациями. Здесь можно встретить обзоры важнейших событий в литературной жизни, очерки о творчестве выдающихся отечественных и зарубежных писателей, поэтов, литературных критиков, подробные «правила, которых нужно придерживаться при чтении», описания лучших библиотек мира и много другой полезной и интересной информации. И все эти разнообразные публикации вписываются в русло единой концепции, способствуют решению основных задач издания, которые ясно обозначены в первом номере за 1 октября 1897 г.: «Дать возможность русской читающей публике следить за всем, что происходит в области литературы и науки, знакомить ее с выдающимися явлениями литературного и научного мира, поддерживать интерес к книге в широком смысле слова и даже, по мере возможности, вызывать такой интерес». Понятно, что, решая эти благородные задачи, издание «попутно» способствует росту авторитета и популярности «Товарищества М.О. Вольф», увеличению продаж во входящих в него книжных магазинах. Лучшие современные клиентские издания тоже используют именно такой ненавязчивый маркетинговый подход, уделяя много внимания просвещению (а также развлечению) своей аудитории. Мало в каком современном СМИ - и не только корпоративном - встретишь такую

целенаправленную и активную работу со своими читателями (а это - важный элемент маркетинга!). Под рубрикой «Почтовый ящик» практически в каждом номере «Известий книжных магазинов товарищества М.О. Вольф» публикуются десятки ответов редакции на письма читателей из разных городов России. Причем, ответы эти свидетельствуют о том, что редакция прислушивается к мнению читателей, искренне стремится помочь людям, зачастую тратя на это немало сил и времени.

Практически все отечественные корпоративные издания XIX - начала XX века уделяли большое внимание работе с читателями, призывали их присылать корреспонденции, письма, отвечали на их вопросы под специальными рубриками. Например, в «Вестнике русского пивоварения» (органе Союза пивоваренных заводчиков России) была рубрика «Вопросы и ответы», в «Известиях акционерного общества ВЭК» - рубрика «Почтовый ящик», значительная часть «Записок Крымского горного клуба» состояла из корреспонденции читателей-членов Клуба.

Что касается рекламы, то она присутствовала в большинстве дореволюционных корпоративных изданий. Она была делом совершенно естественным. Издания самых разных товариществ, обществ, клубов и т.д. регулярно публиковали расценки на «объявления». И «объявления» эти зачастую занимали несколько страниц в каждом номере издания.

Так, в каждом выпуске «Известий Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» за 1914 год содержится от пяти до восьми богато иллюстрированных страниц рекламы (не считая обложки, на которой также содержалась рекламная информация). В ряде номеров упомянутого издания встречаются также рекламные листы-вкладыши. Уже в самом первом номере «Известий Верхне-Сергинского Общества Сельского хозяйства» («первый журнал, издаваемый кооперативом в селе, на Урале», - как гласит редакционная статья), вышедшем в свет в 1916 году, две страницы заняты рекламными объявлениями.

Среди «объявлений» в дореволюционных корпоративных изданиях присутствовала и реклама предприятий-партнеров, и реклама сторонних организаций, и, конечно, самореклама. Кроме этого, использовались и другие способы «продвижения», маркетинговые приемы. К примеру, в ноябрьском номере 1898 г. уже упомянутых «Известий книжных магазинов...» содержится подписной бланк, который читателям предлагалось вырезать, заполнить и выслать в редакцию, чтобы получить по почте интересующие их издания из обширного Каталога, размещенного в этом же номере журнала.

Редакция «Вестника Императорского Российского общества садоводства» в январе 1874 г., привлекая подписчиков, информировала: «Кроме восемнадцати раскрашенных рисунков и неопределенного числа черных рисунков, к «Вестнику» будут приложены семена садовых и огородных растений, реестры, прейскуранты и объявления торгующих садоводов, семенных торговцев...».

Активная работа с читателями, стремление в полной мере удовлетворить их информационные интересы и потребности, разнообразные способы продвижения способствовали увеличению читательской аудитории, повышению ее лояльности — как к изданиям, так и к корпорациям, которыми они издавались. Об этом свидетельствует и увеличение год от года объемов, тиражей упомянутых изданий, количества приходящих от читателей писем (к примеру, в номере «Известий книжных магазинов...» за ноябрь 1897 года содержатся ответы на двенадцать писем, а в номере за ноябрь следующего года — уже на пятьдесят). И это при том, что дореволюционная корпоративная пресса обычно не раздавалась читателям бесплатно (как это принято сейчас), а распространялась платно, по подписке. Подписка

на корпоративный журнал, бюллетень или газету для членов данной корпорации, как правило, стоила дешевле, чем для всех остальных (так, подписная плата на «Известия Верхне-Сергинского Общества Сельского хозяйства» составляла 50 коп. в год для членов Общества и 1 руб. — для всех остальных). В некоторых случаях члены корпорации, уплачивающие членские взносы, корпоративное издание получали бесплатно. Такая практика, к примеру, была распространена в Крымском Горном клубе, в Обществе электротехников.

Исследование дореволюционной корпоративной прессы позволяет по-новому взглянуть на современные тенденции развития этого типа СМИ и критически относиться к целому ряду устойчивых мифов.

1. Корпоративное СМИ — это периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, интернет-сайт, интранет-портал или иная форма периодического распространения информации, служащая интересам определенной корпорации, созданная по ее инициативе и предназначенная, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К.В. Киселев

Киселев Константин Викторович
кандидат философских наук, зам. директора Института философии и права УрО РАН по научным вопросам

E-mail:
kiselev@instlaw.uran.ru

С легкой руки оставляющего власть Б.Ельцина, первоначально затеявшего кадровую чехарду, а затем неожиданно остановившего свой «царский» выбор на В.Путине, политическая практика демократизирующейся России обогатилась по сути абсолютно антидемократическим институтом «преемства» центральной исполнительной власти¹. В исследовательский политологический обиход прочно вошло устойчивое выражение «операция

«Преемник», которой посвящено значительное количество и действительно научных, и явно конспирологических исследований.

Сегодня политический механизм передачи власти вновь востребован. Приближение весны 2008 г. и выборов нового Президента РФ ощущается и политической элитой, и избирателями, и фондовым рынком, и журналистами. Причем, на наш взгляд, вольно или невольно, но механизм обеспечения «сдачи-приемки» власти был запущен уже достаточно давно. Именно в этом ключе стоит рассматривать и различные инициативы по смене Конституции РФ «под Путина» и длящиеся годами рассуждения «компетентных» юристов и «придворных» аналитиков о возможном третьем сроке для В.Путина, о пролонгации его полномочий на 7-летний срок и т.п. В силу того, что все это длилось достаточно долго, несмотря на неоднократные отказы самого В.Путина от «нового срока», логично предположить, что кампания не была спонтанной, вызванной верноподданническими чувствами, непрофессионализмом журналистского сообщества и отсутствием иных политических тем, а была инспирированной и управляемой. Видимая цель всех этих, на первый взгляд, спонтанных заявлений, инициатив и действий, — однозначное

доказывание безоговорочного политического веса и авторитета действующего президента и отсутствия «иной» альтернативы, кроме него самого и/или его «наследника». Попутно российского избирателя убедили в том, что гражданское общество в России «еще не созрело», а потому «правильно выбирать» россияне «еще не научились».

Такое символическое сопровождение оказалось исключительно эффективным. Его эффект суммарно превосходил все иные инициативы власти - от «мочения в сортирах» чеченских боевиков-террористов и регулярного повышения пенсий до национальных проектов. Избиратели могли быть недовольными любой инициативой власти, но признавали, что «кроме, как за Путина, голосовать больше не за кого», «остальные еще хуже», «следующий будет совсем плох» и т.п. Другими словами, избирателей убедили, что «Путину альтернативы нет», что Путин практически «всесилен», что власть «всегда добьется своего» и оппонировать ей бессмысленно.

Сегодня тема «третьего срока», которая себя эффективно «отыграла», сменилась новой символической логикой, которая уже непосредственно связана с обеспечением передачи власти. После февральской пресс-конференции В.Путина² можно однозначно утверждать, что механизм «преемства» не просто запущен, но заработал на полную мощь. Избиратели могут ознакомиться уже не только с комментариями аналитиков и аналитикой комментаторов, но и с вполне солидными работами. Например, в 2005 г. в издательстве «Алгоритм» вышла в свет книга Бориса Мазо «Преемник Путина, или Кого мы будем выбирать в 2008 году». Как следует из рекламы, книжка весит целых 370 грамм (!) и выпущена тиражом 3000 экземпляров.

Заметим, что тема необходимости преемственности власти в России звучала с самого прихода В.Путина к власти. Если в первые годы своего «правления» В.Путин сам был «преемником», то к концу первого президентского срока, когда его авторитет стал незыблемым, а сам он окончательно «сформировался» как «основной» политический субъект, «наследополучатель» начал превращаться в «наследодателя».

Символическая логика преемства власти, на самом деле совсем не однозначна и ее декодирование представляет исследовательский интерес. Если внешне речь идет лишь о передаче власти «сильным» и популярным политиком своему назначенцу, причем, оппозиции в этой схеме места просто не находится, то внутренние, скрытые смыслы много богаче и не столь однозначны.

Во-первых, сама логика преемства означает не только силу власти, но и ее слабость. Дело в том, что любой механизм недемократической, неконкурентной передачи власти символически означает слабость

этой самой власти, которая фактически признает свою боязнь легитимной конкуренции. Сила В.Путина в этой логике есть его слабость. Признавая наличие преемников, сам президент признал свою слабость. Акцентируя внимание на преемстве власти, свою слабость признавала вся политбюрократическая машина. Это фактически признали «люди президента», его СМИ, его администрация. Символически они проиграли заранее. Именно «из этой серии» заигрывание чиновников администрации президента с представителями референтных групп (интеллигенцией, представителями общественных организаций и т.п.) и «выразителями интересов» наименее поддающихся традиционным манипулятивным технологиям групп (активная молодежь, рок-музыканты и т.д.). И даже отрицание наличия преемников на пресс-конференции в феврале 2007 г., что противоречит многочисленным утверждениям противоположного толка, на самом деле ситуацию не меняет, ибо беспартийный президент все же оставил за собой право высказаться в поддержку какой-то конкретной кандидатуры. На практике это значит, что административный ресурс будет задействован именно на эту (эти) кандидатуру и ни на кого больше.

Отсюда следует и второй вывод: преемник подается и воспринимается массами как наследник действующего президента. Причем, предполагается, что преемник должен наследовать не только рейтинг популярности президента, но и его дела, проекты, качества и т.п. Причем, сам смысл наследования означает, что наследник что-либо приобретает, но не теряет. Другими словами, наследник символически всегда наследует лучшее, позитивное, отрицая негативное, нежелательное, угрожающее. Наследник, таким образом, это не только продолжение, но продолжение лучшего.

Заметим также, что такая логика восприятия наследования не является абсолютно позитивной для действующей власти. Однозначно, что наследник есть продолжатель, но не обязательно, что «продолжать» он будет лучше предшественника. Точнее, продолжать он «должен» лучше, но не обязательно должен быть лучше «наследодателя». Более того, наследник, как правило, оказывается

мельче, слабее наследодателя, ибо он всегда сравнивается с предшественником, который в результате особенностей исторической памяти обычно идеализируется, становится эталоном для сравнения.

Третий принципиальный вывод из анализа смыслов преемства также не столь однозначен для власти, хотя, в общем и целом, работает на механизм «сдачи-преемки». Преемник в транслируемой сегодня большинством СМИ символической логике подается как «решенная задача». Преемник потому и

является преемником, что он уже стал самой властью. Преемник есть уже ставшее будущее, уже решенная проблема. В противном случае он собственно преемником и не является. Однако в трансляции смыслов «ставшего будущего», уже осуществленной передаче власти есть нюанс, связанный с наличием в электорате (прежде всего в референтных группах) значительного количества протестно настроенных избирателей. Логика «ставшего будущего» символически исключает их из процедуры выборов, усугубляя и без того негативное отношение к режиму, которое неизбежно транслируется практически на все группы электората. Негативный эффект от лишения права выбора существует и в лояльных режиме группах избирателей.

И, все же, даже при обозначенной символической амбивалентности логики «ставшего будущего» она, тем не менее, все равно в интересах власти, ибо она не отыгрывается оппозицией без помощи достаточно сложных для масс избирателей рассуждений. Другими словами, как только оппозиция начнет говорить, что преемник – это, отнюдь, не однозначно «ставшее будущее», она тут же попадает в символическую ловушку: электорат начинает актуализировать логику свершившегося и логику «от меня ничего не зависит, все решили без меня». Дело в том, что, отрицая факт «свершившегося выбора», оппозиция позиционируется именно по отношению к этому «свершившемуся». Если же оппозиция признает «ставшее будущее» заранее, а ее основной темой станет «выбор уже сделан без нас», то она автоматически распишется в своей слабости.

В-четвертых, следует отметить, что логика «преемства» означает, что другие кандидаты преемниками не являются, что, в свою очередь, заставляет позиционировать этих других именно по отношению к преемнику. Преемник один, а других много. В результате логика преемства власти фактически сводится к логике мнимой альтернативности или вообще безальтернативности.

Фактически в логике преемства подчеркивается всеисильность административного ресурса. И это еще один, пятый, смысловой пласт анализируемой технологии. Все равно он станет президентом – такова логика рассуждений избирателей естественным образом следующая из президентского предложения и поддержки определенного кандидата. Кстати, заметим, что даже, если В.Путин действительно выскажется в поддержку какого-либо кандидата только в агитационный период, как он обещал это сделать, то это, отнюдь, не означает, что административная машина не будет работать и до начала собственно избирательной кампании. Рассуждения о демократии при жестком административном давлении на выборах давно воспринимаются в обществе как элемент прикрытия, как шумовой фон.

В-шестых, символически «преемничество» подразумевает стабильность, сохранение и защиту сделанного, запрет (временный или постоянный) на перераспределение ресурсов. Таким образом, предшественник и преемник как бы гарантируют обществу и его элитам, что каких-либо серьезных потрясений, а уж тем более революций, не будет. Преемник «предлагает» значительным слоям электората своеобразное бегство от свободы. В результате молчаливое большинство получает долгожданное освобождение от бремени выбора, а немногочисленная элита некоторые символические гарантии от смены правил игры.

Кроме того, определение предшественником своего преемника означает фактическое отдание приказа на голосование за определенную кандидатуру. Не секрет, что сегодня одним из аргументов в политических и даже экономических дискуссиях является ссылка на президентские программы и проекты, его слова и авторитет, его намеки и недомолвки, недосказанности и даже настроение. Для большинства действующих публичных политиков вопрос: «Ты против В.Путина и курса власти?» – звучит как преамбула политического приговора и заставляет оправдываться.

Наконец, символически тема преемника усиливает субъектность самого предшественника, в нашем случае В.Путина. Даже, если В.Путин отрицает наличие преемников. Когда В.Путин утверждает, что преемников не будет, то именно он решает, быть им или нет. По большому счету В.Путин поступает очень технологично: первоначально инициировал тему преемства (2003-2006 гг.)³, затем продолжил интригу с помощью словесной эквилибристики: преемников нет, но «человека» назову, ибо имею право (февраль 2007 г.)⁴. При этом президент максимально тянет время, ибо раннее обозначение преемника мгновенно вызовет ослабление самого В.Путина.

В результате роста субъектности самого В.Путина ослабевает субъектность электората. СМИ и следом за ними избиратели обсуждают не кандидатов, но преемников. Конечно, просвещенная элита говорит о плюсах и минусах и Б.Грызлова, и С.Иванова, и Д.Медведева, и Д.Козака и десятка других кандидатов, но обсуждение это идет без признания своей собственной субъектности. Более того, обсуждаются не столько люди, сколько их рейтинги и то, что выгодно «великому и ужасному» В.Путину. Традиционны, например, рассуждения о том, что В.Путину выгоден более слабый преемник, нежели он сам, чтобы сохранить контроль за ситуацией в России, а в итоге – обеспечить себе возвращение в политику через определенное время⁵.

Если кратко обобщить все обозначенные символические логики, то получится технологически вполне приемлемая таблица:

Символические логики преимущественно позитивные для власти	Символические логики преимущественно позитивные для оппозиции
Преемник продолжит все лучшее, что было достигнуто	Преемник слабее В.Путина, в силу чего он не сможет «продолжить» дело
Преемник обеспечит стабильность и не допустит переворотов, переделов и революций	Избирателей лишили права выбора, принципиально нужно голосовать не за преемника
У преемника нет альтернативы. Есть преемник, и есть все остальные. Остальные менее значимы, чем преемник	Власть слаба, ибо боится демократической конкуренции, а потому преемник проиграет
Преемник все равно победит. Все уже решено.	
Больше голосовать не за кого	
Преемник победит, ибо весь административный ресурс будет работать на преемника	
Преемник победит, в силу поддержки В.Путина. А поддержка В.Путина решает все	
Преемник уже фактически победил	
Преемник может передать власть В.Путину обратно, через некоторое время	
За преемника голосовать нужно, просто потому, что нужно («там» так решили, больше не за кого и т.п.)	
Если ты поддерживаешь В.Путина, то должен голосовать за его преемника	
В.Путин все равно останется в политике и будет помогать преемнику	

Логика можно было бы множить, но и сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу: предложенные вероятностные ответы оппозиции явно и откровенно слабее логик власти. Хотя бы просто потому, что эти ответы, по большому счету, есть лишь реакция на логику власти, а потому находятся в рамках этой логики. Другими словами, оппозиция, говоря о преемнике, неизбежно попадает в символическую ловушку власти.

Представляется, что дискредитация механизма преемства и символических логик власти, связанных с передачей власти, возможны лишь через проведение ассиметричной символической политики. Например, обсуждение «преемников» должно идти не как преемников, а как кандидатов со всеми их плюсами и минусами. Причем, обсуждать в одном ряду нужно не только «преемников», но и иных кандидатов, предлагая их власти и обществу. Оппозиции, если она, конечно, не ангажирована, вообще лучше забыть слово «преемник», а СМИ за одно только употребление этого слова нужно брать деньги, как за нормальную «джинсу». Соответственно требуется обсуждение не только личностей, но и программ.

При этом очевидно, что действительное публичное и конкурентное обсуждение в условиях ангажированности СМИ едва ли возможно, но элементарные «движения» в эту сторону просто необходимы, ибо дискуссия по всему списку кандидатов находится в логике нормального

гражданского общества. И естественным образом противоречит логике власти. И это только одна из возможностей для ассиметрии в ответе, которых множество, как, заметим, и кандидатов. Например, ассиметричные Л.Рошаль, Б.Гребенщиков, В.Шахрин или Ж.Алферов гораздо опаснее для путинского протеза, чем вполне системные М.Касьянов, Г.Зюганов или Б.Немцов.

Кроме того, оппозиция четко должна понимать, что ситуация с «тефлоновым» президентом не должна повториться. И в этом плане гражданское общество должно требовать от кандидатов и программу, и реальную биографию, чтобы не допустить возникновения зеркального эффекта, который в свое время использовал В.Путин (каждый видел в В.Путине того, кого хотел, а не того, кем он был в реальности). Кстати, заметим, что сегодня попытки создания «зеркального эффекта» уже видны. Например, бессодержательные речи Д.Медведева именно из этого арсенала: на цементном заводе он ратует за увеличение производства цемента, а на ферме с видом специалиста призывает повысить надои. В результате «преемник» начинает разбираться во всем, постепенно становясь «зеркалом» для избирателей.

И все же, существует ли проблема-2008? - И да, и нет.

Нет, потому что, положив руку на сердце, следует согласиться с тем, что «преемник» пока однозначно побеждает

любого из различаемых кандидатов. Проблемы не существует также, потому что власть от В.Путина перейдет к одному из членов нового Политбюро. И в этом отношении, совсем не принципиально, кто из секретарей этого Политбюро займет пост президента РФ. В этом отношении секретарь Медведев ничем не лучше, но и не хуже секретаря Иванова. А секретарша Матвиенко идентична секретарю Миронову. Более того, не исключен вариант, когда пара секретарей с благословения Политбюро пойдет на выборы, якобы, конкурируя друг с другом. Сути дела это не изменит. Посетителям электорального ресторана в меню просто-напросто предложат разные варианты «комплексного обеда». Например, если кому-то несимпатичен «плюшевый» Медведев, олицетворяющий половинчатость, несамостоятельность, газпромовскую зависимость, то он сможет выбрать, якобы, более решительного министра обороны Иванова. Такого рода сочетаний можно придумать и предложить множество, все зависит от технологической проработки проблемы.

Проблема 2008 г. существует пока лишь в одном варианте: сможет ли оппозиция предложить здравую, просчитанную программу модернизации России. Эта программа даже не будет альтернативной. Она будет единственной, ибо пока нет никакой.

1. Практика «преемства» власти активно использовалась и используется как на региональном уровне, так и на уровне местного самоуправления. Например, в 2000 г. Н.Кондратенко, бывший Губернатор Краснодарского края, реализовал схему передачи власти своему единомышленнику А.Ткачеву. В 2004 г., уходя на повышение в федеральное правительство, пользующийся популярностью Губернатор Пермской области Ю.Трутнев фактически «отдал» власть своему соратнику О.Чиркунову. И таких примеров достаточно много.

2. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. 1 февраля 2007 года // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117597.shtml

3. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года // http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/20/1237_type63380_47449.shtml; Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России 15 марта 2004 года // http://www.kremlin.ru/appears/2004/03/15/0321_type63380_61835.shtml; Встреча с руководством и членами коллектива Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) 13 мая 2006 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105647.shtml>; и др.

4. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. 1 февраля 2007 года // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117597.shtml

5. <http://forum.msk.ru/material/politic/16852.html>; <http://www.apn.ru/publications/article10052.htm>, и многие др.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Е.Г. Дьякова

Дьякова Елена
Григорьевна
член Общественной
палаты РФ,
доктор политических
наук,
ведущий научный
сотрудник
Института философии и
права УрО РАН

E-mail: ms_urfo@bk.ru

На сегодняшний день сложился устойчивый стереотип, согласно которому некоммерческим организациям вроде бы нет особой необходимости участвовать в развитии информационного общества, поскольку в современной России с этим вполне успешно справляются бизнес и государство. Но так ли это на самом деле? Да, сейчас благодаря частным инвестициям инфокоммуникационные технологии (ИКТ) превратились в одну из самых стремительно развивающихся отраслей российской экономики. Но

с учетом инвестиционных рисков и операционных расходов в сферу интересов бизнеса попадали и продолжают попадать в первую очередь самые привлекательные рынки, с высокой доходностью. Поэтому, как и во всем мире, информатизация в стране началась с мегаполисов и крупных городов и только затем постепенно стала переходить на менее привлекательные, низкодоходные, рынки. Это, так же как и во всем мире, породило внутри федерации «цифровое неравенство» и сформировало группы «информационно богатых» и «информационно бедных» и, что является уже нашей российской спецификой, усилило расслоение общества, и без того уже разделенного на множество групп. Конечно, эти внутренние противоречия (экономические, поколенческие, ценностные и др.) существовали и раньше, однако с появлением ИКТ возникла опасная тенденция к их расширению и углублению.

Авторы Федеральной целевой программы «Электронная Россия» исходят из того, что решение проблем информатизации страны в приемлемые сроки невозможно только за счет использования существующего рыночного механизма и требуется государственная поддержка на всех уровнях. Информатизация государственного управления

не случайно является одной из главных задач данной программы. По мнению ее разработчиков, именно отставание в этой сфере и создавало барьеры для ускоренного распространения новых коммуникационных технологий и повышения эффективности государственного управления.

На общенациональном же уровне стратегия перехода к информационному обществу реализуется не слишком эффективно. Общеизвестно, что острой проблемой в данной сфере остается «лоскутный» характер информатизации государственного управления: органы власти внедряют ИКТ, не всегда взаимодействуя друг с другом и не координируя свои усилия, что порождает множество трудностей и нестыковок.

Почему же внедрение ИКТ усиливает разделение общества, вместо того чтобы укреплять его единство? Одной из причин этого является то, что, какой бы эффективной ни была деятельность бизнеса и государства в сфере информатизации, она направлена в основном на решение задачи доступа к ИКТ, т. е. повышения уровня обеспеченности соответствующим оборудованием и программами. Но, как известно, готовность перехода к информационному обществу предполагает еще и развитие человеческого фактора -- иначе говоря, соответствующим образом мотивированных и обученных пользоваться возможностями, предоставляемыми ИКТ, людских ресурсов. В противном случае возникает ситуация, с которой, например, столкнулись в некоторых регионах при реализации программы «Почты России» в части создания на базе сельских почтовых отделений пунктов коллективного доступа в Интернет.

Идея была самая благая: дать сельским жителям, которые однозначно относятся к группе «информационно бедных», возможность пользоваться современными информационными технологиями. Однако оказалось, что отправлять письма по электронной почте некому, да и вообще они часто просто не имеют представления, зачем им может понадобиться Интернет. Кроме того, по федеральному тарифу стоимость доступа в Интернет составляет примерно 60 р. в час, что на селе является большой суммой. В результате, несмотря на факт «электронной подключенности», сельские жители как ранее не пользовались ИКТ, так и до сих пор ими не пользуются.

Вот поэтому-то участия бизнеса и государства в формировании информационного общества недостаточно для преодоления информационного расслоения общества. Необходимо привлечение гражданских институтов. Задача институтов гражданского общества состоит в том, чтобы выполнять функцию связующего звена, обеспечивающего взаимодействие граждан с государством и бизнесом, как основными инициаторами процессов информатизации. Явно назрела потребность в общественной экспертизе процессов в сфере информатизации с целью оценки

их соответствия потребностям различных слоев населения и того, насколько они содействуют превращению «цифрового раскола» в «цифровые возможности».

Надо сказать, что сейчас этой проблемой в России занимаются несколько организаций. Здесь хочется указать прежде всего на работу Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех», а также - на деятельность Санкт-Петербургского Института свободы развития информации и Портала развития информационного общества в России (ПРИОР), особенно его Санкт-Петербургского и Югорского фрагментов.

Однако, в целом, институты гражданского общества в России пока занимают вопросы информатизации явно недостаточно. Данная проблема, что называется, не стоит в «повестке дня» и публично не обсуждается. А это необходимо, так как, несмотря на то, что информатизация - дело очень сложное, специфическое, требующее наличия высококлассных специалистов, - переход к информационному обществу заключается не только во внедрении новых технологических процессов в государственное управление и бизнес, не только в переходе к «электронному документообороту» и открытии официальных сайтов. Он требует еще и инициации процесса формирования «электронных граждан», способных эффективно взаимодействовать с «электронным государством». Но в данный момент государство и бизнес озабочены в основном проблемами, что строить, как строить, как повысить эффективность использования ИКТ, в то время как вопрос, для кого строить, зачастую остается в стороне.

Если понятие об «электронном государстве» у нас неплохо разработано, намечается даже «дорожная карта» перехода к «электронному правительству», то о том, каким должен быть «электронный гражданин», существуют самые туманные представления. И это сразу становится понятным, когда мы обращаемся к анализу продуктов, предназначенных непосредственно для граждан. Возьмем, например, сайты органов власти. Их имеют почти все федеральные структуры и большинство региональных и муниципальных. Но возникает вопрос: а нужна ли гражданам размещенная на этих сайтах информация? Вполне возможна ситуация (и нам приходилось с ней сталкиваться), когда данные, имеющие определяющее значение с точки зрения государственных органов, оказываются бесполезными с точки зрения граждан, и, наоборот, то, что кажется крайне важным и полезным гражданам, не воспринимается в качестве такового чиновниками. Вот тут и должно вмешаться «связующее звено» - институты гражданского общества. Напомню, что главной задачей Общественной палаты РФ, согласно Федеральному закону РФ от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ, является именно «согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации,

общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития».

Каковы же механизмы согласования интересов в сфере формирования информационного общества? Если вернуться к официальным сайтам органов власти, то сегодня они в основном создаются по так называемому структурно-ориентированному принципу: их архитектура воспроизводит структуру соответствующего органа власти, что требует от пользователя достаточно высокого уровня компетентности и знания специфических особенностей деятельности государственных институтов. А это означает, что значительная часть населения так и не сможет стать «электронными гражданами» и воспользоваться предоставленными ей возможностями.

Как показывает мировой опыт, для повышения интерактивности взаимодействия государства и его граждан необходим переход к проблемно-ориентированным информационным ресурсам, не требующим от пользователя специальных знаний. В качестве примера могу привести сингапурский портал E-citizen, навигация на котором построена по принципу «путешествие по жизни».

Безусловно, переход на проблемно-ориентированные информационные ресурсы требует времени и значительной предварительной подготовки. Тем не менее, отдельные элементы такого подхода уже просматриваются на ряде официальных сайтов. В частности, на официальном сайте органов власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – имеется специальный подраздел «Информация для граждан», в котором содержатся полезные правовые сведения, перечень необходимых документов, инструкции и образцы заявлений и справок,

требующихся при обращении в различные органы власти. Там же работает «Дискуссионный клуб», на котором посетители обсуждают проблемы развития округа и страны в целом.

Это только один из примеров, показывающий возможности государственных информационных ресурсов даже без использования онлайн-

взаимодействия. И тут можно говорить о второй функции гражданского общества как связующего звена между государством, бизнесом и гражданами: о его способности не просто вывести проблему в сферу публичного обсуждения, но организовать ее общественную экспертизу. С этой целью с 1 августа 2006 года в Уральском Федеральном округе объявлен открытый конкурс на лучший сайт органов власти. Требуется оценить официальные сайты органов власти именно с

точки зрения их общественной значимости и того, насколько успешно они обеспечивают налаживание обратной связи с населением.

В экспертный совет и жюри конкурса входят как крупнейшие региональные специалисты по информатизации, так и представители некоммерческих организаций со всей России, занимающиеся мониторингом развития информационного общества, медиаобразованием и т. п.

Разумеется, конкурс – это только один из шагов в направлении публичного обсуждения процессов информатизации. Для координации усилий государства, бизнеса и гражданского общества в сфере информатизации, на наш взгляд, необходим более широкий подход. Большую роль здесь может сыграть Общественная палата РФ, тем более что задачи стоят общие: от того, насколько граждане сумеют использовать новые возможности, предоставляемые им информатизацией, во многом зависит их уровень доверия к власти.

СУДЬБА, НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ. ПАРАДОКСЫ И ИРОНИЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

М.А. Малышев

**Малышев Михаил
Алексеевич**
кандидат философских
наук, профессор
Автономного
университета штата
Мехико

E-mail: manolasepulveda@
yahoo.com.mx

История всегда права в том же смысле, в каком человек всегда крепок задним умом.

В фундаменте любого радикализма лежит эстетизм, требующий не просто улучшения мира, а уничтожения всех следов его несовершенства.

Только обретший свое призвание может претендовать на роль хозяина собственной судьбы.

В борьбе за великое дело в начале меркнет величие, затем разваливается дело, а потом умирают и борцы.

Горькая улыбка при вести о неудаче – это знак примирения с ней.

Кто неустанно печется о своем светлом будущем, тот готовит материал для биографии о своем славном прошлом.

Что такое случайность, как не производ взбесившейся судьбы.

Если человек говорит, что ему ничего не надо, следует осведомиться: а все ли у него в порядке?

Что такое каприз? Незаконнорожденный сын свободы.

Даже самый никчемный человек способен на что-то сгодиться: на худой конец, он может послужить моделью паразита.

Человек - это не только продукт эволюции природы, но и, возможно, её будущий могильщик.

Время - это фокусник, прячущий ужас небытия за очарованием надежды.

Усилие, помноженное на терпение, - залог успеха, если судьбе наскучило строить нам козни.

Чему только история нас не учит? И тому, что она сообщает смысл нашему бытию, и тому, что этот смысл никогда не идет нам впрок.

Некоторые люди только и делают, что готовятся к будущему. Этой надеждой на будущее и исчерпывается смысл их существования в настоящем.

Многие люди покидают мир в полном сознании, но лишь немногие из них умеют «организовать» свою агонию и одарить мир предсмертной фразой.

Время – это деньги, ибо только деньги дают возможность насладиться временем.

Привычка – вторая душа человека, утратившего надежду.

Разочарование превращает трепет надежды в сарказм или иронию.

Вчерашний день наградил нас опытом, завтрашний подарит надежду, а сегодняшний навязывает заботу, остужающую горячее нетерпение надежды холодной трезвостью опыта.

В начале жизнь предстает как предисловие к прекрасной поэме будущего, а затем она превращается в пленника прозаических забот настоящего.

Человек пытается «подстричь» неопределенность будущего «ножницами» надежды на то, что будущее окажется, по крайней мере, не хуже настоящего.

Забота - это переживание возможности как действительности, а мечта – это переживание действительности как возможности.

Будем реалистами! - типичный синдром каждой новой иллюзии.

Кто непрерывно подает надежды, тот рискует стать должником невыполненных обещаний.

Жить – значит быть отравленным сознанием собственной значимости.

Не давать невыполнимых обещаний – значит не населять будущее призраками мертвых надежд.

Если разочарование выщипывает перья из крыльев надежды, то отчаяние подрезает сами эти крылья.

Разочарование вырабатывает иммунитет против отчаяния.

Человек, утративший надежду на будущее, мог бы наслаждаться настоящим. Но эта мысль даже и не приходит ему в голову.

Только временно забыв о времени, можно создать нечто такое, что может выдержать проверку временем.

«Старая подруга» память стала ему изменять, и чтобы не остаться в долгу, он начал «крутить роман» с молоденькой надеждой.

Кто верит в людей, подающих надежды, тот должен обладать неиссякаемым запасом терпения.

Нынешний меланхолик – это бывший энтузиаст, промотавший свою жизнь в сладких, но бесплодных мечтах.

Вера в Бога примиряет с его отсутствием, а вера в человека – с его присутствием.

Человек нужен Богу в качестве свидетеля, а Бог человеку в роли судьи.

Выход на пенсию дает нам возможность получить приблизительное представление о том «отдыхе», который ожидает каждого из нас на «том» свете.

Молитва – это универсальное средство от всех бед. Как тут не вспомнить реплику неграмотной служанки, подслушанную Чораном: «Я вспоминаю о Боге только тогда, когда у меня начинают болеть зубы».

Многие люди вначале принимают решения, а потом умоляют Бога сделать их правильными.

Вера в присутствие Бога «там» примиряет с его отсутствием «здесь».

Если верить Ветхому Завету, человек стал человеком из зависти.

Возможно, что Адам и Ева воздержались бы от греха, если бы удовольствие от него не превышало всех прелестей земного рая.

Иисус призывал своих последователей возлюбить своих врагов, возможно, потому, что враги не льстят, а называют вещи своими именами.

По ночам человеку в голову лезут разные шальные мысли, и самая нелепая из них – это мысль о вечности.

Идея бессмертия – это взгляд, устремленный «по ту сторону тела».

На многих иконах Бог сед и стар, но даже вечность не может сделать его лысым.

Если вера завела тебя в край невозможного – значит, ты оказался в стране чудес.

Бог дает нам вдохновение, но дьявол вмешивается в его осуществление.

Косметика – это искусство возможного: невозможно любую женщину превратить в красавицу, но можно сделать так, чтобы никто не смог бы назвать её некрасивой.

Женщина смотрит в зеркало и видит в нем себя и то, что ей в себе сегодня не достает.

Если женщина, вступающая в брак красива, а мужчина не очень, можно предположить, что у первой – богатое воображение, а у второго – тонкий вкус.

ДОГОВОР С ДЬЯВОЛОМ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

М.Ф. Казанцев

(попытка дискурсивно-юридического анализа)

Казанцев Михаил Федорович
кандидат юридических наук,
зав. отделом права Института философии и права
УрО РАН

Феномен, именуемый как «договор (сделка, соглашение, контракт) с дьяволом (сатаной, чертом, шайтаном)», имеет давнюю историю. Сюжет о договоре человека с дьяволом относится к «вечным» сюжетам мировой литературы¹. Достаточно вспомнить здесь хотя бы литературные версии о легендарном Фаусте (прежде всего, Гете, но не только его) и некоторые современные произведения беллетристики² и кино³.

Однако, договор с дьяволом – не только литературное явление. Он, увы, имеет отношение к бытию людей. Расцвет договора с дьяволом как явления реальной жизни приходится на средние века – период наибольшей активности инквизиции (если можно назвать расцветом договоров с дьяволом наиболее зловещие формы их проявления). Именно средние века печально известны многочисленными процессами колдунов и ведьм, где договоры с дьяволом образовывали главный состав преступления.

Средневековые трактаты теоретиков и практиков охоты на ведьм⁴, а также более поздние и современные труды по демонологии⁵ позволяют составить представление о договоре с дьяволом. Последний заключался ведьмой (колдуном, магом, гадателем) или обыкновенным человеком (с одной стороны) и дьяволом (с другой стороны) и предусматривал, что дьявол давал человеку все, что тот пожелает, а человек взамен отдавал дьяволу свою душу, иными словами отрекался от Господа и своего крещения и обязался служить дьяволу. Суть договора с дьяволом,

можно сказать, состоит в возмездной уступке (продаже) человеком своей души дьяволу.

Договор с дьяволом заключался в устной или письменной форме, причем письменный договор с дьяволом излагался на чистом пергаменте кровью⁶. До нас дошли образы письменных договоров с дьяволом, например, следующий:

«Я, патер Лоис, отрекаюсь от всех и каждого духовных и телесных благ, какие мне могли бы быть даны и ниспосланы от Бога, от Девы и от всех святых, а в особенности от моего покровителя Иоанна Крестителя, и от святых апостолов Петра и Павла, и от святого Франциска. Тебе же, Люцифер, коего я вижу и лицезрею перед собою, я отдаю себя со всеми добрыми делами, которые я буду творить, за исключением благодати Святых Тайн, из сострадания к тем, кому я буду оные преподавать, и сего ради я все сие подписываю и свидетельствую».

Процитированный договор, заключенный патером Лоисом Гофриди был напечатан в книге «De vocation des magiciennes» (О призвании колдунов и колдуний), изданной в Париже, в 1623 году.⁷

Изложенное, думаю, позволяет составить самое общее предварительное представление о феномене, именуемом договором с дьяволом. Этот феномен настолько необычен, что заставляет усомниться в своей реальности. Поэтому уместно задаться вопросом, а какова природа этого феномена. Можно ли договор с дьяволом считать договором (в строгом смысле), а если можно, то имел (имеет) ли он юридический характер. Ответ на этот вопрос (точнее вопросы) и призван дать дискурсивно-юридический анализ договора с дьяволом, попытка которого следует ниже.

Для ответа на вопрос о том, является ли нечто, называемое «договором с дьяволом» договором, необходимо, прежде всего, обратиться к общей теории договора. Именно к общей теории, поскольку знания одного юридического аспекта договора мало. К слову, правоведение в целом и цивилистика, в частности, сами нуждаются в общей теории договора, потому как без них они не могут в достаточной мере полно выявить природу, соответственно, правового (юридического) договора вообще и гражданско-правового договора в частности. Об этом приходится говорить, поскольку для большинства (даже, пожалуй, для подавляющего большинства) юристов договор мыслится как явление сугубо юридическое, притом представленное только такими традиционными, привычными видами правовых договоров как гражданско-правовой, трудовой и международно-правовой.

Основные (исходные) положения общей теории договора, которые важны для определения природы договора с дьяволом сводятся к следующему.

Родовым понятием по отношению к договору вообще (т.е. к договору в самом широком значении) выступает понятие акта (волевого акта). Последний можно определить следующим образом. Акт (волевой акт) — это воля субъекта (субъектов), которая выражена вовне в объективированной форме и имеет определенную цель.

Акты (волевые акты) в зависимости от состава лиц, совершающих акт и являющихся участниками регулируемых им отношений, подразделяются на односторонние акты и двух- или многосторонние акты, которые и являются договорами. Односторонний акт — это акт, совершенный одним субъектом (или несколькими субъектами, выступающими как одна сторона) и выражающий его (их) одностороннюю волю. Договор — это акт, совершенный (заключенный) двумя или более лицами (сторонами), выражающий их согласованную волю и направленный на регулирование их отношений (поведения).

Договоры (вообще) в зависимости от наличия или отсутствия у них юридического характера подразделяются на правовые (юридические)⁸ договоры и неправовые (неюридические)⁹ договоры. Правовой договор — это договор, направленный на регулирование правовых отношений (поведения) заключивших его субъектов и обеспечиваемый возможностью государственного принуждения. Неправовой договор — это договор, направленный на регулирование неправовых отношений (поведения) заключивших его субъектов и не обеспечиваемый возможностью государственного принуждения.

Повседневная жизнь людей, деятельность органов власти, должностных лиц, политических партий, иных общественных образований пронизана многочисленными договорами (соглашениями) как юридического, так и неюридического характера. Причем в количественном плане неправовые договоры едва ли не доминируют над правовыми. Неправовые договоры могут быть подразделены (среди прочих, разумеется, оснований) в зависимости от того, в какой сфере общественной жизни они регулируют отношения (поведение) заключивших их субъектов. При делении неправовых договоров по сфере общественной жизни из их числа можно, в частности, выделить политические неправовые договоры, бытовые неправовые договоры, производственные неправовые договоры. Приведенное деление не претендует на строгую научную классификацию неправовых договоров. Скорее, это иллюстративный, притом неполный перечень неправовых договоров, помогающий получить представление об этой группе договоров.

Договор, договорное регулирование обладают большой социальной, поистине цивилизационной, ценностью. Договор является средством социального взаимодействия между людьми, средством автономного саморегулирования отношений между ними. И с договором неразрывно связаны такие ценности, как свобода, демократия, гражданское общество, права человека.

Опираясь на изложенные узловые положения общей теории договора, далее следует установить наличие признаков договора у феномена, называемого договором с дьяволом.

У договора должны быть как минимум две стороны. У договора с дьяволом две стороны как будто есть — человек и дьявол (во всех своих проявлениях). Однако, стороной может быть такой субъект, который способен совершить волевой акт, т.е. субъект, обладающий реальной волей и могущий выразить эту волю вовне в объективированной форме. Иными словами, стороной договора может быть реальный социальный субъект (совокупность субъектов).

Человек, бесспорно, является реальным социальным субъектом, способным совершить волевой акт, в объективированной вовне форме. А дьявол? По утверждению энциклопедий (сам я не берусь «дефинировать» этого субъекта) дьявол — это злой дух, противостоящий Богу, главный символ трансцендентного высшего зла¹⁰. Стало быть, дьявол, если и субъект, то субъект не реальный, мифический, не обладающий волей, а следовательно, и не способный к заключению договоров и совершению каких-либо волевых актов вообще.

Таким образом, дьявол не может выступать в качестве реальной стороны договора. А коль скоро это так, то и договор с дьяволом в целом не может рассматриваться как реальный договор. В лучшем случае договор с дьяволом можно воспринимать как некий мифический договор, как явление, в котором конструкция договора используется как образная фигура, с помощью которой раскрывается тема предательства Бога.

Но если договор с дьяволом не реальный, а мифический договор (а при строгом подходе к договору — вообще не договор), то он — договор с дьяволом, не может иметь и юридического характера, а если говорить более точным языком — не может квалифицироваться как юридический договор. С современных позиций это действительно так.

Однако, не все так просто, если проблему рассматривать в контексте представлений о договоре с дьяволом, существовавших в средние века в период практического использования договора с дьяволом, когда договоры с дьяволом, считались юридической реальностью и ложились в основу обвинения на процессах колдунов и ведьм. Договоры с дьяволом, таким образом, подпадали под юридическую

инквизицию. К середине второго тысячелетия сложилось, можно сказать, целое учение о договоре с дьяволом, к которому (учению) были причастны, например, Святой Августин и Фома Аквинский. Это учение наряду с практическими трактатами об охоте на ведьм (например, трактатом Бинесфельда) составной частью вышла в церковную юриспруденцию.

В средневековье к договору с дьяволом относились более чем серьезно, причем именно в юридическом контексте. В 1398 г. Парижский университет официально утвердил теорию, согласно которой колдовство обязательно предполагало заключение договора с дьяволом¹¹. Обвиняемому в колдовстве предлагалось подписать подготовленный инквизитором договор с дьяволом. Если обвиняемый подписывал договор, последний служил бесспорным доказательством виновности обвиняемого. Если не подписывал, пытки продолжались до подписания договора или смерти обвиняемого. Подписание в ходе инквизиции процессов договоры с дьяволом имели форму реальных письменных документов, похожих по стилю на обычные договоры между купцами.

В этой связи характерен нижеследующий текст договора между дворянином (рыцарем) из Пинерроля и дьяволом, заключенный в 1676 г., и на основании которого упомянутый дворянин был осужден¹²:

1. Люцифер, ты обязан немедленно доставить мне 100000 фунтов золотом!

2. Ты будешь доставлять ко мне в первый вторник каждого месяца 1000 фунтов.

3. Ты будешь приносить мне золото в монетах, находящихся в обращении, такого качества, чтобы не только я, но и все те, кому я захочу дать немного, могли использовать их.

4. Вышеупомянутое золото не должно быть фальшивым, не должно исчезать при передаче в другие руки или превращаться в камень или уголья.

5. Если я буду нуждаться в значительной сумме денег, независимо от времени или предназначения, ты обязан указать мне тайные или спрятанные сокровища.

6. Ты обязан не причинить никакого вреда моему телу и моим конечностям и не делать ничего для ослабления моего здоровья, но охранять меня от человеческих болезней и повреждений в течение пятидесяти лет.

7. Если же, несмотря на мои ожидания, я окажусь больным, ты обязан обеспечивать меня проверенным лекарством, чтобы помочь мне восстановить мое прежнее хорошее самочувствие так быстро, как это только возможно.

8. Наше соглашение начинается с этого дня... в году 1676 и заканчивается в тот же самый день в 1727.

9. Когда мое время окончательно выйдет, ты обязан позволить мне умереть, как и всем остальным людям, без всякого стыда или бесчестия, и позволить

быть достойно похороненным.

10. Ты обязан заставить меня быть любимым и принятым королем и всеми аристократами, так, чтобы я мог быть всегда уверен в доброжелательном расположении и привязанности, и чтобы все соглашались без вопросов с тем, что я могу пожелать от них.

11. Ты обязан переносить меня (и любого другого), не нанося повреждений, во все концы мира, туда, куда я пожелаю, независимо от того, как велико это расстояние.

12. Ты обязан защищать меня от всякого вреда, причиняемого бомбами, огнестрельным и любым другим оружием, чтобы ничто не могло поразить меня и повредить мое тело или конечности.

13. Ты обязан помогать мне в моих отношениях с королем и помогать мне одерживать верх над моими личными врагами.

14. Ты обязан предоставить мне волшебное кольцо, чтобы я мог надеть его на палец и стать невидимым и неуязвимым.

15. Ты обязан предоставлять мне правдивую и всестороннюю информацию, без искажения или двусмысленности, по каждому вопросу, о котором я тебя спрошу.

16. Ты должен заблаговременно предупреждать о любом секретном договоре против меня, и предоставить мне способы и средства, чтобы расстроить эти замыслы и свести их на нет.

17. Ты обязан научить меня тем языкам, какие я пожелаю выучить, так, чтобы я мог читать, разговаривать и высказываться так совершенно, как будто я владел ими с детства.

18. Ты обязан наделить меня здравым смыслом, пониманием и умом, так, чтобы я мог обсуждать все проблемы логически и мог дать обоснованное суждение о них.

19. Ты обязан защищать меня и присматривать за мной во всех заседаниях суда и совещаниях у короля, епископа или папы, перед которыми я могу предстать.

20. Ты должен защищать меня и мое добро от повреждений, неважно; домашних или иностранных, от воров и от вреда.

21. Мне должно быть позволено вести мою общественную жизнь как добропорядочному христианину и беспрепятственно посещать церковную службу.

22. Ты обязан научить меня, как готовить лекарства и правильно их использовать и применять в должных количествах и дозах.

23. В случае сражения или битвы, если я буду атакован и подвергнусь нападению, ты должен принять вызов за меня и обеспечить помощь и поддержку против всех врагов.

24. Ты обязан помешать любому, неважно кем он является, узнать о нашем союзе и соглашении.

25. Так часто, как я пожелаю твоего присутствия, ты должен появиться передо мной в милom и

приятном облике и никогда в пугающем или ужасающем обличьи.

26. Ты должен проследить, чтобы все выполняли мои распоряжения.

27. Ты должен обещать мне и связать себя обещанием сохранять нерасторжимыми эти пункты и усердно исполнять каждый из них. Если ты проявишь неподчинение даже в незначительной степени или проявишь любое пренебрежение, тогда этот договор и союз аннулируются и навсегда лишаются силы.

28. В обмен на вышеупомянутые обещания я клянусь и обещаю предоставить в твоё распоряжение несколько мужчин и женщин. Кроме того, я отрекаюсь от Господа, самой Святой Троицы; я полностью отрекаюсь от обетов, данных ради меня при крещении и подчиняюсь тебе полностью телом и душой, вечно и навсегда.

Еще более любопытен договор между отцом Урбеном Грандье и дьяволом, представленный на состоявшемся в 1634 г. суде в Лудене как доказательство виновности Урбена Грандье в колдовстве. Этот договор дошел до нас в подлиннике, изображение и текст которого имеются в книге Р.Х. Робинса «Энциклопедия колдовства и демонологии» и воспроизводятся здесь¹³.

Изображенный текст представляет собой часть договора, отражающую обязательства группы дьяволов во главе с Люцифером. Он написан справа налево на сокращенной латыни. В переводе на русский этот текст выглядит следующим образом:

Мы, всемогущий Люцифер, сопровождаемый Сатаной, Вельзевулом, Левиафаном, Астаротом и другими, сегодня заключаем договор о союзе с Урбеном Грандье, который теперь находится с

нами. И мы обещаем ему любовь женщин, цветы девственности, милость монахинь, всемирные почести, удовольствия и богатства. Он будет вступать во внебрачные связи каждые три дня; увлечения будут приятны для него. Он будет приносить нам раз в год дань, отмеченную его кровью; он будет попирает ногами реликвии церкви и молиться за нас. Благодаря действию этого договора он проживет счастливо двадцать лет на земле среди людей и, наконец, придет к нам, понося Господа. Дано в аду, на совете дьяволов.

[Подписи демонов]:

Сатана, Вельзевул, Люцифер, Элими, Лефиан, Астарот. Заверяю подписи и отметку главного дьявола, и моих хозяев, князей преисподней. В углу подпись Баалберита, писаря.

Перевод на русский язык части договора, содержащей обязательства Урбена Грандье, таков:

Договор с дьяволом Урбена Грандье. Мой хозяин и господин Люцифер, я признаю тебя как моего Господа и князя и обещаю служить и подчиняться тебе в течение всей моей жизни. И я отрекаюсь от другого Господа, от Иисуса Христа, всех святых, апостольской и католической церкви, всех святых таинств, молитв и обращений, благодаря которым правоверные могут повлиять на меня. И я обещаю тебе, что я буду совершать столько зла, сколько я смогу, и что я приведу всех к совершению зла. Я отрекаюсь от помазания, крещения, всех милостей Иисуса Христа и его святых. И если я не смогу служить и поклоняться тебе, и если я не буду воздавать тебе дань трижды в день, я отдам тебе мою жизнь в собственность. Совершено в такой-то день и год. Урбен Грандье. Извлечено из ада.

Процитированный выше договор с дьяволом послужил единственным доказательством вины Урбена Грандье, который был осужден и сожжен заживо в 1634 году.

Сейчас, в начале третьего тысячелетия можно сомневаться в подлинности текстов договоров с дьяволом, подобным тем, что были приведены выше (это суждение не распространяется на подписи дьяволов, неподлинность которых, конечно, бесспорна). Можно сомневаться в юридической силе договоров с дьяволом, если они подписаны собственноручно жертвами инквизиции и даже быть уверенными в ничтожности таких договоров. Но тогда во времена инквизиции было другое правосознание и договоры с дьяволом воспринимались как вполне юридические документы, влекущие самые серьезные последствия. И судьба Урбена Грандье - тому подтверждение.

В завершение предпринятой попытки дискурсивно-юридического анализа договора с дьяволом можно сделать следующий вывод. Договор с дьяволом нельзя признать реальным договором, как в общем, так и в юридическом смысле. Это мифический договор, т.е. договор, не выражающий реальной воли реальных субъектов, иными словами это явление, лишь внешне

имеющее конструкцию договора. Эта конструкция в средние века использовалась для обвинения колдунов и ведьм и воспринималась сообразно правосознанию того времени как договор с дьяволом, имеющий юридическое значение. В наше время договор с дьяволом используется также в качестве конструкции (эмоционально-образной фигуры) с помощью которой описываются неблагоприятные деяния, поступки, мысли как точки зрения веры (греховные деяния), так и с точки зрения морали, доброй совести (договоры, сделки с совестью, сделки с самим собой и т.п.).

1. См., напр. об этом: Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 236 с.

2. См., напр.: Незнанский Ф. Договор с дьяволом. – М.: АСТ, Олимп, 2001. – 384 с.; Поттер П. Договор с дьяволом / Пер. с англ. Н. Петровой. – М., 2001. – 352 с.; Бенцони Ж. Сделка с дьяволом. – М.: Эксмо – Пресс, 2000. – 416 с.; Лейтон Э. Сделка с дьяволом: Роман / Пер. с англ. В.Ю. Степанова. – М.: АСТ, 2003. – 320 с.

3. Например, художественный фильм «Сделка с дьяволом» (режиссер Ренни Харлин, США, 2006 г., 97 мин.).

4. Основным и самым мрачным трудом по демонологии считается «Молот ведьм» Якова Шпренгера и Генриха Инститориса, вышедший в 1486 г. и десятки раз переиздававшийся в последующие два века. Этот трактат объединял древние легенды о черной магии с церковной догмой о ереси и служил практическим руководством по охоте за ведьмами. Текст «Молота ведьм» (2-е изд., М., Издательство СП «Интербук», 1990) можно отыскать в недрах Интернета.

5. См., напр.: Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. – М.: Локид – Миф, 1996. – 560 с.

6. Здесь и далее в подобных случаях следует

отличать сложившееся представление о договоре с дьяволом, приводимые автором для пояснения существа таких «договоров», от собственной реальности договоров с дьяволом, которая последует несколько ниже.

7. Перевод договора приведен по: Орлов М.А. История сношений человека с Дьяволом. – СПб., 1904.

8. Указание в скобках термина «юридические» (опускаемого далее), помимо основного термина «правовые», не лишне, так как преследует цель исключить из смыслового диапазона термина «правовые» значение «морально-правовые».

9. Термин «неправовой договор» взят как основной, чтобы соблюсти терминологическое единство понятийного ряда: неправовой договор – правовой договор – гражданско-правовой договор, хотя термин «неюридический договор» сам по себе в качестве основного был бы предпочтительнее, поскольку в большей степени, чем термин «неправовой договор» препятствует смешению последних с незаконными, противоправными договорами.

10. См., напр.: Большая советская энциклопедия. – М.: сов. Энциклопедия. – Т. 8. – 1972. – С. 566; Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. – М.: Инфра-М, весь Мир, 2001. – Т. 9. – С. 17; Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Под ред. В.Л. Телицина. – 3-е изд. – М.: Локид – Пресс, 2005. – С. 151, 152.

11. Об этом утверждается в уже упоминавшейся книге Р.Х. Робинса «Энциклопедия колдовства и демонологии».

12. Текст договора с некоторыми сокращениями приводится по: Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Под ред. В.Л. Телицина. – 2-е изд. – М.: Локид-Пресс, 2005 с. – С. 140 – 142.

13. По меньшей мере, в указанной книге они приводятся как подлинники.

МОЯ НОВАЯ СКАЗКА О СОЦИАЛИЗМЕ: ПОСЛАНИЕ ДЕТЯМ ЭРЫ РАЗОБЩЕННЫХ МИРОВ И ЗАБЫВШИМ ДЕТСТВО ВЗРОСЛЫМ

С.Н. Некрасов

**Некрасов Станислав
Николаевич**

доктор философских
наук, профессор, зав.
кафедрой философии
Уральской государственной
сельскохозяйственной
академии

E-mail:
Nekrasov-Ural@yandex.ru

I

Представьте себя, что Вы – агент будущего в настоящем. Вы – тот самый Дон Румата, «прогрессор» из «Трудно быть богом» Стругацких. В сущности, Вы и есть интеллигент, который реализует задачи будущего в настоящем. Вы родом из коммунистического Свердловска Третьего тысячелетия Эры Освобожденных миров (уже в духе И.Ефремова). Что-то произошло – возникла синергия, брэдберевская бабочка взмахнула крыльями, на другом полушарии возник тайфун и временные линии спутались и свернулись, приоткрылась завеса и Вы, мыслящий на чистом русском языке – языке объединенного человечества, знаете, что уже давно нет доисторических и предысторических проблем классового, национального и экологического характера и идет нормальная человеческая созидательная космическая история. Но Вы в настоящем, Вы в проклятом настоящем!

Даже продвинутый в историческом смысле семеновский герой Штирлиц не мечтал о будущем – в «мгновениях» он лишь в день Советской Армии на пороге служебного коттеджа прозревал сквозь пространство, как «где-то над рекой в маленьком саду созрели вишни». Сегодня будущее представить невозможно, но можно вспомнить, что у нас было время подступа к будущему, к прогрессу: мы мечтали и грезили, как «на Марсе будут яблони цвести». Будущее человечества кажется сказкой сегодня в узилище либерального концлагеря для России – такое впечатление возникает от массового погружения нашего населения в новейший утопизм рыночных фундаменталистов, фанатов и маньяков лона западной цивилизации. Впечатление такое, что наступил сон с открытыми глазами – все смотрят транслируемые спутниками «Окна», «Большую стирку», обновляющийся набор реалисти-шоу.

Ведь нам только кажется сегодня, что Свердловск и СССР – это прошлое, которое встречается, когда мы разбираем старые открытки с забавными трамваями и кумачевыми плакатами «Решения XXУ съезда КПСС выполним!». Выросло целое поколение у нас и на Западе, которое не смеется шутке Задорнова о «Чи-Чи-Пи» – большинство ничего не знает об СССР, но носит красивые майки с придуманным Лениным гордым солнечным гербом и логотипом. Точно так же прежде нам при социализме казалось, что Екатеринбург – темное и навсегда ушедшее прошлое вместе с «Николаем кровавым» и никому не нужным «последним дворцом последнего царя» – Ипатьевским домом, разрушенным заурядным баскетбольного роста секретарем обкома Ельциным. Эта сказка о социализме звучит сегодня как сказка, внезапно «рассказанная ночью» – в самую темную ночь человечества, в ожидании его солнечных часов. Сказка, рассказанная из будущего и о будущем – рассказанная Знайкой из Солнечного города будущего для Скуперфильдов и Жадингов из носовского капиталистического лунного города Брехенвиль. Надежда пока лишь в том, что сказочным образом в безобидных солнечных Незнаек превратится вся нынешняя олигархия.

С социализмом реальным обстоит все просто как со всеми сверхсложными социальными чувственно-сверхчувственными конstellляциями. Здесь не надо применять теоретические и метафизические ухищрения, главное не воспринимать себя, как рассуждающего субъекта в качестве «Кая логических суждений». Главное – встать на ноги и идти, а не стоять на голове, не верить обманщикам. Вспомните свои детские, первые и неиспорченные представления, свои попытки схватить в мышлении идею вещи: ведра вообще, зонтика вообще, денег вообще, и на основании этого, – самого дорогого (дорого оплаченного кровью предков) и правильного, что есть в мире – социализма!

Вспомните себя, когда земля была еще близко, и Вы держались за руку отца и матери, когда Ваше представление о мире было наивным реализмом (а не идеализмом субъективным в духе расхожих аморальных и релятивистских тезисов о том, что истины нет и «однова живем», или с верой в бога и абсолютную идею идеализмом объективным, религиозным). Итак, есть то, что я вижу и есть нечто, что я могу увидеть впоследствии и что определяет, то, что я вижу. Зонтик – это такая штука с крюком или без, черная или разноцветная, но от дождя, а не для того, чтобы воду носить. Воду носить – это

ведро, а вот кино – это когда пленку через лампочку дядя крутит, а дядя нам мир показывает, а за это деньги получает. Деньги – это не просто бумажки, им соответствует золото и золотой запас государства, а хранится он в Москве под землей и там солдаты с автоматами, а еще под землей поезда ходят в Москве и дыра в земле есть и туда лестница уходит. И все это – социализм, когда золото соответствует деньгам, которые государственные кассиры выдают людям за их труд.

Социализм – это когда дух захватывает от правильной организации государства, от того, что это счастье сделали нам и нам повезло, что живем мы не при царе Горохе и нет капиталистов рядом, а сунутся – так получают! Дух захватывает от метафизики государства – оно в нас, рядом и все понятно и просто даже нам, ходящим в садик. И так все правильно организовано в других братских странах, а плохо и неправильно все организовано там, где буржуи получают бумажки и имеют свое золото не за труд, а за краденый у народа капитал, и там всякие странные фигуры, нетрудящиеся: городские, попы, купцы, преступники. Но они не оживут, кроме как в сказках для совсем маленьких и ничего не понимающих несмышленишек. А еще был в парке Дворца пионеров (там раньше был дом купцов Харитоновых) смешной спектакль про приехавшего в СССР мистера Твистера – «хозяина заводов, домов, пароходов». В книжке 1962 г. была картинка про городского, ожившего и попавшего на Первомайскую демонстрацию со своей шашкой, слова под картинкой: «Куда полез ты старикан, не выпил ли лишнего ты стакан?»

Папе моему не нужен ВИЗовский завод и прокатный стан – этим владеет народ, папе нужны для бритья одеколон и помазок и папа пойдет учить суворовцев математике, а мама станет рассказывать детям: «Ленин, Сталин, история партии». Эти слова хорошо повторять под елкой, а еще лучше в праздничный день Конституции 5 декабря остаться дома... Кстати, и бога нет, а темные бабушки еще ходят куда-то на окраину, где осталась церковь, лопухи, кладбище с крестами и у нас в центре города в некрасивом испорченном здании – в церкви, теперь краеведческий музей с маятником Фуко, где показано как раньше люди жили, а напротив приземистый дом, где царя расстреляли – кровавого, потому и жизнь счастливая. И в этом мире на странный вопрос соседки: «Веришь ли ты в бога?» можно спокойно ответить, что «нет, поскольку я знаю и зачем мне верить, если я знаю, что либо его нет, либо он есть, но я-то знаю, что его нет и извинить его может лишь

то, что он не существует». «Коммунист» и просто хороший человек Христос завещал нам «быть как дети» – будем же ими!

II

Итак, мир в восприятии наивного реализма ясен, прозрачен до донышка и счастлив по определению.

В этом состоянии хорошо в упоении читать на залитой солнцем скамейке городского Дворца пионеров толстенный том из собрания сочинений Жюль Верна про подводный Наутилус. Но что делать тем повзрослевшим и читавшим в счастливое свое детство пионерам через 30 лет в условиях краха социализма – остается с горю слушать деградировавших свердловчан из «Наутилус Помпилиус». В новом монструозном мире Свердловск вновь назвали Екатеринбургом,

а в журнале «Урал» его зовут «Бургом», на криминально-политически-новостном телевидении выплевывающий через силу слова – «Ну вот, ребята, хайлендеры, время нашей программы, слава Богу, истекло» – знаменитый и высокооплачиваемый телекиллер косноязычный Шеремет (кого люди зовут Шизомет и Вторшермет) любимый наш город социалистического прошлого обзывает «Е-бургом». Впечатление такое, что все мы на машине времени попали в прошлое – какая-то «Кин-Дза-Дза» получилась, планета, где надо носить «цак в носу» (пирсинг), говорить «Ку» и кланяться перед новыми хозяевами жизни, покупать «Каце» (жизненные блага, электроэнергию), которого всегда было завались. Когда унылого Шеремета еще не было в проекте, мы в нашем детстве полагали, что социализм – это общественная собственность и каждому воздается по его труду, и по труду общества. И все народы мира так обязательно устроят свою жизнь, да только генералы мешают. Вот и Джанни Родари пишет: «Я видела семь генералов, идущих по улице в ряд, у всех у них звонкие шпоры...», да и Маяковский не хуже писал: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Итак, все можно увидеть и все можно понять. Здесь нет тайны спекулятивной конструкции – социализм не есть гегелевский метафизический плод, по отношению к которому экзистируют отдельные реальные груши и яблоки. Социализм и есть наше реальное русское яблоко, китайское полосатое, райское, а не подсунутое ельцинское киви. Жаль, что в яблоке завелись черви и оно сгнило. Это яблоко, то есть социализм, не могло быть подлинным, неподлинным, или мутантным как полагают

антиглобалисты. Оно было реальным. Вспомните и станьте наивными реалистами, детьми человечества, тем более, что обожаемый многими западный глобальный человек давно ушел от взрослости и штампует новых детей и подростков из беби-буммеров, создавая онтологию новой взрослости и новой образованности. Будьте детьми социализма, т.е. совершенно взрослыми людьми в отношении тиражируемых Западом мифов конца предистории и постиндустриализма, столкновения цивилизаций. Мы живем не в «конце истории», но в начале подлинной истории человечества, переходом к которой может стать разрыв с веригами постиндустриализма и переход к русскому неоиндустриализму. В сущности, нам рассказывают сказки для взрослых и сами названия философских, политологических, геополитических трудов в унылых философских журналах или в ярких обложках на книжных прилавках свидетельствует о том: мы «разочарованы в культуре», ожидаем «смерть человека», предпринимаем деконструкцию, слушаем «новых философов» на их «философском базаре», накрываемся «третьей волной» и живем в «мегатенденциях» «футурошока», страдаем от «великого разрыва» и «мутации культурной парадигмы», ужасаемся упадку «физической экономики» и объявляем «финис мунди».

Забавно, но братья Стругацкие в повести «Возвращение. Полдень, XXII век» описали достаточно подробно Свердловск будущего и никакого конца истории. Молодцы были эти молодые фантасты! В напоенном озоном и хвойным ароматом городе есть самодвижущиеся дорожки, веселые красивые мужчины и женщины, счастье, коммунизм само собой, тишина, закрытые гигантскими прозрачными колпаками производства Уралмашзавода (а не ОПС «Уралмаш») и зелень, и... ни одной церкви и колокольного звона, оглушающего безумных «новых русских», вложивших миллионы в квартиры из красного кирпича домов, возведенных возле действующих церквей. Я очень хочу в такое будущее и не так как та девочка из диссидентского анекдота, которой воспитатель в советском садике рассказал, как хорошо в СССР, и она заплакала: «Хочу в СССР!». Я хочу в Земшарный Союз Советских Коммунистических Республик и в его возможную столицу – город Свердловск будущего Хартленда планеты! Пока же Екатеринбург – уродливое кривое зеркало того будущего из жизни планеты Тамас (Смерть), которое описал поздний Ефремов в «Часе быка». В этом реставрированном

прошлом, лакированном под будущее для немногих, вместо площади Народной мести поставлен силой «административного ресурса» Храм на крови.

Утописты постиндустриализма по всему миру взрывают доменные печи, закрывают производство, сокращают население. И наши городские мальтузианцы не от большого ума учатся у британцев на их деньги и под «факелом Бирменгема» процессу деиндустриализации Урала, называя это постиндустриализмом. Они выдвигают лозунг генерального плана города: от «города для промышленности» к «городу для человека», в результате город превращается в Мекку для туристов, первые этажи отдаются под упоительно дорогие лавчонки, сдирается асфальт, выстилается плитка, строятся пандусы. Город для инвалидов! Инвалидов физических, умственных, социальных, классовых, национальных! Город толерантных людей – безразличных друг к другу. Город не русских, но русскоязычных. Город, в котором создаются селтльменты – китайские, таджикские, азербайджанские по американской модели «мелтинг пот» – когда эта модель не работает, против бедных обломков различных народов, загнанных в капиталистическое лоно постиндустриализма, будет разыграна национальная карта. Пока же губернатор провозглашает Урал родиной 120 народов – в городе, где 85 % русских. Накапливается и прессуется динамит социального и национального взрыва – вспомните из детских букврей картинки старого черного Баку, где резню останавливал Степан Шаумян. На митингах антикапиталистов дети, ничего не могущие объяснить рационально, эмоционально готовы – они учатся диалектике не по Гегелю. Им легко дается азбука классовой борьбы: «Ленин, Мао, Ким Чен Ир. Мы построим новый мир! Скоро, скоро выстрелит «Аврора»!

III

В сущности, первый старт социализм сделал в Парижской коммуне (см. статьи Ильича «Памяти Коммуны», «Уроки Коммуны», «Государство и революция»). Старт длиной в 70 дней. Второй старт – Великий октябрь 1917 г. на 70 лет. Полагаю, что это величайшее событие в истории человечества и в будущем при преодолении ямы постсовременности люди откроют новое летоисчисление. Они будут вести счет годам не от мифического рождения мифического Христа – одиночки-спасителя, но от рождения первого коллективного спасителя,

страны-мессии. Третий старт неизбежен, можно предположить, его начало в 2017 г. (сравните менталитет нашего общества в 1903 г. и в 2003 г., что впереди?) Старт социализма возможен в отдельной стране или в группе стран или возможен как брикколлаж – наложение на стартовую площадку второго старта (Китай, Куба, КНДР). В любом случае третья форма социализма – всерьез и надолго и на весь мир. Возможно, и без всякой астрологии, а по геометрической прогрессии – 70 дней, 70 лет и 26 000 лет. Где тут конец истории в XXI в., где наши Нострадамусы, ау? Старт возможен только как сознательное действие масс – не просто 2 съезд РСДРП, но некий Всемирный интернетный съезд антиглобалистов, неоевразийцев, еврокоммунистов и просто взрослых людей. Сказки про антропогенную цивилизацию, меняющую западную техногенную, здесь не помогут. Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем – это эмоциональная форма, которой буржуи, сионисты, британские израильтяне и олигархи постараются овладеть. Теоретически вновь действуют формулы Ильича «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» и «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала». На кого же нам надеяться – на инопланетян, спасающих от феодальной олигархии? Никто не даст нам избавленья... Вообще переход от капитализма к коммунизму следует сравнивать не с переходом от феодализма к капитализму (и здесь не все просто – Россия до сих пор переходит к капитализму), а с переходом от первобытности к классовому обществу, а это период многих тысяч лет. Провал полного глобального перехода землян к социализму уже привел к фашизму и второй Мировой Войне, частичное поражение социализма в России и Европе уже ведет в Третью мировую. И как забавно говорил в фильме американский генерал, что если в результате войны останется на земле пара людей, то «это будет американская пара». Мао с его предсказаниями может отдыхать!

IV

Социализм имеет смысл только как коммунизм, как движение от общественного к общему. Большую часть истории человечество прожило без классов и государств, т.е. в примитивном коммунизме. Тот коммунизм, который обещала КПСС и затем заменила на московскую олимпиаду, был бы коммунизм если не оруэлловского скотного двора, то коммунизмом второго старта социализма, то есть коммунизмом неполным, несовершенным, построенным на индустриальной мощи и идеологии только рабочего класса промышленного периода. Новый коммунизм есть коммунизм третьей решающей попытки, коммунизм совокупного работника, интелливольта (объединяющего интеллигента и пролетария и снимающего их диалектически в борьбе с

экспроприаторами и чиновниками). Это коммунизм эмансипаторов человечества и он будет носить синтетический характер, поскольку строится на неоиндустриальной базе. Назовем его синком – синтетический коммунизм. Получается, что надо в Интернете создавать синкоммунистическую партию совокупных работников (трудящихся) с еврамарксистской, евракоммунистической (в смысле евразийской русской коммунистической и евразийской марксистской) идеологией.

Звучит непривычно, но и Христос был идеологом, а св. Павел организатором, и если бы это имя звучало благозвучно, верно было бы назвать учение о спасении христианством-павлианством (это не мое предложение, а идея, высказанная А.Грамши, основателем ИКП и еврокоммунизма, в «Тюремных тетрадах» т.е. еще в тюрьме у Муссо). Да уж больно павлина напоминает... А не напоминает ли синком хрущевские магазины «Синтетика»? Молодому поколению не напоминает – и как там, в пьесе, у торгующего сегодня табуретками, М. Шатрова: «Так победим!»

V

Социализм придет – новый и ослепительный. Он вновь зародится в России у бледнолицых братьев – он не придет из-за великой стены от желтолицего брата: братья забыли о диктатуре пролетариата и не вносят передовую идеологию в сознание соседей, они торгуют. Из библейских детей «Сима, Хама и Иафета» сам антропологический тип русского белого человека наиболее опасен для мондиалистов мирового правительства. Блещающие «Алые паруса» освободившегося человечества манят и требуют объединяющий миф – сказку для нас, сегодняшних, прозябающих в буржуазном рабстве и добровольной вещной зависимости. На заре второй попытки построения социализма: «Расскажи, Натка, сказку», - просил в пионерском лагере вожатую гайдаровский Алька и услышал сказку о «Мальчише-Кибальчише», о победе Красной Армии над проклятыми буржуинами. В 1991 г. Мальчиш-плохиш, внук Гайдара, Егор реализовался из мифического небытия и продал СССР за «бочку варенья и корзину печенья». Песенник М.Светлов уверял, что «Новые песни придумает жизнь», новые песни как реакцию на контрреволюцию мы услышали, но есть и новая сказка. Сказка эта лежит в основе песен и служит их коллективным архетипом и программой действий для масс. За такую сказку стоит жить и стоит умереть – снова «мы будем петь и смеяться как дети»: «и как один умрем в борьбе за это». Петь будем на самом деле, а не юродствовать как престарелый Кобзон со звонкой песней о «таком молодом» Ленине. Сказку необычайной силы и прозорливости можно найти в романе 1992 г. Э.Лимонова «Иностранец в смутное время». Рассказывает сказку Индиана (автор) в парижской постели (то есть на сон грядущий, как

Натка - Альке), но своей беспутной, притихшей после поездки в Москву и исправляющей женщине:

«...Существовал некогда на Земле сильный и могущественный народ, завоевавший, сам того не желая, полмира. Его, раскинувшего свою державу через двенадцать часовых поясов, подчинившего себе племена, говорящие на 121-м языке, боялись соседи и уважали. Враги из остального, незавоенного Великим народом мира, настолько боялись Великого народа, что давно перестали нападать на него с танками, пушками, авионами...»

«Нужно говорить, «самолетами», - перебила она его.

«Не перебивай, но слушай. Нападали они словесно. Лишенный реального мускулистого врага, ни с кем не воюя, сильный народ заскучал. А заскучав, он стал сомневаться в себе и прислушиваться к словесным атакам врага. Слушая и скучая, Великий народ стал сомневаться в том, что он великий. Ему стали приходить в голову мысли о том, что справедливо ли, чтобы один народ был сильнее других народов? И несмотря на то, что все самые крупные его завоевания были вынуждены, были совершены им в результате оборонительных войн, Великий народ стал видеть свою Историю, как несправедливое насилие и цепь преступлений. Помимо хитрого врага за границами, усердствовали и воспламеняли народ изнутри образованные люди, энергичная часть образованных, желающая захватить власть в стране. Тридцать лет и три года понадобилось врагам, чтобы уверить народ в сомнении. Через тридцать лет и три года после смерти последнего Великого Цезаря, Иосифа, ведомый бьющими себя в грудь в покаянии новыми декадентскими вождями, Великий народ распустил свои армии, отдал обратно земли, им завоеванные, и...перестал быть Великим. Даже самый слабый и глупый народ или преступная даже группа могли теперь обидеть Великий народ. Иноземцы стали обижать его охотно и с удовольствием. Территория Великого народа все уменьшалась. Крича о справедливости, иноземцы оттяпывали каждый раз еще кусок территории и стали подходить уже к окраинам его исконных старых городов...» Индиана замолчал.

«И что же случилось дальше?»

«Пока ничего. Здесь сказка остановилась за

недостатком новых сведений».

«Но что с ним станется, с беденьким?»

«Большие беды, очевидно, придется ему пережить. Его проблема в том, что он не только поверил в ложь хитрых врагов, но и не разобрался никогда в отношениях между силой и справедливостью. Он всегда стремился к абстрактной стерильной справедливости, не понимая того, что сила и есть высшая справедливость...»

«Ну же, ну! Доскажи сказку...» - попросила она.

«...Как только наш народ это поймет, он проснется, стряхнет врагов с мощного тела, и опять станет Великим и всеми уважаемым народом...»¹

Переформулируя ситуацию, скажем: бывший советский народ, а ныне богоносный народ в вавилонском плену «глобального человечника» просит - «Расскажи, Россия, сказку...» о том «как в мире без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем». Остается ЛИШЬ ЖДАТЬ, что новая сказка для детей Третьего тысячелетия будет о мировом Свердловске...

Но время не ждет. У нас получилось некое письмо из будущего – это проходит по разряду «фэнтези» или литературного ухищрения. На самом деле данный текст и есть письмо из возможного будущего моим современникам, сверстникам, но еще не ровесникам. Они лишь сверстаны родителями в одно время, но они еще не ровня будущему, а потому просто могут вновь во второй раз после шоковой болевой терапии испытать шок от столкновения с самой brutальной формой будущего. Впереди новый последний мирный выбор, который предоставляет нам история в 2007 и 2008 гг. Лимит на революции завершился в закончившемся XX веке. Всем необходимо собраться с мыслями и вспомнить то, что любили цитировать из Булгакова рвавшиеся к власти политики конца 80 гг. – «Разруха - в голове!». Детство Вас не обманывает – поверьте своему детству, выбирайте из своего детства, отдайте детям и внукам свое детство, попадите поколением в историю, но не влипните в нее – СДЕЛАЙТЕ ПРОРЫВ В ИСТОРИЮ!

1. Лимонов Э. Иностранец в смутное время. Это я – Эдичка. Омск: Омское книжное издательство, 1992. с.252-253

ТОРЖЕСТВО «ВЕРТИКАЛИ», ИЛИ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВЛАСТЬ СЕКВЕСТИРУЕТ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

С.В. Мошкин

**Мошкин Сергей
Вячеславович**
доктор политических
наук, главный научный
сотрудник
Института философии и
права УрО РАН

«Верните народу выборы, гады!» — транспарант с таким лозунгом развернули под аркой Большого Каменного моста в Москве два молодых политика в знак протеста против непрерывных изменений в избирательном законодательстве, проводимых Кремлем, Центризбиркомом и «Единой Россией». Естественно, оба были тут же задержаны милицией и подвергнуты административному наказанию. Молодые люди протестовали против пресловутой «властной вертикали», превращения ею политических выборов как ключевого механизма, позволяющего гражданам влиять на власть и добиваться ее замены на другую, более соответствующую их интересам, в демагогическую декорацию, стыдливо прикрывающую несменяемость российской власти.

Этот процесс начался не вчера и даже не позавчера — «секвестирование» конституционных прав граждан на участие в управлении государством началось с приходом к власти В.В. Путина и имеет уже четырехлетнюю историю, которую следует помнить.

2002 год — в федеральный конституционный закон «О референдуме РФ» вносятся изменения, запрещающие проводить референдумы в последний год полномочий президента и Государственной Думы, а также запрещающие выступать с инициативой о проведении референдума во время общенациональных избирательных кампаний. Умысел законодателей был очевиден: наложить запрет на референдумы на большую часть каждого избирательного цикла и тем самым резко сузить возможности граждан инициировать референдумы. Остроумные люди тогда назвали этот закон «законом о запрете референдумов в РФ».

2004 год — в федеральный закон «Об общих принципах организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» вносятся изменения,

предусматривающие, что высшие должностные лица (президенты и губернаторы) субъектов Федерации назначаются соответствующими региональными парламентами по представлению президента РФ. Тем самым граждане были лишены возможности непосредственным личным участием выбирать глав регионов на всеобщих региональных выборах. Отныне губернаторы стали полностью независимыми от населения, у них остался единственный избиратель, с которым следует считаться, — президент страны.

Май 2005 года — в федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы» вносятся изменения, предусматривающие проведение выборов исключительно по партийным спискам. И если раньше смелый и самостоятельный политик мог выдвинуться в избирательном округе и победить, в том числе и как независимый депутат, теперь округа отменены, и политик может попасть в Думу только через партийный список. Одновременно граждане лишились возможности выбирать по одномандатным округам депутатов, представляющих их интересы. А чтобы оппозиционным политикам неповадно было идти в Думу и этим, партийным, путем, «проходной балл» для партий был поднят с пяти до семи процентов — это самый высокий барьер в Европе.

Ну, а если кто-то вознамерится создать свою новую партию, чтобы дерзнуть на прохождение в Госдуму, то драконовские условия «выправленного» закона о партиях станут на пути непреодолимыми препятствиями. Закон таков, что с 2003 года в России не появилось ни одной новой политической партии, а больше половины старых, в основном оппозиционных, ликвидировано чиновниками. Те же, что остались, за малым исключением, контролируются теми же чиновниками. И с ними же, чиновниками, согласуются предвыборные списки подконтрольных партий. «Вертикаль» торжествует.

Июль 2005 года — в федеральный закон «Об основных гарантиях...» вносится целый ряд изменений. Законодатель спохватился: мелкие и, как правило, неподконтрольные властям партии могут объединиться, чтобы общими усилиями пройти в парламент. Поэтому вводится запрет на создание избирательных блоков на выборах всех уровней. Отныне партии лишаются возможности объединения, а их избиратели серьезно ограничиваются в возможности быть представленными в законодательных органах.

С 25-ти до 10-ти снижается процент недоверенных подписей избирателей, при превышении которого партиям или кандидатам можно отказать в регистрации

на выборах. В условиях, когда проверку подписей ведут встроенные в «вертикаль» избирательные комиссии и правоохранительные органы, это дает возможность отсеять от выборов любую неуютную партию. При этом сумма залога увеличилась в десятки раз, а внести залог и одновременно собирать подписи теперь тоже запрещено.

Но и это еще не все. Вводятся ограничения на работу наблюдателей на выборах: до этого их могла направить любая общественная организация, после этого — только партии, зарегистрировавшие свои списки на выборах. Итак, общественные наблюдатели запрещены, журналистам присутствовать при подсчете голосов запрещено, иностранным наблюдателям, неуютным началу, тоже. Независимый контроль за выборами превратился в прах.

Июль 2006 года — в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...» вносятся новые изменения. Политическим партиям теперь запрещается выдвигать на выборах членов других партий. Мелкие партии в очередной раз лишаются возможности объединять усилия, формально не создавая избирательные блоки (уже запрещенные), но выдвигая своих кандидатов по какому-то одному «базовому» списку. Тем самым партийность гражданина, по сути, становится основанием для ограничения его пассивного избирательного права.

Конечно, можно выйти из своей партии и войти в список другой, но не все так просто: существуют более сорока оснований, по которым любого кандидата можно отстранить от выборов, в том числе за орфографические ошибки в документах.

Ограничение избирательных прав вкупе с повсеместным недопуском оппозиции к участию в выборах приводит лишь к росту протестных настроений. «Единороссовый» законодатель учел и этот сценарий, он просто отменил графу «против всех» на выборах всех уровней, тем самым, лишив граждан возможности выразить недоверие всем допущенным к выборам кандидатам или партиям и добиться новых выборов. До этого, если против всех голосовало большинство избирателей, выборы признавались несостоявшимися.

И, наконец, ноябрь 2006 года — Госдума принимает в третьем, окончательном чтении изменения в избирательное законодательство, которые предусматривают отмену минимального порога явки избирателей на выборы всех уровней, отказ от проведения досрочного голосования, а также ужесточают ответственность за экстремистские проявления в ходе избирательных кампаний. Кроме того, с принятием новых поправок запрещается

агитация в телеэфире одних кандидатов и партий против других кандидатов и партий. Соответствующие изменения были внесены в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и в Гражданский процессуальный кодекс РФ.

Что это означает на деле? — а то, что если кто-то решит через телеэкран подвергнуть критике своих соперников и рассказать избирателям об их политических или экономических просчетах, будьте уверены, его на совершенно законных основаниях снимут с избирательного марафона, ибо отныне запрещено в телеэфире «формировать отрицательный образ оппонента». Тем самым на выборах устраняются последние элементы политической конкуренции. Оппозиция при этом лишается возможности проинформировать граждан об ошибках «партии власти», а граждане лишаются права об этом узнать.

И хорошо, если оппозиционера при этом не обвинят в экстремизме, поскольку при столь расширительном толковании понятия «экстремизм» наказание может последовать за любую критику властей, например, за разоблачение фактов коррупции. Тем самым вводится внесудебное ограничение избирательных прав граждан: Конституция не позволяет ограничить избирательное право гражданина, объявленного «экстремистом», — для этого надо, чтобы он находился в местах лишения свободы по приговору суда.

С отменой минимальной явки на выборах — не менее 20% избирателей (для выборов Госдумы — 25%, для выборов президента — 50%), — при которых раньше они признавались состоявшимися, избиратели лишаются последней возможности, голосуя ногами, добиться новых выборов и выдвижения новых кандидатов, а сами выборы уже можно проводить без избирателей. Отныне российскую власть от президента страны до главы района могут выбрать два его приятеля, и результат этих выборов будет совершенно законным.

Что ж, российская бюрократия вновь доказала свое несомненное интеллектуальное превосходство и цинизм: в столь короткий срок восстановить советскую по духу монополию на власть, хотя и в новой мутировавшей форме. «Властная вертикаль» торжествует: разрушены все без исключения условия и гарантии политической конкуренции, равно как и возможность появления на политической арене новых независимых сил. Отныне правящий режим может оставаться у руля сколь угодно долго.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ПРОГРАММА УЧЕБНОГО КУРСА)

О.Ф. Русакова

Русакова Ольга Фредовна
доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института
философии и права УрО РАН

Главная цель курса «Современная политическая философия» - дать систематизированное освещение современных проблем, идей и направлений политической философии.

Задачи курса:

- Выявить ключевые концепты и категории современной политической философии.
- Раскрыть теоретические и методологические основы современных течений философско-политической мысли.
- Познакомить будущих магистров с содержанием новейших работ отечественных и зарубежных авторов по проблемам политической философии.

Данный курс предназначен для магистрантов 2-го года обучения, обучающихся по специальности «политология». Структура и содержание курса определяются требованиями Государственного стандарта ВПО по специальности 0302000 Политология.

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Тема 1. Сущность и структура современного дискурса политической философии

Понятие философско-политического дискурса.
Модернистские и постмодернистские политические дискурсы.
Парадигмы и концепты современной политической философии.
Доминирующие российские политические дискурсы.

Тема 2. Дискурс справедливости в современной политической философии

Дискуссия вокруг работы Дж.Роулса «Теория справедливости».
Социальная справедливость: основные теоретико-методологические подходы.
Дискурс справедливости и дискурс Правды в российской политической культуре.

РАЗДЕЛ 2.СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Тема 1. Циклические модели политического процесса

История развития циклических моделей социально-политических процессов.
Социокультурная модель российского историко-политического процесса А.Ахизера.
Модель автократических циклов А.Янова.
Модель циклов американской политической истории А.Шлезингера.
Модель жизненных циклов общественно-политических движений и организаций.

Тема 2. Волновые, миросистемные и синергетические модели политического процесса

Волновые модели социокультурной и политической динамики
П.Сорокина и С.Маслова.
Модель историко-политического времени Ф.Броделя.
Миро-системная модель политического процесса И.Валлерстайна.
Синергетическая модель мирового политического процесса А.Панарина и др.

РАЗДЕЛ 3.СОВРЕМЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Тема 1. Политическая философия коммунитаризма

История и теория коммунитаризма.
Ключевые категории теории коммунитаризма.
Разработка идей коммунитаризма в работах Р.Дворкина, М.Сэндела, М.Уолцера, А.Этциони, А.Макинтайера и др.

Тема 2. Политическая философия феминизма

Основные течения в политической философии феминизма.
Центральные категории политической философии феминизма.

Работа Б.Фридан «Загадка женственности».
Феминистская критика и ревизия политической философии от Платона до Ю.Хабермаса.
Работа Дж.Батлер «Психика власти».

Тема 3. Политическая философия мультикультурализма

Основные идеи и базовые категории мультикультурализма.
Работа Ч.Тейлора «Политика признания».
Работы по философии мультикультурализма У.Кимлика («Права культурных меньшинств» и др.).

Тема 4. Современные проблемы российской политической философии

Дискуссия между западниками и националистами по проблемам российской национальной идентичности.
Проблема кризиса либеральной идеологии в России.
Настоящее и будущее России в неоевразийском освещении.
Проблемы философско-политического осмысления процесса глобализации.

Тема 5. Политическая философия международных отношений

Ключевые проблемы современной политической философии международных отношений: национальный интерес, этика международных отношений и др.
Вклад «гарвардской школы» в разработку философии международных отношений.
Методология постмодернистского анализа международных отношений.

ТЕМЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Семинар 1. Структура современного дискурса политической философии

Вопросы для подготовки

1. Понятие философско-политического дискурса.
2. Модернистские и постмодернистские политические дискурсы.
3. Парадигмы и концепты современной политической философии.
4. Доминирующие российские политические дискурсы.

Литература:

Русакова О.Ф. Пролегомены к теории дискурса современной политической философии и роль масс-медиа в формировании новых идеологий // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Выпуск 6. Екатеринбург, 2006.

Русакова О.Ф. Проблема дисциплинарного

позиционирования политической философии // Взаимодействие политической науки с органами государственной власти в формировании политических процессов в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Часть 1. Екатеринбург, 2002.

Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис, 2006, № 4.

Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.

Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.

Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.

Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург, 2004.

Фишман Л.Г. Дискурс политического постмодерна // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.

Семинар 2. Дискурс справедливости в современной политической философии

Вопросы для подготовки

1. Дискуссия вокруг работы Дж.Роулса «Теория справедливости».
2. Социальная справедливость: основные теоретико-методологические подходы.
3. Дискурс справедливости и дискурс Правды в российской политической культуре.

Литература:

Арганова В.Н. Социальная справедливость: теоретико-методологические подходы к изучению // Проблемы теоретической социологии. Вып. 4. СПб., 2003.

Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии, 2004, № 2.

Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. М., 1998.

Мартьянов В.С. Трансформация дискурса справедливости в современной России // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.

Мартьянов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис, 2006, № 4.

Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер: // Общественные науки и современность, 2001, № 2.

Рикер П. Справедливое. М., 2005.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Роулс Дж. Теория справедливости // Вопросы философии, 1994, № 10.

Фишман Л.Г. Справедливость и модернизация // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Выпуск 6. Екатеринбург, 2006.

Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии, 1994, № 10.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической

теории. СПб., 2001.

Шапиро И. Моральные основания политики. Учебное пособие. М., 2004. Гл. 5.

Семинар 3. Циклические модели политического процесса

Вопросы для подготовки

1. История развития циклических моделей социально-политических процессов.
2. Социокультурная модель российского историко-политического процесса А.Ахиезера.
3. Модель авторитарных циклов А.Янова.
4. Модель циклов американской политической истории А.Шлезингера.
5. Модель жизненных циклов общественно-политических движений и организаций.

Литература:

Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал, 1993, № 3.

Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования // Полис, 1991, № 5.

Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. Т. 1. Новосибирск, 1997.

Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен: о понятиях «процесс», «изменение» и «развитии» в политологии // Полис, 1993, № 2.

Ильин М.В. Феномен политического времени. // Полис, 2005, № 3.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. М., 2002.

Лапкин В.В. Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Полис, 2002, № 4.

Назаретян А.П. Архетипы времени в традиционной культуре // Общественные науки и современность, 2001, № 4.

Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. Раздел 1. Гл. 2.

Пантин В.И., Лапкин В.В., Ильин М.В., Черняховский С.Ф., Ситнянский Г.Ю., Мошелков Е.Н., Межуев Б.В. Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол) // Полис, 2002, № 4.

Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е. М., 2001.

Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола»). // Вопросы философии, 2006, № 9.

Янов А. Истоки авторитарии // Октябрь, 1991, № 8.

Семинар 4. Волновые, миросистемные и синергетические модели политического процесса

Вопросы для подготовки

1. Волновые модели социокультурной и политической динамики П.Сорокина и С.Маслова.
2. Модель историко-политического времени Ф.Броделя.
3. Миро-системная модель политического

процесса И.Валлерстайна.

4. Синергетическая модель мирового политического процесса А.Панарина и др.

Литература:

Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм (Синергетическая теория глобализации). СПб., 2004.

Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетическая философия истории // Общественные науки и современность, 2006, № 1.

Бродель Ф. Время мира. Т. 3. М., 1992.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.

Василенко И.А. Политическая философия. М., 2004. Часть первая. Гл. 3; Часть четвертая. Гл. 1.

Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. Раздел 1. Гл. 2.

Пантин В.И., Лапкин В.В., Ильин М.В., Черняховский С.Ф., Ситнянский Г.Ю., Мошелков Е.Н., Межуев Б.В. Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол) // Полис, 2002, № 4.

Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е. М., 2001.

Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола»). // Вопросы философии, 2006, № 9.

Семинар 5. Политическая философия коммунитаризма

Вопросы для подготовки

1. История и теория коммунитаризма.
2. Ключевые категории теории коммунитаризма.
3. Разработка идей коммунитаризма в работах Р.Дворкина, М.Сэндела, М.Уолцера, А.Этциони, А.Макинтайера и др.

Литература:

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001.

Грунт З.А. Современный коммунитаризм и американская культурная традиция // Американский характер: Очерки культуры США. М., 1991.

Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д, 2000. Гл. 7.

Макинтайер А. После добродетели: исследования теории морали. Екатеринбург, 2000. Скворцов Л.В. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб., 2000.

Современный либерализм. М., 1998.

Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

Этциони А. Пределы прайвеси. М., 1999.

Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy. An Introduction. Oxford. 2002. Глава 6.

Семинар 6. Политическая философия феминизма

Вопросы для подготовки

1. Основные течения в политической философии феминизма.
2. Центральные категории политической философии феминизма.
3. Работа Б.Фридан «Загадка женственности».
4. Феминистская критика и ревизия политической философии от Платона до Ю.Хабермаса.
5. Работа Дж.Батлер «Психика власти».

Литература:

- Батлер Дж. Психика власти: теория субъекции. М., 2004.
- Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ, 1999, № 3.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. Гл.4.
- Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001.
- Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность, 2000, № 4.
- Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов/Д., 2000. Гл. 5.
- Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии, 1994, № 9.
- Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демографическая политика // Гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ, 1999, № 3.
- Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. Учебное пособие. М., 2006. Гл.1,2,3.
- Темкина А. Теоретические подходы к проблеме политического участия :гендерное измерение // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Центр независимых социальных исследований. Вып. 4. СПб., 1996.
- Феминистская критика и ревизия политической философии М., 2005.
- Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
- Хиршман Н., Дистефано К. Феминистские ревизии традиционных концепций политической философии. М., 2005.
- Хубер Д. Антология гендерной теории. М., 2000.
- Contemporary Political Philosophy. An Introduction . Oxford. 2002. Гл. 9.

Семинар 7. Политическая философия мультикультурализма

Вопросы для подготовки

1. Основные идеи и базовые категории мультикультурализма.
2. Работа Ч.Тейлора «Политика признания».
3. Работы по философии мультикультурализма У.Кимлика («Права культурных меньшинств», «Мультикультурное гражданство» др.)

Литература:

- Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
- Кирабаев Н.С. Мультикультурализм // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 640 – 642.
- Малахов В. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература, 1997, № 11.
- Павлова Е.Б. Понятие мультикультурализма в современном политическом дискурсе // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Екатеринбург, 2005.
- Скворцов Л.В. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб., 2000.
- Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy. An Introduction. Oxford. 2002. Гл. 8.
- Taylor Ch. Multiculturalism and «The Politics of Recognition». Princeton University Press, 1992.

Семинар 8. Современные проблемы российской политической философии

Вопросы для подготовки

1. Дискуссия между западниками и националистами по проблемам российской национальной идентичности.
2. Проблема кризиса либеральной идеологии в России.
3. Настоящее и будущее России в неоевразийском освещении.
4. Проблемы философско-политического осмысления процесса глобализации.

Литература:

- Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2006.
- Евразийская миссия (программные материалы Международного «Евразийского Движения»). М., 2005.
- Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М., 2003.
- Кара-Мурза А. Как возможна Россия? М., 1999
- Круглый стол, Белов Г.А., Лебедева Т.П., Мельвиль А.Ю., Назарова Ю.С., Покровский Н.Е., Рысева И.А., Соловьев А.И. Глобализация. Модернизация. Россия // Полис, 2003, № 2.
- Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006.
- Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в ХХ1 веке. М., 2003.
- Российская наука международных отношений: новые направления /Под ред. А.П. Цыганкова, П.А.Цыганкова. М., 2005.
- Русакова О.Ф. Радикализм в России и современном мире. Вопросы типологии. Екатеринбург, 2001.
- Русакова О.Ф. Евразийская концепция депотического государства // Судьбы гражданского общества в России. Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. Том. 2. Екатеринбург, 2004.

ГИМН ЛАБОРАНТОВ (Из архива дядюшки Лю)

Каждый зав. почему-то стремится
Лаборанта скорей получить,
Материально ответственные лица,
Ко сему мы имеем ключи.

В ноги падайте нам, диссертанты!
Ваши темы без нас не в ходу,
Держат кафедры, словно Атланты,
Лаборанты – надежда УрГУ.

Мы умеем и любим трудиться,
Только правды в УрГУ не найти.
Нам велят приходить в восемь тридцать,
А мы любим вставать к десяти.

Ни к чему нам труды-фолианты,
Над прибором корпеть ни к чему,
Пусть над квантами мрут аспиранты,
Лаборант – это гордость УрГУ!

Мы свой гордый престиж не уроним,
На студентов глядим сверху вниз.
«Нас не тронут, мы тоже не тронем!», —
Вот таков лаборантский девиз!

Нас хоть завтра снимай на экран ты,
И мы можем сказать Будяку¹:
Надо очень любить лаборантов,
Лаборанты – надежда УрГУ!

¹Будяк – бывший проректор по АХР УрГУ

ОХ, УЖ ЭТА ИСТОРИЯ! (Из серии « Идиотские философские сказки »)

В.М. Русаков

**Русаков Василий
Матвеевич**
доктор философских
наук, профессор,
зав. кафедрой общих
гуманитарных
дисциплин Института
международных связей

Устраивался как-то я на работу. Потребовали справки. Пришлось подсуесться. Приношу одну справку, другую; вот копия, вот еще. Показываю, смотрят:

— Паспорт? Так. Аттестат? Да. Диплом? Хорошо. ИНН? Есть. Страховое? Так. Флюорография? Хм, есть. Медицинский полис!? Ишь ты, есть. Ладно, посмотрим – листок по учету кадров? Эге... Справка о заработной плате? М-м... Свидетельство о повышении квалификации? Ух, ты... — процедура все более напоминала какую-то азартную карточную игру: кадровик выкликал название, а я отбивался, делая очередной ход очередным документом. Кипа бумаг росла.

— Ну-тес, а свидетельство о рождении? Ого. А свидетельство о браке? Хм, есть... А четыре фотографии четыре на четыре? Да, вижу... Так-

так... А где прививки от кори и дифтерита? Ух, ты! Эге-ге, а вот, батенька, где табельный номер, а? — действо обоюдно захватило нас, и мы вошли «в клинч», никто не хотел уступать. Со стороны можно было бы подумать, что мы бьемся, по меньшей мере, за кубок Стэнли!

Наконец, мы вошли в настоящее «пике» — несведущий человек уже ничего бы не понял и только закоренелые канцелярские профи, подтянувшиеся из разных отделов, завороченно следили за нашим поединком. Скоро стихийно возник тотализатор и на нас стали делать ставки!

Матерый кадровик знал свое дело, и его самолюбие было задето тем, что он напоролся на опытного обивателя канцелярских порогов: ясно, что он был на-строен только на победу.

Преимущество в опыте дало результат, когда он сделал неожиданный ход:

— В листке должна быть указана партийность!

— Шиш, — возразил я, — читайте Закон о департизации!

— Не грубите, молодой человек. Мы люди маленькие, сказано указать – пишите!

— Я нехотя достал пять-шесть карточек-партбилетов, среди которых были зелененький Аг-рарной партии, голубенький «соколов Жириновского», розовенький – Партии жизни. Кад-ровик же потянулся к карточке «Виза голд», случайно затесавшейся в эту колоду. Но я мстительно протянул ему фривольный билет «Партии любителей пива и красивых деву-шек». Кадровик засопел,

настроение у него слегка стухло. Но тут он сгруппировался и внезапно нанес свой коронный удар:

— А где служил ваш дедушка? — Справочку, пожалуйста.

Но он недооценил меня. Я, несколько смакуя, медленно полез в папку и слегка даже как бы в замешательстве пошелестел бумагами, наслаждаясь его нарастающим радостным оживлением: конечно, он уже списал меня и мысленно про-износил свои цинические любезности отказа в приеме документов. Я нарочно повернул странички многочисленными фиолетовыми штампами и печатями нескольких архивов, ветеран-ских организаций, всех этих обкомов-сыркомо-колбаскомов. Кадровик изумленно следил за моей рукой. В кабинете, как сказала бы моя бабушка, у присутствующих даже вши померли от изумления.

Однако к своему ужасу наметанным глазом я мгновенно понял свой «прокол»! И кадровик столь же мгновенно меня дожал:

— Э-э, батенька, — он почти источал материнскую доброту и отеческую заботу, — тэк-тэк-тэ-э-эк... Дедушка, говорите, не служил, говорите, не состоял? — Он медоточиво, но со значением напирал на эти «НЕ». Над нами нависли все: тут невольно приходило на ум библейское сравнение с «многоочитым сонмищем чинов ангельских», взирающих с небес...

Да, в справке было написано, что мой дедушка не служил в белой армии, в антисоветских организациях не состоял. Это-то все и решило.

На экране телевизора в вестибюле шла хроника: перезахоронение мощей генерала Дени-кина на исторической Родине... В Прибалтике в каталажку сажали «оккупанта» — бывшего белорусского партизана, отметившего столетие со дня своего рождения...

Я, как нокаутированный боксер, сползший с ринга, пошел домой «зализывать раны», чертыхаясь по поводу собственной рассеянности. Теперь надо было начинать все сначала.

Дома я застал своего дядю в окружении целой ватаги каких-то переростков. Мое внимание привлекли их наряды: что-то напоминавшее

форму офицеров то ли корниловского полка, то ли дроздовского, с обилием крестов, шевро-нов, своим переплетением неуловимо напоминавших свастику. В углу я заметил принесенное ими черное знамя с карикатурным ликом Спасителя — его глаза были неестественно выпучены. Я ничего не мог понять: дядя в привычной позе восседал в своем любимом кресле в окружении недорослей-переростков, расположившихся на полу кружком. Теперь я вспомнил, что так обычно дядя прежде принимал юных пионеров. Дядя вещал:

— Да-да, дорогие мои, мне выпала высокая честь служить под началом генерала Ан-тона Ивановича Деникина. Работал я тогда в контрразведке...

— Но дядя! Какой Деникин? Какая контрразведка? — в полном изумлении я воздел над головой красную книжицу увесистых дядиных мемуаров «По местам боевой славы Крас-ной Армии», мемуаров не бесспорных, но я ценил их за непосредственность чувства. Дядя, отмахнувшись от меня, как от осенней мухи, продолжал, явно имея перед собой хоть и угрюмую, но внимательную аудиторию:

— В девятнадцатом, помню, последний раз пришлось столкнуться с этим бывшим ун-тер-офицеришкой... как бишь, его.. Чапаевым! Помню, как сейчас, хорунжий скомандовал — «Пли!», больше мы с берега Иртыша его не видели...

— Дядя! Побойтесь бога, какой хорунжий, какой Иртыш?! Это же был Урал, да и ты сам писал, что служил в красной гвардии, а потом в разведке? И потом — в какие годы? Вы же в девятнадцатом еще под стол пешком?

Ах! Полно тебе, племянник; что ты придираешься. Да, в гвардии, но — в белой гвардии. И не просто в разведке, — а в белой контрраз-ведке. Ну, что ты со своей хронологией? Читай академика Фоменко — он наконец-то все даты правильно расставил! Да, годы берут свое, все меньше героев Ледового похода... Только песни и останутся, помните: «Мы белые кавалеристы и про нас, былинники речистые ведут рассказ!». Или вот еще: «И на тихой, на Кубани свой закончили поход...». Или вот еще прекрасные стихи: «Нас бросала молодость на иркутский лед!». Это — про Александра Васильевича Колчака, светлая ему память...

Я достал злополучную справку и стал старательно исправлять все эти «не-служил» и «не-состоял».

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ БАЛДА (подражание Проппу, Носовскому и Фоменко)

Л.Г. Фишман

Фишман Леонид Гершевич
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Автора этого небольшого исследования с давних пор привлекала и озадачивала во всех смыслах неординарная фигура героя одной из русских народных сказок, поэтически изложенной Пушкиным – Балды.

«А навстречу ему – Балда, идет, сам не зная куда...» И разворачивается совершенно фантастическая история столкновения попа с таинственным человеком, пришедшим ниоткуда и идущим никуда, с существом, которое только на первый взгляд укоренено в социокультурном мире русского средневековья, но в действительности обладающее каким-то мистическим налетом инаковости, каким-то чуть ли не иноземным колоритом. Долгое время автора этих строк мучила загадочность Балды, но после знакомства с известным исследованием В.Я. Проппа, а также с работами Носовского и Фоменко, ему показалось, что он нашел ключ к действительному смыслу этой самой необычной русской сказки.

Кто же такой Балда? Прежде всего, странно само имя: хотя оно и стало нарицательным, но ни в исторических хрониках, ни в художественных произведениях мы не встретим людей по имени Балда, вряд ли найдутся таковые и среди наших знакомых. Уже одно это позволяет подозревать, что Балда – иноземец, каким-то образом оказавшийся на русском базаре.

Когда мы встречаемся с ним впервые, то это впечатление усиливается. Балда «идет сам не зная куда», пока не наталкивается на попа. Он дезориентирован в незнакомом окружении и не знает, что ему делать – или же искусно притворяется таковым. Сначала даже может показаться, что Балда – обычный лоботряс и бездельник, но в дальнейшем мы узнаем, что он «ест за четверых, а работает за семерых». И это также свидетельствует в пользу того,

что Балда – необычный человек, обладающий, по крайней мере недюжинной силой и выносливостью. Дальше – еще удивительнее.

Очень странно следующее: та плата, которую Балда просит с попа за целый год работы. Просит он с попа, как известно, всего три щелчка по лбу. Еще загадочнее, что поп чувствует какой-то подвох под этим предложением, ибо «щелчок щелчку рознь». И действительно, даже человек, обладающий недюжинной физической силой, вряд ли смог бы посредством трех щелчков нанести другому какой-то катастрофический ущерб. Максимум, легкое сотрясение мозга. Но поп, по всей видимости, опасается чего-то гораздо более серьезного, имея в виду какие-то не простые, хотя бы и очень сильные щелчки. По всей вероятности, он подозревает, что Балда – не тот бездельник, за которого он себя выдает, а нечто большее – но что? В конце-концов жадность пересиливает и поп соглашается на условия Балды. (Тут мы должны немного отвлечься. Странная плата щелчками, которую потребовал Балда у попа, по всей видимости, необъяснима, если воспринимать сказку как тривиальную историю отношений работника и работодателя. Такая интерпретация, не лишняя остроумия, уже предпринималась, но автор так и не смог удовлетворительно объяснить указанного момента. Ему оставалось только констатировать явную иррациональность настойчивого требования Балды, истоки которого он видит в каких-то детских психологических комплексах¹. Но тогда получается, что и поп ведет себя крайне иррационально: ну чем серьезным в обычной жизни могли ему грозить три щелчка?)

Тем не менее, когда срок расплаты приближается, у попа и его жены уже, по-видимому, формируется довольно ясное представление о том, кто такой Балда. Сказка умалчивает о поручениях, которые они давали Балде, помимо обычных забот по хозяйству. Но, несомненно, были и необычные поручения, ибо в итоге у работодателей сложилось впечатление, что для Балды, похоже, нет ничего невозможного. Или почти нет, но как раз это и оставалось проверить. И они дают ему последнее поручение, выполнив которое он должен себя вполне разоблачить. Поп и попадья посылают его, ни много, ни мало, к берегу моря: собрать оброк с чертей.

Теперь мы, как представляется, вплотную приблизились к разгадке тайны Балды и нам следует пояснить: что же побудило попа и попадью дать Балде напоследок именно такое поручение. Мы сразу отбросим обыденное мнение: потому что де это заведомо невозможно и поп таким образом хотел

просто избавиться от платы. Это, как мы увидим, верно только отчасти, да и не в том смысле, в котором обычно понимается знаменитая сказка.

Нет, поп уже к тому времени понял, что его работник в принципе может справиться и с таким поручением. А подсказало ему это его имя – Балда.

Вслушайтесь в звучание имени – Балда. Тот, кто хоть немного знаком с античной историей, быстро различит в первой его половине имя могущественного финикийского божества Баала (или Ваала), а во второй – однозначное утверждение. Балда это «Баал-да»!

Человек, носящий такое имя, несомненно, имеет самое прямое отношение к Ваалу, являясь его преданным адептом, если только не жрецом. А ведь известно, что это было за божество – Ваал. К разряду светлых и добрых божеств Ваал явно не принадлежал, уже хотя бы потому, что требовал человеческих жертвоприношений. Это Ваалу карфагеняне и прочие финикийцы приносили в жертву своих собственных детей, трупы которых сжигались на руках идола. И вот такому-то богу служил, по всей видимости, Балда.

И, надо отметить, служил ревностно, ибо Ваал наделил его великой силой и властью.

В самом деле, может ли обычный человек простой веревочкой так взмутить море, что оттуда черти ползут? А когда вылезут, то не сразу разорвут нарушителя спокойствия, а предпочтут попробовать с ним договориться? Но именно так и обстоят дела в сказке, что доказывает: Балда обладал немалой магической силой и имел власть над бесами. Балда вступает в состязание с чертями, истинная картина которого нам, скорее всего, останется неизвестной. Но, конечно, трудно поверить, что Балда просто обхитрил чертей с помощью тех незамысловатых трюков, которые описываются в сказке. Ну, подумайте сами, если верить «официальной версии», то черт настолько глуп, что проглатывает байку Балды, насчет того, что заяц – его младший брат! Также он якобы верит Балде, что тот может закинуть палку на тучку, даже не попытавшись проверить этого смелого утверждения. А поездку Балды на кобыле воспринимает как свидетельство его невероятной силы («несет кобылу промеж ног»). Как будто черт никогда не встречался со всадником! Если же все эти сцены и на самом деле имели место в реальности, то у них, несомненно, был совсем иной смысл, нежели приписываемый им в сказке.

К сожалению, информация, которая может быть получена из текста сказки, слишком скудна и позволяет только догадываться об истинном смысле состязаний между бесенком и Балдой. Тем не менее, персонажи и предметы, присутствующие в этих состязаниях, сами по себе довольно символичны.

Так, например, заяц, которого герой сказки призывает для соревнования с чертом в беге, – типичное животное-помощник, нередко присутствующее и в прочих русских сказках.

Образ животного-помощника восходит к древним верованиям, в которых то или иное животное (или птица) считалось покровителем и основателем рода, его тотемом. Очевидно, заяц имеет самое прямое отношение к роду Балды. Но какое именно – нам остается только догадываться. Если бы Балда просто просил покровительства у своего тотемного животного, он обращался бы с ним уважительнее, чем в сказке. Ведь тотем – это первопредок. Но Балда почему-то называет зайца своим младшим братцем. Что это может означать? Как то, что Балда находится с тотемным животным в очень тесном родстве, так и то, что он едва ли не сам является его земным воплощением. Вполне возможно, так и понимает связь Балды и зайца бесенок, что само по себе внушает ему уважение.

Далее, бесенок предлагает Балде состязаться в метании палки на дальность. Вопрос в том, что за палки они метают. Палка вполне может оказаться совсем не палкой, а, скажем, магическим жезлом, подобным тому, какие метали жрецы фараона и Моисей, показывая свое могущество. А еще она может оказаться и вовсе даже не жезлом, а каким-то аналогом молота Тора или секиры Перуна – грозных орудий божеств, в скандинавской и славянской мифологиях ассоциировавшихся с грозой. На это прямо указывает угроза Балды закинуть свою «палку» не куда-нибудь, а на ближайшую тучку, после чего начнется «свалка» с чертями. Не трудно представить, какие мысли о статусе Балды вызывает это сочетание фактов и угроз у всего лишь маленького беса! Особенно если вспомнить завязку истории: она начинается с того, что Балда начинает мутить море какой-то веревкой. Учитывая все сказанное выше, мы теперь можем с большой степенью вероятности установить имя этой веревки. Эта «веревка» очень похожа на знаменитого Змея Мидгарда – Йормунганда! Согласно скандинавским мифам, он столь велик, что опоясывает всю землю, лежа на дне моря. Если его как следует раздражить, то на море начинается буря. Трудно сказать, кем является Балда, но он явно не слабее Тора, который, если верить этим мифам, один только и мог себе позволить подергать Йормунганда за хвост или еще что-нибудь и тем самым взволновать море.

Но, конечно, более всего напугало черта все же последнее состязание, предложенное уже самим Балдой: поднять и пронести кобылу (которая, судя по всему, появляется совершенно неожиданно) на некоторое расстояние. В отличие от предшествующих эпизодов, символика этого состязания почти прозрачна. Знаем мы таких кобыл, появляющихся, как и сам Балда, ниоткуда. Конь, как убедительно показывает В.Я.Пропп, это животное, очень тесно связанное с загробным миром. Герои мифов и сказок получают своих волшебных коней либо прямо из могилы (склепа), либо из символизирующего ее подвала, либо от духа умершего отца, как в сказке о Сивке-Бурке и т.д., и т.п. Кстати, в сказке

о Балде речь идет именно о сивой кобыле, тогда как Пропп замечает, что в большинстве случаев кони загробного мира сивой или рыжей масти. Кони эти предназначены прежде всего для того, чтобы свободно проникать в потусторонний мир и возвращаться обратно. Понятно, что такой конь будет слушаться далеко не всякого человека, если только Балда вообще является человеком. Не слушается он и бесенка. А Балда свободно ездит на своей сивой кобыле, чем вызывает, несомненно, у черта мистический ужас: Балда ходит в загробное царство как в гости или как к себе домой! Вот это-то факт и добывает окончательно чертей.

Итак, Балда предстает теперь перед нами совершенно в ином свете, как необычайно могущественная, почти титаническая фигура, обладающая властью над зверями, бесами и мифическими существами, входя в загробный мир и равная по силе языческим богам. Если ее реальный статус и не был известен сельскому попу, то, похоже, о нем догадывались черти. И Балда знал, что они знают кто он, иначе бы не стал говорить: «Как смеешь тягаться ты со мною, со мною, самим Балдою!» Но хотя мы и установили все это, мы по-прежнему не можем однозначно ответить на вопрос: кем же все-таки был Балда? Как оказалось это почти сверхъестественное существо на рынке в средневековой Руси? И, главное, зачем оно нанялось к попу за такую необычную плату? Не для того же ведь, чтобы преподнести обывателям банальное нравоучение в бюргерском духе: не гоняйся за дешевизной! Мы можем только предположить, что

таинственный человек, могучий чернокнижник Балда каким-то образом оказался не в своем времени и не на своем месте, и чтобы вернуться назад, ему потребовалась человеческая жертва. И, как служитель темного божества Ваала, в качестве особо ценной жертвы он наметил себе служителя заведомо враждебного культа — православного священника — сыграв на присущей человеку жадности. Тогда внешне бессмысленная прогулка Балды по базару, за которой мы застаем его в начале сказки, являлась в действительности частью хитро разработанного плана. Вспомним: поп пришел на базар вовсе не для того, чтобы нанять работника, а просто «посмотреть кой-какого товару». И то, что, столкнувшись с Балдой, он вдруг осознает необходимость в работнике, в свете описанных выше способностей Балды уже вовсе не выглядит случайностью. Балда вполне мог его просто околдовать, внушить нужную мысль. Точно так же мог Балда околдовывать в течение года и все семейство попа, которое относилось к нему в высшей степени восторженно. Хотя, конечно, такое отношение могло быть обусловлено и выдающимися качествами Балды как работника.

Сказка умалчивает о том, просто ли вышибло у попа ум после третьего щелчка Балды или вместе с ним он потерял еще и душу, которая отправилась к Ваалу. Так или иначе, скорее всего план Балды удался, поскольку иных сказок о нем мы не знаем.

1. Л. Малков. Работник Балда, с точки зрения менеджера // «Бизнес-журнал» №9 от 15 октября 2002 года.

РАЗГОВОР В ТРАМВАЕ

А.Ф. Фадеев

**Фадеев
Альфред
Францевич**
кандидат геолого-
минералогических наук

Подслушивать стыдно. Рассказывать о подслушанном неприлично. Конечно, если собеседники не хотят быть услышанными. Ну, а если они, не стесняясь, громогласно обсуждают свои дела и высказывают взгляды на публике? Тогда, наверное, можно.

Ехали в трамвае две старушки. Обычно я не

обращаю внимания на то, кто и что говорит в трамваях и автобусах. Но бабушки говорили очень громко, и речь вели ... о сексе. «Ты вот объясни мне, Матвеевна, почему в Советском Союзе секса не было, а дети появлялись? По два-то почти в каждую семью их аист приносил. А, бывало, пойдут муж с женой в огород, да ишшо и третьего найдут в капусте... И не надо было черноголовых с югов завозить, чтобы они в городе асфальт ложили... А сегодня на каждом шагу целуются, шшупают друг друга за странные места, а все без толку? Опять же и ориентация неправильная пошла, погляди-ко: что не артистка, то — мужик переодетый, или, как их нонче называют — «голубой», всё звёзды... Не здря же таперича так и говорится: «поп-звезда», откуда дитям-то взяться».

«Совсем ты, вижу, без понятия, — возразила ей другая старушка, — не в том дело, кто кого и за како место шшупает, а жисть-то какая пошла! Детские пособия — 70 рублей в месяц, а одни пенетки стоят полтышши, вот и заводи после этого робёнка! Ни садиков, ни яслей, все платное..., еко место! Только богатые с толстым кошельком и могут заводять

детей. И здря по телевизеру всё время похабшину кажут – не помогут... Я вот недавно новую сказку про Красную Шапочку посмотрела. Пошла она к Бабушке с гостинцами, а Серый Волк пронюхал и прибежал раньше. И што ты думаешь он сделал с Бабушкой? Не съел её, а как бы тебе объяснить покультурнее, омманул её ли чо ли... Тако выделывал... А опосля все же и съел. Лежит себе на кровати в бабушкином чепце с большим животом, отдыхат... Пришла Красная Шапочка и спрашивает: «Чё, подзалетела, старая?..» Страмотишша да и только. И когда только над нами, старухами, перестанут смеяться?! Вон опеть же по телевизеру два придурка представляются «новорусскими бабками», хорошие бабки, видать заколачивают... за наш счет. А с чего всё пошло? С его, с нашего пьянницы-алкаша... То-то радовались: свой, родной.., высокий, стройный. Голосуй сексом, а то проиграшь! Вот и доголосовались». «Да не сексом, а сердцем! И не суди никово-то, коли не знашь», – возразила собеседница.

«В политике ты плохо понимаеш... Виноват-от плешивый, которого ишшо меченым звали: «Не пушщу, говорил, тебя в политику!» А наш-то осерчал шибко да и развалил всю страну: вот, дескать, ты президент, а страны-то и нету! А назначил бы его плешивый своим заместителем, глядишь всё бы и обошлось... А нонешный-то президент не лучше прежнего...». «Скажешь тоже: не лучше Брежнева! При Брежневе-то лучше было. А сегодня чё ни день, то несчастье: там упали, там пропали, там напали, обокрали, там убили, утопили... Кажный день какая-нибудь катаклизма... Говорят, банки скоро будут закрывать: в Москве вон не успевают деньги подвозить, как их бандиты тут же и забирают. То охранники выйдут из машины по жаре водички попить, то кассир с сумкой с миллионами долларов выйдет подышать свежим воздухом. А жулики уж тут как тут. Пиф-паф – и ой-ёй-ёй! И никого поймать не могут. Всё борются с каким-то тирроризмом. У меня вон в подъезде тоже тирроризм: мужик жену бьёт кажинный день. Она орёт благим матом. Милицию

вызывали – не поехала. Говорят, это дело поллюбовное, семейное, не наша прирогати́ва. Слово ишъ какое при думали – «прирогати́ва», етто чтобы значит ничего не делать. «Мы, дескать, разрабатываем мероприятия по борьбе с международным тирроризмом, саму Усаму ишшем, а вы к нам с такими пустяками лезете». Вот, ежели он её убьёт, тогда и будем заниматься...».

«Да чё там драка в доме! Вон я недавно видела по телевизеру драку в Государственной Думе! Взрослые дяди-депутаты тузили друг друга, как малыши в детском саду,.. кучу-малу устроили! Один видный такой мушшина, который обо всё́ правильно понимает и судит, дрался и плевался, как верблюд. Хотели было выгнать, да с самого «верху» звонок был: не трогать!»

«Ты насчет «верху»-то не очень болтай. Скоро, слышала, опеть за длинный язык садить

будут...»

«А мне чё? Пушдай посодят... Чё с меня возмёшь? Всё равно скоро коммунальной леформой из фатеры выгонют. А там всё же – крыша над головой, трехразовое горячее питание...»

«Как же жди: кофей тебе в постель подавать будут...»

Слушавшие пассажиры делали вид, что не слышат. Кое-кто криво усмехался. Развалившиеся на сиденьях «для инвалидов и пассажиров с детьми» бритый парень с девицей с пирсингом в голом пупе невозмутимо потягивали из баночек пиво. Кондуктор отошла в сторонку, поглядывая на потолок, где был написан номер «телефона доверия». Я вышел из трамвая, не дослушав окончания интересного разговора: была моя остановка. А ещё мне подумалось: куда катится наш большой общий «трамвай» – Россия, ведомый вышеупомянутыми вагоновожатыми, с политически грамотными пассажирами-старушками и оболваненными молодыми людьми? И не пора ли нам сменить кондукторов и вагоноуважато́го и перевести стрелку из тупика на широкую прямую дорогу, чтобы, как еще недавно раньше, двигались мы быстро вперёд, и «косясь, посторанивались и давали нам дорогу другие народы и государства».

Пятилетие «Дискурса-Пи»

25 января 2006 года в Институте философии и права УрО РАН состоялось торжественное заседание и дружеский вечер, посвященный 5-летию выхода в свет научно-практического альманаха «Дискурс-Пи». Первый выпуск альманаха назывался «Власть дискурса и дискурс власти» (Екат., 2001). Сейчас он необыкновенно востребован и уже стал библиографической редкостью. С тех пор вышло еще четыре выпуска альманаха под следующими названиями: «Приключения разума в информационном обществе» (Вып.2. Екатеринбург, 2002); «Дискурс толерантности в глобальном мире» (Вып.3. Екат., 2003); «Россия лицом к Востоку» (Вып.4., Екат., 2004); «Дискурс идентичности» (Вып.5., Екат., 2005). В 2003-2005 гг. альманах издавался при поддержке гранта Президента РФ. С 2003 г. альманах становится печатным органом научной школы «Методология дискурс-анализа в гуманитарных и социально-политических науках», действующей на базе Института философии и права УрО РАН.

За пять лет своего существования альманах отдал свои страницы результатам исследований, идеям, размышлениям около 300 авторов более чем из 20 городов России – Москвы, Омска, Ростова-на-Дону, Саратова, Орла, Барнаула, Томска, Нижнего Новгорода, Краснодара, Перми, Нижневартовска, Глазова, Уфы, Владивостока и др.

По мере роста популярности журнала расширяется круг его зарубежных авторов, среди которых есть ученые из Мексики (М.А. Малышев), Израиля (И.М. Модель, Б.С. Модель), Турции (И. Кучуради), Словакии (И. Сивак), Чехии (С. Горак), Японии (К. Мацузато, К. Мидзуки, К. Накатоми) и др. Среди приглашенных российских авторов – такие выдающиеся ученые, как: С.С. Алексеев, А.С. Ахиезер, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Гусейнов, И.С. Кон, В.А. Лекторский, М.Н. Руткевич, Э.Ю. Соловьев и др.

Постоянными авторами альманаха являются видные философы, политологи, правоведы, журналисты, поэты из Уральского региона – К.Н. Любутин, Б.В. Емельянов, В.Н. Руденко, Е.Г. Дьякова, К.В. Киселев, М.Ф. Казанцев, М.А. Фадеичева, А.Д. Трахтенберг, Ю.Г. Ершов, В.О. Лобовиков, О.Ф. Русакова, В.М. Русаков, К.С. Романова, А.Е. Спасский, Ю.И. Мирошников, В.С. Мартынов, Л.Г. Фишман, О.Б. Ионайтис, С.В. Мошкин, О.В. Коркунова, Л.М. Андриюхина, А.М. Воробьев, А.С. Гагарин, С.И. Глушкова, Е.А. Степанова, Д.Л. Стровский, Н.Н. Некрасов, В.В. Уфимцев, Ю.В. Чемякин, Л.А. Ладейщикова, Ю.В. Конецкий и др.

У альманаха есть друзья и единомышленники в Российском Философском Обществе, в Российской Ассоциации Политических Наук, в Российской Ассоциации Связей с Обществом и в других научных и общественных центрах страны.

В 2004 г. в целях продвижения новых научных проектов был создан Издательский дом «Дискурс-Пи» (генеральный директор – А.Е. Спасский, главный научный редактор – О.Ф. Русакова). К настоящему времени Издательский дом выпустил 13 книг в сериях «Политический маркетинг», «Звезды современной мысли», «Философия: золотой запас», «Журналистика и общество», «Дискурсология». С декабря 2006 г. выпускается мини-журнал под названием «Медиадискурс» (главный редактор – Д.Л. Стровский).

Участие членов редколлегии альманаха в научных форумах – XXI Всемирном философском конгрессе (Стамбул, август 2003 г.), Третьем Всероссийском конгрессе политологов (Москва, апрель 2003 г.), IV Российском философском конгрессе (Москва, май 2005 г.), Третьем Всероссийском конгрессе политологов (Москва, октябрь 2006 г.) и многих других способствовало взаимообмену творческими проектами и результатами исследований, развитию научных связей, расширению состава авторов альманаха.

Основные эпизоды жизнедеятельности альманаха получили отражение на страницах ряда периодических изданий:

1. Гриценко В.П. «Власть дискурса» (Чем пленяет «Дискурс-Пи») // Полис, 2006, № 4;
2. Гиренко Ю. Этюды о власти // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований, М., 2002, № 2(21);
3. Русакова О.Ф. О новом научно-практическом альманахе «Дискурс-Пи» // Вестник Российского Философского Общества, М., 2002, № 2;
4. Якубовский А. Скромное обаяние дискурса // Наука Урала, март 2003, № 6;
5. Фан И.Б. К пятилетию «Дискурса-Пи» // Наука Урала, февраль 2006, № 3;
6. Подкорытова Н. Политологом можешь ты не быть, но почитать журнал... // Областная газета, 22 января 2004;
7. Королев А.Д., Чумаков А.Н., Ярошук Н.З. Дискурс-Пи. Выпуск 4: Россия лицом к Востоку // Вестник Российского Философского Общества, М., 2005, №1 (33).
8. Юров В. Россия лицом к Востоку // Большая Медведица, 2005, № 1(3).

В.А. АПРЕЛЕВА И ЕЕ СТИХИ

Замечено, что, если человек талантлив, то он талантлив всесторонне. Давно зная Викторину Александровну Апрелеву, считаю, что эта сентенция относится и к ней: музыкант по высшему своему образованию она написала несколько монографий о философском потенциале русской классической музыки, защитив на эту тему докторскую диссертацию на философском факультете МГУ; ее многолетние изыскания по древнерусской культуре нашли воплощение в четырех удивительных по емкости идей и мыслей книгах «Сакральный Космос Руси Изначальной: мифология, философия, символизм», получивших позитивные отклики не только в России, но и за рубежом; свой педагогический талант вдумчивого воспитателя и учителя она распространяет не только на своих детей, но и на студентов и аспирантов, чему я был неоднократно свидетелем; наконец, она давно пишет хорошие стихи. Правда, публиковать их В.А. Апрелева стала недавно, выпустив однако уже три книжки стихов.

О ее стихах – особый разговор: они и лиричны, и философичны одновременно. Задавшись целью познакомить читателей «Дискурса-ПИ» с ее стихами, я оказался в затруднении, чему отдать предпочтение: тем, в которых завораживает тонкий лиризм чувств и переживаний, либо тем, в которых в поэтической форме, порой категориально, выражена ищущая ответа мысль поэтессы. Оценить преимущество тех или иных я не берусь и предлагаю сделать это читателям. А то, что они их заинтересуют, уверен.

Б.В. Емельянов

Скорость атак,
Битвы, тревоги,
Ночи бессонные,
Скорьбь...
Леса дыханье.
На бешеной скорости
Ритма железного
Дробь...

Жизнь – вихрь мгновений.
Все живо.
Все ново.
Во всем – отраженье веков.
Минутная слабость.
Страданье Иова,
И холодность
Праздничных снов.

1984 г.

В.А. Апрелева

Зачем так много говорить
О том, что ясно изначально?
Слова как в омуте топить,
Слова – в них спрятан смысл
сакральный.

И звуков шум, и треск перстов:
Волненье пустоты шумливой.
Не лучше ль просто скромный
вздых.

Не лучше ль просто взгляд
пытливый?

Роняем много глупых снов,
Не разгадав их странный облик.
Плутаем вновь в значенье слов,
Не обрета душевный отклик.

2003 г.

Так просто судить о других безоглядно,
В просчетах – как в крупных грехах – обвинить.
Увидеть на дружеской совести пятна,
Расправу – без промедленья – чинить.

Так просто, над жизнью чужою порхая
То колкостью слов, то советом пустым,
И в тайну души без смущенья вторгаясь,
К мольбе о пощаде остаться глухим.

Так сложно, от гнева порывы смиряя,
Завистливый мир стороною обойти.
И в тысячный раз все обиды прощая,
Для Господа чистое сердце спасти.

Так просто и сложно. Вражда – Единенье.
Шаг ввысь – и сто тысяч шагов по земле...
От злобы к добру непосильно стремленье,
Но только к нему мир склонится в мольбе.

19.06.2003 г.

И вновь Природы странный лик
Загадкой Сфинкса вырастает,
Тот смысл вещей, что я постиг,
Игрою новых форм сметаю.

Мой взор теряется вдали,
В небесной сини ускользает.
Мой слух приник к нутру Земли,
Ее звучанию внимает.

Стараюсь чувств смирить поток,
Зов сердца в тишину окутать,
И мудрости постичь хотя б глоток,
И научиться мыслей строй не путать.

Душа моя открыта для чудес.
Но вновь из бездны в мир восходит тайна,
Иллюзий и обманов вырос лес,
Разрушив космос светлого сознанья.

И, погружаясь в волны вечности,
Я – мотылек, влекомый бурей,
Скорблю о роковой беспечности
Принявших вихрь – за свет лазури...

IX. 2003 г.

Ничего не должна,
 ничем не обязана –
Я сегодня с тобой
 лишь любовью повязана...

В неверности Любовь –
 Уж не любовь, а раз-двоенье
Души и чувств,
 Стремленья и ума,
Фальшивый взгляд
 на божье сотворенье,
И пустота жестокого обмана.

Ты пригубил иллюзий новый яд –
Пока они играют, веселят, -
Но скоро омрачится узнавание –
Откроешь прежней скуки очертанье...

Двойное «нет», увы, не «да»,
А лишь двойное отрицанье,
И неуместно оправданье,
Что «жизнь прошла, как та вода...»

Жесток ли разлюбивший человек?
Скорее нет. Скорей – опустошен.
И памяти своей твердя урок,
Он новым чувствам вновь дает зарок.

Смотри вперед и не ищи приметы,
Ведь жизнь дана, как славный бранный пир,
Где каждый добивается победы,
В самом себе рождая свой кумир...

Любовь длиною в Жизнь, иль в Год,
Любовь от Бога – возвышает,
Дарует ключ от всех невзгод
И молодость, что созидает.

Смотри на мир не размягченным взглядом,
И с меткостью охотницы-лисы,
И недруги покинут вдруг с досадой,
Сославшись на истекшие часы.

Над водою замерзшею лист
С прошлой осени берега ждет,
Но весною теченья каприз
его дальше с собой унесет...

ПОЭЗИЯ Л.К. Татьяничевой

Имя Людмилы Константиновны Татьяничевой (1915 – 1980), лауреата Государственной премии России, хорошо известно ценителям отечественной поэзии. Её строки о красоте уральской природы и стойкости уральского характера, о будничном героизме трудового тыла – входят в золотой фонд гражданственной русской литературы.

Знаменательно, что детство и ранняя юность будущего поэта прошли в Свердловске (Екатеринбурге) на улице 8 Марта, 68. Ныне на доме установлена памятная доска, а в его стенах расположен Институт философии и права УрО РАН.

В декабре 2005 года, к 90-летию со дня рождения выдающейся поэтессы, была учреждена Всероссийская литературная премия имени Л.К.Татьяничевой. Учредители премии — творческое объединение членов Союза писателей России «Цех Поэтов», Уральский фонд социальных исследований, Институт философии и права УрО РАН, Российская Академия Поэзии, редколлегия альманахов «Дискурс-Пи» и «Московский Парнас».

* * *

Пусть не в меня в прямом бою
Вонзался штык чужой огранки,
Прошли сквозь молодость мою
Года тяжелые, как танки.
О, трудный марш очередей
За хлебом, клеклым от бурьяна,
И над молчаньем площадей
Суровый голос Левитана...
А дети в ватниках худых,
А вдов опущенные плечи!
Нет горше будней фронтовых,
Но эти – вряд ли были легче...
Ты знаешь это. Ты видал
Цеха бессонные, в которых
Из гнева плавился металл,
А слезы превращались в порох.

* * *

У русских женщин есть такие лица:
К ним надо приглядеться не спеша,
Чтоб в их чертах могла тебе открыться
Красивая и гордая душа.

Такая в них естественность, свобода,
Так строг и ясен росчерк их бровей...
Они как наша русская природа, –
Чем дольше смотришь, тем еще милей.

Л.К. Татьяничева

УРАЛ

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки, сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.
В лугах, на ковровых просторах,
Среди плодоносных полей,
Лежат голубые озера
Осколками древних морей.
Богаче, чем краски рассвета,
Светлее, чем звездный узор,
Земные огни самоцветов
В торжественном сумраке гор.
Я сердцем все это вбирала,
Свой край полюбив навсегда.
Но главная сила Урала –
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавают металл. ...
Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

**Ладейщикова
Любовь Анатольевна**
член Союза Писателей
России,
заслуженный работник
культуры РФ, лауреат
Всероссийской премии
им. Л.К.Татьянической

ВЗЛЁТНОЕ ВРЕМЯ

Когда погас, взметнувшись, пламень жизни,
Во тьме душа продолжила полёт,
Как будто в миг падения Отчизны –
Взлетел дотла сгоревший самолёт,

И, вынося страну из бездны мрака,
Крылами обнимая высоту,
Возжёт, как свечи, знаки Зодиака
Над чёрным пеплом в аэропорту.

Тех горьких свеч огонь неопалимый,
Забравший жизнь, но возвративший свет,
Слезу любви сквозь крематорий дыма –
Обрушил в память уцелевших лет...

И вслед – на взлёт пошёл отсчёт пространства,
Великий взлёт событий и времён, –
Где Русь вошла в эпоху постоянства,
Как лайнер, что над пропастью спасён,

Где только взлёт – божественный и дивный,
Когда державный дух в груди горит...
...Но реквиемный свет и реактивный
Ещё над взлётным временем парит.

2006

ВОСХОЖДЕНИЕ СЛОВА

А.Р.

Гаснут звёзды – восходит Слово
Над бессмертием без границ.
...Но душа ко всему готова –
Ждёт своих перелётных птиц.

Хлынут строки, как свет из горла,
Луч к земле пригвоздит крыло,
Чтобы время не просто стёрло,
А распяло и вознесло.
2002

КОСЫ ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

Легенда замирает на весу,
Когда в сонет вплетается баллада:
“...Отроковица срезала косу
На радость пионерского отряда,

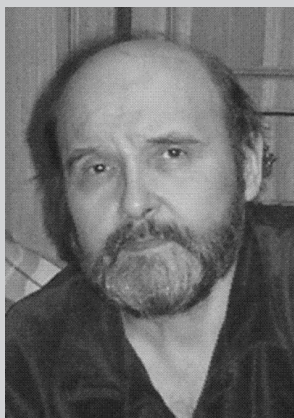
За сладкий лёд, облитый шоколадом,
Отдав густую девичью красу...”
...Поступок сей – вместил эпоху всю
С непобедимой жертвенностью: “Надо!”

Пусть непонятно временам другим,
Зачем делиться золотом тугим
И смоль волос класть на алтарь дружины?

Вплетясь в сказанье, косы отросли,
Былинный слог и голос вознесли,
А сказы, как известно, вечно живы.

15 – 17 июля 2006.
(Москва – Екатеринбург)

**Конечский Юрий
Валерьевич**
член Союза Писателей
России, заслуженный
работник культуры РФ,
академик Российской
Академии Поэзии

ЧЕЧНЯ

I

Мелькнула чёрная накидка...
Монашка, или же вдова? –
Мы на Тверском с тобой, шахидка,
Лоб в лоб не встретились едва.

Тебя вела сама обида,
И безысходности тоска...
И тяжкий пояс из пластида,
Как змей, обвил твои бока.

Смерть мужа... - нет страшнее вести.
Смерть брата... - закипает кровь!...
Горянка, ты – орудье мести,
Так докажи свою любовь!

Умри достойно и без страха,
Как воин в праведном бою,
И став десницею Аллаха,
Стань вечной гурией в раю.

Геополитики зигзаги
Не понимает разум твой,
Но ты в печали и отваге
Терактом бредишь на Тверской...

II

В церковь Прасковья сходила за речку,
Богу за сына поставила свечку,

Знает молитв непростительно мало,
Просит, чтоб пуля его не достала,

Чтобы вернулся живым и здоровым,
И отдохнул под родительским кровом.

Вот и невеста, баска, неплоха,
Ждёт целый год своего жениха.

Свадьбу сыграют, как только придёт,
Крестится Паша, поклоны кладёт.

... Что за машина стоит возле дома?
Чёрная папка в руках военкома,

Бог не услышал молитву твою:
«...Пал смертью храбрых в неравном бою...»

Чёрную весть подполковник вручил,
Тяжко вздохнул, и в райцентр укатил,

В три по дороге заехал села –
То-то головушка невесела.

Орден на куртке его офицерской,
Сердце застыло от миссии мерзкой:

- Как там с бензином?
- В порядке бензин.
- Ну-ка, сержант, заверни в магазин!

III

Остановились около крестов
И звёздочек на стареньком погосте.
Служивый вспомнил госпиталь,
Ростов,
И морг военный, где тела и кости.

Сгорели в танках парни из полка -
Ждала их безымянная могила,
Когда бы экспертиза ДНК
Родителям детей не возвратила.

А он остался жив, - почти герой, -
Наградами и шрамами отмечен,
Брал Грозный,
Вёл бои под Ханкалой -
«Броня в расплаве каплет, словно свечи...»

День неизбежно клонится к концу,
Тихи берёзы и печальны сосны,
Листок опавший чиркнул по лицу,
И закатился за гранит погостный.

«Я - дома, ты – в гостях» - прочёл сержант
Слова на камне... Около могилы
В кустах звенел кузнечик-музыкант,
Шло стадо коз с рогами, словно вилы.

Собаки смутно лаяли вдали,
По тракту гнал Камаз под девяносто...
И два усталых жителя земли
Стояли молча посреди погоста.

И водку подполковник хмуро пил,
Как пьют с тоски у нас по всей России,
И меж заросших травами могил
Всё не пьянел под небом тёмно-синим.

«...Вновь призываем сущих салажат,
Потери спишет Родина по факту...
...Я пью, а ты закусывай, сержант, -
В Чечню не ездят...
Даже по контракту...»

IV

Выпив перцовки аптечной, сосед
Возле подъезда оставил пакет.

Возле подъезда оставил пакет,
Выпить ещё бы, а денежек нет.

Был на заводе родном кузнецом, -
Куплен завод неизвестным лицом.

Куплен завод иностранным купцом,
И перестал быть кузнец кузнецом.

Чудо творит на планете прогресс –
В металлолом твой отправили пресс.

Стал безработным умелый мужик,
А воровать с малых лет не привык.

Разве податься в охрану куда,
Да молодых предпочтут господу.

Кто повидал и Чечню, и Афган,
Тех и берут, ты ж не молод, и... пьян.

Мусорный возле подъезда пакет,
Возле помойки свалился сосед -

Выпил с бомжами – отключка в момент.
Фирмы ризлтерской некий агент

Вызвал ментов по мобильнику: «Факт! –
Здесь замышляется явный теракт».

Из гидропушки расстрелян пакет –
Всем террористам «горячий привет».

Что в нём лежал не пластид – уточни.
Страшен воинственный призрак Чечни...

V

...У подполковника ещё
Одна бутылка.
Идти в квартиру – не расчёт,
Жена, как вилка.

И вот присел он у крыльца,
Почти что плача,
Пить – так по-русски, до конца...
Нельзя иначе.

Юнцы – из горлышка пивцом
Зальют «колёса»,
И с перекошенным лицом
Балдеют косо...

А он хлебал и спирт, и смерть
И выжил всё же:
За что воюем там, ответь,
Небесный боже?!

Сосед-кузнец привёл бомжа
С настойкой перца,
Что горечь бедных горожан
Смывает с сердца...

И вот, уйдя за гаражи,
Втроём глотнули.
- Ты, подполковник, расскажи,
За что – под пули? -

Сестра звонила – племяша
Убили в Грозном...
...И выпить требует душа
В порыве слёзном!

- Чечня, – расчувствовался бомж, -
Есть знак распада,
Там, ваххабиты, - бритый ёж! –
Бойцы что надо.

Вот я служил с чеченем год
В ракетной части, -
Горячий, знаете, народ,
И дик отчасти.

Стихотворенье «Валерик»
Учил я к смотру, -
Тесак приставил под кадык, -
Стал шить мне контру:

- Учи «Полтаву», говорит,
Где мочат шведов, -
Недаром Лермонтов убит,
Чечни отведав...

Бомж – несерьёзный человек,
Ум отдыхает, -
Квартиру пропил в прошлый век,
Властей не хает.

Кузнец кричит:
- Япона мать,
Не трали-вали -
Чтоб было легче воровать,
Чечню создали.

Вот я ковал за танком танк
Полжизни в цехе -
Учил броню в огне атак
Сметать помехи...

А тут какая-то Чечня -
Заноза в теле!.. -
Пылает факелом броня,
Не еле-еле!..

Пришлют как бы вагон денег
В горящий Грозный,
А утром банк тот разбомбят...
...Нет, несерьёзно...

Встал подполковник:
- Дядя Сэм
Желает нефти,
Чечню сожрёт, - и нет проблем! -
Как торт, иль тефтель.

И той, и этой стороне
Война в охотку,
А впрочем, истина в вине –
Фанфурик в глотку!

Однако, надо по домам, -
С утра на службу...
А бомж вздыхал:
- Куда уж нам!

...И пил за дружбу...

И. Модель, Б.Модель

Модель Исаак Моисеевич
доктор политических наук, профессор
Модель Белла Савельевна
кандидат философских наук

ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛИЗМЫ

Кому декабрь - хлад кромешный,
Кому декабрь - злата свет,
А некоторым - так, неспешный
Подсчет канувших в Лету лет.

Тех лет, в которые до срока
Нам не противны зеркала,
А будущее так далеко...
Как до околицы села.

Тех лет, когда во дни ненастья
Не страшны выюги и гроза,
Когда для нас любовь - злосчастье,
И счастье - от нее слеза.
Но все, что случилось в годы эти,
От первых до текущих дней,
Все - наша жизнь на этом свете.
И мы гордимся дружбой с ней.

И коль случится юбилею
На нашу голову упасть –
Так пусть уж льют на нас елєю,
А мы его напьемся властью!

И станем мы в минуты эти
От этой теплой широты
Добры и веселы, как дети,
А слезы...
Спрячем за цветы.

**Ананина
Евдокия**
ученица лицея им.
С.П.Дягилева,
лауреат российский
и международных
конкурсов искусств

АЛЬБОМ

Я хочу весь мой город в альбом поместить –
И смотреть на него, и мечтать:
Никогда чтоб не рушились в мире мосты,
Чтоб навеки художником стать.

Всю Россию и весь мой Урал запишу
В свой волшебный открытый альбом, –
И пока я живу, и пока я дышу –
Будет вечным мой город и дом.

2006

КУПОЛА

Сколько в городе куполов!
Сколько звонких колоколов!
Говорят, что другая эпоха была,
И молчали разбитые колокола.
2006

РОЖДЕСТВО

Рождественская ёлка,
Ответь на мой вопрос:
Ты куплена на рынке,
Иль Дед Мороз принёс?

Рождественская сказка,
Открой мне свой секрет:
Есть сказочная правда? –
Хочу я знать ответ.

Рождественские свечи –
Какая красота, –
Для тех, кто верит в чудо
Рождения Христа!

Взгляни скорей на небо –
Взошла звезда Его!
Недаром светлый праздник
Зовётся Рождество.

ПАМЯТИ ДРУГА В.Д. Жукоцкий

**Жукоцкий
Владимир Дмитриевич**
(1954-2006)
доктор философских наук,
профессор

Летом 2006 г. в автокатастрофе трагически погиб в расцвете творческих сил наш друг и автор – доктор философских наук, профессор Владимир Дмитриевич Жукоцкий.

Жукоцкий Владимир Дмитриевич – известный специалист в области философии религии и культуры, истории социально-политической мысли и марксистской философии в России. Он родился в с. Пальмирово Днепропетровской области. Окончил экономический факультет

Курганского машиностроительного института в 1976 году, аспирантуру и докторантуру на кафедре истории философии Уральского государственного университета в 1988 и 1997 гг. С 1977 года преподавал философские науки в Куйбышевском авиационном институте, Курганском государственном университете, Тюменском государственном университете.

С сентября 1996-го года В.Д. Жукоцкий работал заведующим кафедрой гуманитарных наук (в дальнейшем – кафедра философии) Нижневартковского экономико-правового института - филиал Тюменского государственного университета.

В.Д. Жукоцкий защитил в УрГУ докторскую диссертацию по теме «Русский марксизм в религиозном измерении: историко-философский аспект» (2000). В 2001 году ему было присвоено ученое звание профессора.

Проф. В.Д. Жукоцкий читал лекции по академическим курсам философии и политологии, а также спецкурсам «Духовные основы русской культуры», «Философия и история русского марксизма», «Политические институты и процессы

в современной России», «Основы гуманизма», «Народничество: русский путь», «История религий и мировых цивилизаций».

В.Д. Жукоцкий - автор трех монографий, множества статей, опубликованных в центральных научных журналах и издательствах. В альманахе «Диалог-Пи» В.Д. Жукоцкий были опубликованы статьи: «Власть: физика и метафизика социального» («Диалог-Пи», 2003, №3), «Российский конституционализм и современный политический процесс» («Диалог-Пи», 2005, №5).

Биобиблиографические сведения о В.Д. Жукоцком включены в энциклопедическое издание П.В. Алексеева «Философы России XIX – XX столетий. Биографии. Идеи. Труды» (4-е издание, М.: Академический проект, 2002), а также — в издание «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей. Опыт энциклопедического словаря» (Екатеринбург, 2002).

В.Д. Жукоцкий был инициатором и организатором проведения в Нижневартковске регулярных «Марксовских чтений» (1998, 1999, 2001, 2004) со статусом Всероссийской научной конференции. Возглавлял Нижневартковское отделение Российского философского общества.

В.Д. Жукоцкий - автор перспективной научной концепции русского реформационного процесса и модальной логики развития религиозных форм. При этом феномен культурно-исторической и личностной эволюции религиозного им объясняется внутренней противоречивостью теистической и атеистической составляющих религиозного сознания. Согласно Жукоцкому, в учении К. Маркса существенны иудео-христианские корни, его адекватность глобальному процессу секуляризации европейской и мировой культуры, его гуманистический потенциал. Русский марксизм, вырастающий из народнической парадигмы, обнаруживает в исследованиях Жукоцкого множество устойчивых форм своей актуализации. Это – «легальный», ортодоксальный, эмпириомонистический, богостроительский, импровизирующий, «бессознательный» и др. Религия советизма, согласно исследователю, в своем истоке восходит к фундаментальной традиции «русской веры», выходящей далеко за рамки официального православия.

В работах Жукоцкого рассматривается социальный идеал русской софийности, прослеживается история его трагических трансформаций. Культурологическую составляющую большевистской эпохи Жукоцкий исследовал в контексте методологии религиозных войн, определял ее как эпоху запоздалой (по европейским меркам), но по-своему необходимой духовной реформации, прорыва из патриархальности в современность с опорой на воинствующие формы социально ориентированного «атеистического протестантизма», ставшего устойчивой мировоззренческой формой российской интеллигенции конца XIX – XX вв.

В.Д. Жукоцкий вел широкую научно-просветительскую деятельность, выступая многолетним руководителем политического дискуссионного клуба «Полис» при НЭПИ ТюмГУ. С декабря 2001 года являлся Председателем регионального отделения Российского гуманистического общества, занятого пропагандой идей и ценностей светского гуманизма, научного мировоззрения и гражданского общества. Он - автор цикла телевизионных передач «Беседы о гуманизме» (2002). Под его руководством в апреле 2003 года начал свою деятельность городской семинар «Наука и религия: проблемы современного гуманизма».

Научно-педагогическая деятельность В.Д. Жукоцкого неоднократно отмечалась почетными грамотами, премиями, ценными подарками. В 2004 г. он был награжден нагрудным знаком Минобразования России «Почетный работник высшей школы».

Сочинения В.Д. Жукоцкого: Маркс и Россия в религиозном измерении. Опыт историко-философской реконструкции смысла. Нижневартковск: «Приобье», 2000. Маркс после Маркса. Материалы по истории и философии марксизма в России. Нижневартковск: «Приобье», 1999. Философия и политика. Размышления о судьбах реформ в России. Курган: Парус-М, 1996. Человек и религия. Философско-антропологическое введение. Нижневартковск, 1999. Русская интеллигенция и религия: опыт историсофской реконструкции смысла // Философия и общество, 2001, № 1. Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории» // Вопросы философии, 2001, № 12. Пророк несбывшегося. О тождестве противоположностей: к диа-логике ницшеанства и марксизма в России // Общественные науки и современность, 2002, № 4. Педагогическая гуманистика // Вестник Российского философского общества, 2002, № 4. Едва заметный пунктир истины. Гражданин, гражданское общество и диктатура пролетариата // Свободная мысль XXI, 2003, № 1. Максим Горький: от «сверхчеловека» к «всечеловеку» в зеркале символических форм // Философские науки, 2003, № 1. (в соавторстве). «Эмпириомонистический» марксизм А.А. Богданова: проблема идеологии // Вестник МГУ. Серия: философия, 2004, № 1. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // Общественные науки и современность, 2004, №3. Философский манифест // Вестник Российского философского общества, 2004, №1. Народничество: русский путь. Лекции по спецкурсу. Екатеринбург-Нижневартковск: УрГУ, 2004 (в соавторстве). Русская религиозная традиция и образование // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. М., 2004, №1. Проблемы социального гуманизма: история и современность. Четвертые Марксовские Чтения. Материалы Республиканской очно-заочной научной конференции (5 марта, 29 мая 2004 г., Нижневартковск). Нижневартковск, 2004.

(Научное редактирование, Вступительное слово, Концепция Марксовских чтений в Нижневартонске, Марксизм и утопизм: по страницам одного издания). Апостол просвещения или кантовское откровение о морали и религии // Международный конгресс, посвященный 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта (24- 28 мая 2004 г., Москва). Материалы конгресса. М. Институт философии РАН, 2004. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество, 2004, № 3. Философия культуры – культурфилософия – культурология – история культуры // Философские науки, 2004, № 7 и др.

Литература о В.Д.Жуковском: Емельянов Б.В. Маркс после Маркса (Нижневартонск, 1999), Маркс и Россия в религиозном измерении (Нижневартонск, 2000) // Философское образование. Вестник Межвузовского Центра по русской философии и культуре, 2000, № 4. С. 73-77. Пивоваров Д.В. Жуковский В.Д. Маркс после Маркса. Материалы по истории и

философии марксизма в России. Нижневартонск: Изд. «Приобье», 1999 // Философия и общество, 2001, № 2. С. 161-167. Крылов Д.А. Жуковский В.Д. К. Маркс и Россия в религиозном измерении. Опыт историко-философской реконструкции смысла. Нижневартонск: Изд. «Приобье», 2000 // Гуманитарный вектор. Вып. 2 (7). Чита, 2000. С. 135-140. История интеллигенции в биографиях ее исследователей. Опыт энциклопедического словаря. Екатеринбург, 2002. С. 64-65. Алексеев П.В. Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2002. С. 330-331; Б.В.Емельянов, В.М.Русаков. Уральская философская школа: 1965-2005. Екатеринбург, УрГУ-ИфиП УрОРАН, 2005, с.51-57.

Нам трудно смириться с тяжелой утратой. Светлая память дорогому другу и коллеге.

Редколлегия альманаха «Дискурс-ПИ»

Новые книги по философии, политологии, социологии и праву

Составитель: Е.М.Сурина

Сурина Елена Михайловна
заведующая научной
библиотекой Института
философии
и права
УрО РАН

Белоусов А. Лоббизм как политическая коммуникация / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред. К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 215 с.

Монография является первой отечественной работой, посвященной исследованию лоббистских коммуникаций. Автор проводит подробный анализ стратегий и тактик, используемых лоббистами и чиновниками, рассматривает причины и способы стимулирования лоббистской активности органами государственной власти, подробно останавливается на вопросе участия в процессах лоббирования интересов средств массовой коммуникации.

Гриценко В.П. Социосемиотика. /Предисловие, ред. В.М.Русакова. - Институт международных связей: Екатеринбург, 2006. – 244 с.

Дискурс-Пи: Науч.-практ. альм. Вып. 5: Дискурс идентичности / Гл. ред. О.Ф. Русакова; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Екатеринбург. обществ. благотворит. фонд «Дом ученых» и др. – Екатеринбург, 2005. – 210 с.

Вып. подгот. при поддержке гранта Президента РФ № НШ-2228-2003.6.

Дискурсология: Методология, теория, практика: Докл. Первой Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 15–16 дек. 2006 г. / Ин-т философии и права УрО РАН, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, ИД «Дискурс-Пи»; Под общ. ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург, 2006. – 171 с. – (Дискурсология. Вып. 3).

Емельянов Б.В. Русская философия права: История становления и развития. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 148 с.

Емельянов Б.В., Орехов С.И. Грани русской философии: поиски смыслов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005 – 186 с.

Емельянов Б.В. Русский космизм: основные направления. Учебное пособие / Б.В.Емельянов. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 220 с.

В работе рассматриваются четыре основные формы русского космизма – культурно-философская, религиозно-философская, естественно-научная, а также космическая педагогика, воплотившие миропонимание отечественными космистами единства человека, Земли и космоса как естественной природной гармонии, новизну и оригинальность их идей.

Киселев К.В. Символическая политика: власть vs общество / Рук. проекта: О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский; [Гл. науч. ред. О.Ф. Русакова]. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – 131 с. – (Дискурсология. Вып. 2).

В книге рассмотрены различные элементы системы политических символов, складывающейся в период после бесланской трагедии 2004 г. Особое место уделено «дешифровке» символических логик власти, связанных с электоральным процессом и формированием региональной идентичности.

Любути́н Константин Николаевич: Биобиблиография ученого (к 70-летию со дня рождения и 45-летию творческой деятельности) / В.Н. Руденко, И.Б. Фан, Е.М. Сурина, А.Ю. Яжук; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Под ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 128 с.

Малышев М.А. Аффективные переживания и поиски смысла жизни. Ред. В.М. Русаков // Екатеринбург: ИМС, УрГУ, 2006. – 244 с.

В книге русского философа, работающего в Мексике, представлены размышления о поиске человеком смысла своей жизни и аффективных переживаниях. Речь идет о признании, приключении, сомнении, абсурде, вине, стыде, зависти, любви и смерти. Несомненный интерес представляют эссе о творчестве Шаламова, Шестова, Чорана, Зиммеля и Янкелевича.

Многообразие политического дискурса / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права. Урал. гос. с.-х. акад.; Отв. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. с.-х. акад., 2004. – 385 с.

Книга опубликована при поддержке Совета по грантам Президента РФ. Грант № НШ-2228-2003.6.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2005 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред.: В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – Вып. 6. – 450 с.

В шестом выпуске Научного ежегодника философии и права УрО РАН представлены работы в области философии, политологии, права, выполненные научными сотрудниками, докторантами и аспирантами института в 2005 г.

Новые идеи в социокультурной динамике науки: [Сб. науч. тр.] / Под ред. Ю.И. Мирошникова; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Каф. филос. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 401 с. – (Философские проблемы науки и культуры; Вып. 3).

Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах: Сб. науч. ст. по итогам Четвертой междунар. конф. / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права. Урал. Акад. гос. службы; Отв. ред. К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 597 с.

Романтизм: истоки, метафизика, эволюция: [Коллективная моногр.] / Отв. ред. Ю.И. Мирошников; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Каф. филос. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 191 с.

Романтизм – важнейший этап в развитии европейского самосознания и культуры. Ярко заявив о себе в первой половине XIX в., он и по сегодняшний день остался актуальной формой мировоззрения, мироощущения, образом жизни современного человека. Авторы книги ставят перед собой задачу выявить метафизические корни романтизма и его эволюцию в XIX–XX вв.

Словарь-справочник по правам человека: основные понятия и институты / Ред. совет: гл. ред. – Алексеев С.С., зам. гл. ред. – Семитко А.П., Глушкова С.И. – М.: Права человека, 2006. – 466 с. – (Б-ка по правам человека).

Современная мысль Латинской Америки: идентичность и глобализация. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006, – 120 с. – (Серия «Звезды современной мысли»).

Книга представляет собой сборник статей пяти современных авторов из стран Латинской Америки: Орасио Черути Гулдберг (Мексика), Марио Магальон Анайя (Мексика), Эктор Самур (Сальвадор), Мануэль де Хесус Корраль (Коста-Рика), Яманду Акоста (Уругвай). Их объединяют размышления над проблемой латиноамериканской идентичности, обозначенной понятием «nuestra America». Тематика сборника глубоко созвучна интеллектуальным поискам российских исследователей и читателей, размышляющих над вопросами: Кто мы? Какова наша история? Какое будущее нас ждет в глобализованном обществе?

Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ / Руководители проекта: О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – 210 с. – (Дискурсология. Вып. 1).

Публикация осуществлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ. Грант № НШ-2228.2003.6.

В книге рассматриваются многочисленные теории дискурса, разработанные представителями зарубежной и отечественной науки. В работе содержатся аналитические обзоры таких современных течений, как критический дискурс-анализ, постмодернистский дискурс-анализ, визуальные исследования и др. Предметом специального анализа выступают дискурсы постмодерна, демократии, гражданственности, справедливости, региональной идентичности, расизма, прав человека.

В составе авторского коллектива – ученые из России, Бельгии, Нидерландов, Австралии.

Стровский Д.П. Российская журналистика в эпоху перемен. Из века XX в век XXI / Рук. проекта: О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – 172] с. – (Журналистика и общество. Вып. 2).

Публикация осуществлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ. Грант № НШ-2228.2003.6.

Глобальная трансформация, которую переживает Россия в последние годы, внесла существенные изменения в сложившиеся взаимоотношения между властью, обществом и СМИ. При этом возникла опасность потери доверия к СМИ со стороны аудитории. Что могут предпринять в существующих условиях редакции? Как журналистским коллективом сохранить к себе интерес и уважение различных социальных групп? Может ли в данном случае пригодиться опыт, накопленный прессой в советское время? Автор книги стремится дать ответы на эти вопросы.

Традиционное политическое сознание: эволюция мифологем / Гушин В.Р., Колобов А.В., Михалева А.В., Рязанова С.В.; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред. Рязанова С.В. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 274 с.

Работа предполагает изучение религиозной составляющей мировоззрения как фактора формирования позиции индивида и группы в политической мифологии как архаической составляющей менталитета, оказывающей влияние на другие его компоненты. Учитываются региональные особенности мифовосприятия и религиозного сознания, традиционного и модернизированного, обусловленные хронотопом отдельных культур.

Анализируются политические аспекты религиозных учений на основе священных книг и социальных концепций традиционных систем.

Фан И.Б. От героя до статиста: Метаморфозы западноевропейского гражданина / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред. К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 313 с.

Монография посвящена исследованию проблемы исторического становления феномена гражданина как центральной фигуры западноевропейской цивилизации. Впервые в отечественной науке феномен гражданина рассматривается в качестве субъекта, образующего, воспроизводящего и изменяющего социальную реальность. Гражданин представлен как социокультурный феномен, сочетающий в себе универсальные и локальные, устойчивые и изменчивые характеристики.

Философский словарь по правам человека / Наций. ин-т по правам человека, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Урал. гос. юрид. акад., Гуманит. ун-т; Ред. кол.: А.В. Гайда (пред.), Н.В. Бряник (отв. ред.) и др. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2006. – 711 с. – На обл.: Философский словарь по правам человека. Правовая культура и правовое сознание в России сегодня.

Издание включает более 200 статей, посвященных осмыслению прав и свобод человека в контексте отечественной и зарубежной истории, а также с учетом современного положения дел в этой сфере. В авторский коллектив вошли не только теоретики и исследователи в области юридических и политологических наук, но также и те, кто непосредственно участвует в сложном процессе обеспечения, соблюдения и защиты прав и свобод человека

Чемакин Ю.В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006, - 184 с. – (Серия «Журналистика и общество»).

Книга может служить настольной книгой редактора корпоративного издания. В ней рассматриваются основные тенденции развития корпоративной прессы, проблемы, мешающие СМИ стать эффективным инструментом менеджмента, и пути решения этих проблем. Свои выводы автор основывает на анализе конкретной практики, передового российского и зарубежного опыта.

ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА "ДИСКУРС-ПИ" МОЖНО ЛЮБЫМ УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:

1. По электронному адресу: dipi@nm.ru

2. По почте:

620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233.

620144, Екатеринбург ул., 8 Марта, 68 Институт философии и
права УрО РАН

3. Курьерной доставкой (в пределах Екатеринбурга)

ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ЗАКАЗА УКАЖИТЕ:

1. Фамилию Имя Отчество, телефон, E-mail
2. Почтовый индекс, регион, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру
3. Названия книг, авторов и количество заказываемых экземпляров.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА "ДИСКУРС-ПИ":

1. О. Ф. Русакова, А. Е. Спасский
«Что такое политический маркетинг?»
(Серия «Политический маркетинг». Выпуск 1)
2. О. Ф. Русакова, А. Е. Спасский
«Искусство «звезд» политического маркетинга»
(Серия «Политический маркетинг». Выпуск 2)
3. О. Ф. Русакова, А. Е. Спасский
«Политический маркетинг». Краткий учебный словарь
(Серия «Политический маркетинг». Выпуск 3)
4. Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг
«Установление повестки дня: Теория и технология»
(Серия «Политический маркетинг». Выпуск 4)
5. А. И. Зверев
«Media relations в чрезвычайных ситуациях»
(Серия «Политический маркетинг». Выпуск 5)
6. Б. В. Емельянов
«Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет»
(Серия «Философия: Золотой запас». Выпуск 1)
7. Ю. В. Чемякин
«Корпоративные СМИ: Секреты эффективности»
(Серия «Журналистика и общество». Выпуск 1)
8. Д. Л. Стровский
«Российская журналистика в эпоху перемен.
Из века XX в век XXI»
(Серия «Журналистика и общество». Выпуск 2)

9. М. А. Малышев
«Мысли по поводу и поводы для мыслей»
(Серия «Звезды современной мысли». Выпуск 1)
10. Л. Данина
«Женский дискурс или когда уходит муж»
11. О. Ч. Гулдберг, М. М. Анайя, М. Х. Корраль,
Я. Акоста, Э. Самур
«Современная мысль Латинской Америки:
идентичность и глобализация»
(Серия «Звезды современной мысли». Выпуск 2)
12. «Современные теории дискурса:
мультидисциплинарный анализ»
(Серия «Дискурсология». Выпуск 1)
13. К. В. Киселев
«Символическая политика: власть vs общество»
(Серия «Дискурсология». Выпуск 2)
14. «Дискурсология: методология, теория, практика» (Серия
«Дискурсология». Выпуск 3)
15. В.В. Уфимцев «На переломе эпох (Курсанты)»
(Серия «Офицерский дискурс». Выпуск 1)
16. Альманах "Дискурс-Пи". Выпуск 4. Россия лицом к
Востоку
17. Альманах "Дискурс-Пи". Выпуск 6. Дискурс
современных мифологий

и др.

[illegible]

Тема следующего выпуска:
**«Новый левый
дискурс»**

Дискурс Пи. Выпуск 6: Дискурс
современных мифологий / Под редакцией
О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2006 – 160 с.

ISSN 1817-9568

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук*

Екатеринбург, 2006

Главный редактор
О.Ф. Русакова

Технический редактор
С.Б. Григорьева

Дизайн-макет
А.А. Панов
Дизайн обложки
В.В. Русаков
Компьютерная верстка
В.В. Русаков

Корректор
Е.П. Арапова

Подписано в печать
05.03.2007
Формат 60 x 84 1/8.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. ...
Тираж 500.
Отпечатано в типографии ООО ДРП
«Локомотив». 620102, Екатеринбург,
ул. Посадская, 21, оф. 233.
Заказ № ...